

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

Зубакин Максим Владимирович

**ВЛИЯНИЕ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ И Я-КОНЦЕПЦИИ ЗРИТЕЛЕЙ НА
ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КИНОФИЛЬМОВ СО СЦЕНАМИ НАСИЛИЯ**

19. 00. 01 – Общая психология,
психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор Л. Я. Дорфман

Пермь, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Психосемантические и личностные аспекты восприятия сцен насилия в СМИ	14
1.1. Концепции субъективной семантики и психосемантики	14
1.1.1. Понятия субъективной семантики и психосемантики	14
1.1.2. Психосемантический подход к изучению значений сознания	17
1.1.3. Теория аффективного значения и семантический дифференциал	23
1.1.4. Психосемантика художественных произведений и СМИ	27
1.2. Активационные теории личности и Я-концепции	36
1.2.1. Активация в структурной теории личности Г. Айзенка	38
1.2.2. Активация в теории поиска ощущений М. Цукермана	39
1.2.3. Активация в теории агрессивности Д. Зилмана	43
1.2.4. Активация в Я-концепции К. Шоуэрс и Я-концепции Л. Я. Дорфмана	46
1.3. Восприятие сцен насилия в СМИ	53
1.3.1. Современное состояние исследований медианасилия	53
1.3.2. Концепции восприятия медианасилия	56
1.3.3. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты восприятия сцен насилия в СМИ	59
1.3.4. Восприятие сцен насилия в СМИ и личность зрителя	63
1.4. Проблемное поле исследования	66
1.4.1. Постановка проблемы	66
1.4.2. Цель, объект и предмет, задачи исследования	68
1.4.3. Методологическая основа, теоретические и концептуально-эмпирические предпосылки	69
1.4.4. Исследовательские гипотезы	82
Глава 2. Организация и методики исследования	84
2.1. Этапы исследования и характеристика выборки	84
2.2. Методики	84

2.2.1.	Вопросник семантического дифференциала	84
2.2.2.	Вопросник личности Г. Айзенка и С. Айзенк (EPQ-R)	86
2.2.3.	Вопросник поиска ощущений М. Цукермана	87
2.2.4.	Вопросник агрессии А. Баса и А. Дарки	88
2.2.5.	Вопросник полимодального Я	89
2.3	Процедура, стимульный материал и анализ данных	90
2.3.1.	Процедура	90
2.3.2.	Стимульный материал	91
2.3.3.	Анализ данных	92
2.3.4.	Дисперсионный анализ, подтверждающий факторный анализ, структурные линейные уравнения	94
Глава 3.	Психосемантические ассоциации зрителей кинофильмов со сценами насилия в связи с чертами их личности и Я-концепции	99
3.1.	Изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия	100
3.1.1.	Психосемантические ассоциации зрителей кинофильмов без сцен насилия и со сценами насилия	100
3.1.2.	Факторная структура изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия	102
3.2.	Корреляционный анализ показателей черт личности и Я-концепции	104
3.3.	Раздельные влияния черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия (дисперсионный анализ)	107
3.4.	Совместные вклады черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия	116
3.5.	Обсуждение	126
	Выводы	138
	Заключение	140
	Литература	144

Введение

Актуальность исследования. Проблема восприятия медианасилия широко изучается в социальной психологии, однако недостаточно осмыслена в общепсихологическом и дифференциально-психологическом аспектах. Существуют определенные трудности и противоречия, которые не могут быть решены имеющимися знаниями в настоящий момент. Можно говорить об общей проблеме, которая заключается в необходимости и поиске новых подходов к изучению медианасилия, а также получению обновленных результатов с учетом применения современных методов статистики.

Перспективным представляется интегративно-системный подход и изучение медианасилия как целостного феномена. Хотя целостное познание человека является центральным методологическим требованием отечественной психологии (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. А. Барабанщиков, А. В. Брушлинский, Б. А. Вяткин, А. А. Деркач, Л. Я. Дорфман, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, В. А. Петровский, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, Д. В. Ушаков, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков), целостное видение влияния медианасилия на людей сдерживается рядом нерешенных концептуальных, психометрических и эмпирических проблем. Их своевременное изучение позволит существенно уменьшить имеющиеся пробелы в соответствии с современным состоянием психологической науки. Поставленные в диссертации задачи, требуют скорейшего решения с учетом современных запросов воспитания и образовательной практики. Их недостаточная разработанность выдвигает на первый план постановку и решение ряда проблем, возникающих в связи с задачей интеграции восприятия медианасилия в общепсихологическом и дифференциально-психологическом контекстах.

Степень разработанности проблемы. Наши исследования восприятия медианасилия опираются на ряд теорий, которые пытаются объяснить влияния

экспозиции насилия в СМИ на зрителей. Например, К. Андерсон и др. (Anderson et al., 2003) выделяют теории наблюдаемого научения и подражания, активации и возбуждения, ассоциаций, десенсбилизации (эмоционального привыкания). Б. Бушман (Bushman, 2002) добавляет в этот перечень гипотезу катарсиса, которая предполагает, что переживание и экспрессия эмоций во время восприятия медианасилия будут уменьшать соответствующие агрессивные мысли, чувства и эмоции. Вместе с тем ни одна из этих теорий и гипотез не отвечает на фундаментальный вопрос о том, как диспозиции личности (устойчивость, стабильность, кросс-ситуативность) взаимодействуют с восприятием медианасилия (изменчивость, подвижность, ситуативность). Так, устойчивость иллюстрирует агрессивность личности как диспозициональную агрессию (Bing et al., 2007), готовность к агрессии (Ренн, 1996), враждебную установку к людям (Берковиц, 2005). Изменчивость иллюстрирует агрессию как психический процесс, психическое состояние (Шестакова, Дорфман, 2009).

До каких пределов возможна интеграция устойчивых особенностей личности с ситуативным восприятием медианасилия – это теоретическая и эмпирическая проблема. До сих пор она недоосмыслена и недостаточно изучена. Вместо интегративного тренда, который прочно не установился, преобладает тренд исследований роли отдельных черт личности и Я-концепции, а не их совместные вклады в восприятие медианасилия. Поэтому в качестве **ведущего** выступает **противоречие** между исследованиями влияния отдельных черт личности и Я-концепции зрителей на восприятие медианасилия и недостаточностью таких исследований в интегративном ключе.

Возникающие на основе ведущего противоречия научно-исследовательские проблемы можно обобщить следующим образом.

1. Проблема интеграции. В каких пределах интеграция восприятия медианасилия, черт личности и Я-концепции зрителей может быть глобальной, локальной или имеет место их дезинтеграция?

2. Проблема кросс-теоретичности. Черты личности зрителей и их Я-концепция сопрягаются или расходятся, влияя на восприятие медианасилия?

3. Проблема изменчивости восприятия. Восприятие медианасилия в сравнении с восприятием медиа без сцен насилия изменяются?

4. Проблема эмпирического тестирования. Отсутствуют единые данные о том, как черты личности и Я-концепция, соотнесенные с разными теориями активации, влияют на восприятие медианасилия.

Анализ литературы и ее осмысление обусловили выбор темы исследования: «Влияние черт личности и Я-концепции зрителей на психосемантические ассоциации художественных кинофильмов со сценами насилия».

Целью работы является исследование влияния черт личности и Я-концепции зрителей на их психосемантические ассоциации при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

Объектом исследования являются восприятие насилия и личность зрителей.

Предметом исследования является восприятие зрителями художественного кинофильма со сценами насилия в рамках активационных теорий личности и Я-концепции, теории семантического дифференциала.

В соответствии с проблемами, обозначенными выше, были поставлены три **эмпирические задачи** исследования.

Первая задача заключалась в том, чтобы установить, изменяются ли психосемантические ассоциации зрителей и какова их структура при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия в сравнении с восприятием кинофильма без сцен насилия.

Вторая задача заключалась в том, чтобы установить состав черт личности и субмодальностей Я-концепции зрителей, способствующих изменениям психосемантических ассоциаций при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

Третья задача заключалась в том, чтобы оценить, в какой степени черты личности и Я-концепция зрителей могут интегрироваться с психосемантическими ассоциациями при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

Исследовательские гипотезы. Теоретический анализ проблемы и теоретико-эмпирические предпосылки позволили решать поставленные задачи в рамках следующей общей гипотезы. Она заключалась в том, что на психосемантические ассоциации, возникающие в ответ на экспозицию сцен насилия в художественном кинофильме, влияют черты личности и Я-концепция зрителей. С этих позиций были сформулированы несколько групп конкретных исследовательских гипотез.

Первая группа гипотез касалась изменений психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма без сцен насилия. Она была направлена на решение первой задачи исследования. Первая группа гипотез включала 2 гипотезы, которые строились в терминах семантического дифференциала по Ч. Осгуду (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). (1) Изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями кинофильма без сцен насилия будут иметь следующий характер: компонент «Оценка» принимает более негативные значения, а компоненты «Сила» и «Активность» принимают более высокие значения. (2) Факторная структура изменений психосемантических ассоциаций складывается из 3-х ортогональных факторов: «Оценки», «Силы» и «Активности».

Вторая группа гипотез касалась состава черт личности и субмодальностей Я-концепции зрителей, способствующих изменениям психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. Она была направлена на решение второй задачи исследования. Вторая группа гипотез тоже включала 2 гипотезы. (3) В состав черт личности и Я-концепции зрителей кинофильмов со сценами насилия входят экстраверсия, нейротизм, психотизм (Айзенк, 1999), поиск ощущений (Zuckerman, 2007), агрессивность и враждебность (Buss, & Perry, 1992), субмодальности полимодального Я (Дорфман, 2004). (4) Эти черты личности и Я-концепция влияют на изменение

психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия.

Третья группа гипотез касалась пределов интеграции черт личности и Я-концепции зрителей с психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма со сценами насилия. Она была направлена на решение третьей задачи исследования. Третья группа включала 3 гипотезы. (5) Указанные выше черты личности и Я-концепция зрителей отдельно влияют на изменения их психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. (6) Указанные выше черты личности и Я-концепция зрителей совместно влияют на изменения их психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. (7) Возникает не одна универсальная интеграция указанных выше черт личности и Я-концепции зрителей с их психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма со сценами насилия, а несколько локальных интеграций.

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные научные направления, открывающие пути исследования психосемантических ассоциаций при восприятии сцен насилия в кинофильмах:

– целостный подход, разные варианты которого представлены в работах К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, В. А. Барабанщикова, Б. А. Вяткина, А. А. Деркача, Л. Я. Дорфмана, Б. Ф. Ломова, В. С. Мерлина, В. А. Петровского, Я. А. Пономарева, С. Л. Рубинштейна, Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочка, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной, В. Д. Шадрикова;

– системный подход, открывающий многоаспектное видение явления и позволяющий рассматривать его в нескольких системах координат, показывая многомерность (В. А. Барабанщиков, Л. Я. Дорфман, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, Я. А. Пономарев, Е. С. Самойленко). Системное знание о явлении интегрируется кросстеоретически – при нахождении у нескольких теорий общего основания и в согласии с принципом дополнительности (А. В. Юревич);

– субъектно-деятельностный подход, утверждающий человека активным субъектом многообразных форм активности и деятельности и показывающий

способность человека к самодетерминации, самоопределению, саморазвитию (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, И. А. Джидарьян, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко);

– концепции насилия (С. Н. Ениколопов), деструктивности (Л. Я. Дорфман и К. В. Злоказов, Э. Э. Сыманюк), конфликтности личности (Е. П. Ильин, Н. И. Леонов);

– концепция метаиндивидуального мира и полимодальный подход к Я-концепции (Л. Я. Дорфман).

Методы исследования. Теоретические: анализ, сравнение и обобщение различных методологических, теоретических и эмпирических исследований. Эмпирические: вопросники семантического дифференциала (Osgood, 1952, в адаптации Эткинда, 1979), черт личности (Eysenck, & Eysenck, 1994; адаптация Дорфмана, Денисовой, 1999), поиска ощущений (Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978; перевод и адаптация Дорфмана, Зубакина, 2007), агрессивности и враждебности (Buss, & Durkee, 1957 в адаптации Карелина, 1997), полимодального Я (Дорфман, 2008). Математической обработки данных: описательные статистики (нормальность распределения), оценка надежности шкал (Альфа Кронбаха), тест Вилкоксона, коэффициент корреляции Пирсона, эксплораторный факторный анализ, дисперсионный анализ, конфирматорный факторный анализ, структурные линейные уравнения.

Достоверность результатов исследования обусловлена непротиворечивостью исходных методологических положений, применением комплекса методов и методик, соответствующих предмету и задачам исследования, репрезентативностью выборки, а также применением методов математической статистики с использованием компьютерной программы статистической обработки данных Statistica 8.0.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Впервые получены данные о том, что психосемантические ассоциации кинофильма со сценами насилия изменяются в сравнении с психосемантическими ассоциациями кинофильма без сцен насилия. Изменения по шкале «Оценка» показывают

смещения ассоциаций к полюсу негативной валентности, а изменения по шкалам «Сила» и «Активность» – об усилении выраженности ассоциаций. Установлено, что шкалы «Оценка», «Сила» и «Активность» образуют ортогональные факторы. Показано, что экстраверсия, нейротизм, психотизм, поиск ощущений, агрессивность и враждебность, субмодальности полимодального Я коррелируют. Но только показатель нейротизма значимо коррелировал с изменениями ассоциаций по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность», показатели психотизма, поиска необычных ощущений, враждебности – с изменением ассоциаций по шкале «Оценка», показатель Превращенного Я – с изменением ассоциаций по шкале «Активность». Установлено, что черты личности и субмодальности Я-концепции производят вклады в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия как отдельно, так и совместно. Не обнаружено универсальной структуры, в которую одновременно вошли бы все черты личности, субмодальности Я-концепции и изменения психосемантических ассоциаций. Однако выявлено несколько умеренных (локальных) интеграций черт личности и субмодальностей Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что достигнуто приращение нового знания о связях черт личности и Я-концепции с психосемантическими ассоциациями зрителей кинофильма со сценами насилия, а также их совместных влияниях на когнитивно-аффективную сферу зрителей насилия. Систематизированы теоретические представления о психосемантических ассоциациях кинофильма со сценами насилия в связи с чертами личности и Я-концепцией. Выдвинуто положение о том, что влияния личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия основаны на кросс-теоретичности. Активация выступает общим понятием, интегрирующим теории личности, Я-концепции и аффективных значений воедино.

Практическая значимость работы заключается в следующем. Вопросники черт личности Г. Айзенка, поиска ощущений М. Цукермана, агрессивности и

враждебности А. Басса и А. Дарки, полимодального Я Л. Я. Дорфмана имеют хорошую степень готовности для изучения личностных особенностей зрителей медианасилия. Они успешно соотносятся с методикой семантического дифференциала для изучения аффективных значений зрителей медианасилия. Конкретные результаты диссертационной работы использованы в учебно-воспитательном процессе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермского государственного института культуры. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов общей психологии и психологии личности, социальной психологии, спецкурса психологии массовых коммуникаций, при проведении практических занятий на факультетах психологии, социальной педагогики и журналистики ВУЗов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Психосемантические ассоциации зрителей художественного кинофильма со сценами насилия изменяются в сравнении с психосемантическими ассоциациями художественного кинофильма без сцен насилия. По шкале «Оценка» ассоциации смещаются к полюсу негативной валентности, по шкалам «Сила» и «Активность» – ассоциации усиливаются.

2. Факторная структура этих изменений носит универсальный характер аффективного значения из 3-х ортогональных факторов: «Оценки», «Силы» и «Активности». Изменения по шкале «Оценка» показывают смещения ассоциаций к полюсу негативной валентности, а изменения по шкалам «Сила» и «Активность» – об усилении выраженности ассоциаций. «Оценка», «Сила» и «Активность» образуют ортогональные факторы.

3. Черты личности и Я-концепция влияют на изменения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия и отдельно, и совместно.

4. Черты личности и Я-концепция интегрируются с психосемантическими ассоциациями кинофильма со сценами насилия до определенных пределов.

Возникает не одна универсальная интеграция, а несколько умеренных (локальных) интеграций.

5. Интеграция черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия имеют общую основу – активацию. Она объясняет влияния черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Активация имеет не один, а несколько механизмов, и несколько каналов активации обеспечивают интеграцию черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались на Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения В. С. Мерлина, «XXIII Мерлинские чтения: “Активность – Индивидуальность – Субъект”» (Пермь, 2009), XII Международной студенческо-аспирантской научной конференции «Актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (Пермь, 2009), III Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: Конструирование и развитие социальных миров» (Пермь, 2010), Всероссийской научной конференции «Психология творчества: наследие Я. А. Пономарева и современные исследования» (2010), Всероссийской научной конференции «Психология субъективной семантики в новом тысячелетии» (Москва, 2010), XIII Международной научно-практической конференции молодых учёных (Пермь, 2010), XIV Международной конференции молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные вопросы философии, социологии, политологии и психологии» (Пермь, 2011), XV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Пермь, 2012), XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Пермь, 2013), III форуме психологов Прикамья (Пермь, 2013), Международном конгрессе «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам, посвященном 80-летию со дня рождения А. А. Леонтьева» (Москва, 2016), Всероссийской юбилейной научной

конференции, посвященной 45-летию Института психологии РАН и 90-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова «Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития» (Москва, 2017).

По теме исследования опубликованы 21 работа, в том числе 4 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 1 статья в издании, входящем в международную базу данных научного цитирования (Scopus), 3 статьи в других изданиях, 13 тезисов докладов.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют пунктам специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: п. 8 «Сознание и познавательные процессы. Когнитивная психология», п. 14 «Психосемантика. Психология субъективной семантики...», п. 31 «Структура личности. Проблема индивидуальных различий и типология личности... Соотношение внутреннего и внешнего мира человека. Самосознание и самооценка. Образ Я...», п. 38 «Психология культурных явлений. Восприятие искусства и формирование художественных образов. Индивидуальные особенности восприятия искусства...». Соответствие подтверждается целью и предметом исследования, а также данными апробации исследования.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, выводов, заключения, списка литературы. Работа изложена на 143 страницах, содержит 14 таблиц, 4 рисунка. Список литературы насчитывает 395 наименований из них 146 на русском и 249 на английском языке.

ГЛАВА 1. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ СЦЕН НАСИЛИЯ В СМИ

В главе подвергается анализу и ставится проблема восприятия медианасилия в связи с особенностями личности зрителей. В первом параграфе рассматриваются концепции субъективной семантики и психосемантики, теория аффективного значения. Приводится обзор психосемантических исследований художественных произведений и СМИ. Во втором параграфе рассматриваются активационные теории личности и Я-концепции. Показывается, что они могут служить теоретическими предпосылками для интегрального изучения восприятия медианасилия в общепсихологическом и дифференциально-психологическом контекстах. В третьем параграфе анализируется современное состояние проблемы восприятия медианасилия, основные концепции и исследования его восприятия и влияния на аудиторию. В четвертом параграфе выявляются нерешенные проблемы и ведущее противоречие, ставится цель, обозначаются объект и предмет, формулируются задачи исследования, раскрываются теоретико-эмпирические предпосылки и выдвигаются на этой основе исследовательские гипотезы.

1.1. Концепции субъективной семантики и психосемантики

1.1.1. Понятия субъективной семантики и психосемантики

Проблема индивидуального сознания является стержневой проблемой психологии (Акопов, 2006, 2007; Аллахвердов, 2000; Асмолов, 2002; Вундт, 1912/2007; Выготский, 1934/2016; Джеймс, 1890/1991; Зинченко, 2007; Леонтьев, 1975; Лурия, 1975, 1979; Петренко, 2013; Ревонсуо, 2013; Рубинштейн, 1975/2003; Фрейд, 1900/2015). Базовым понятием, которое описывает и объясняет структурную организацию сознания, традиционно признается «*значение*». Оно широко используется в когнитивных исследованиях восприятия, мышления, речи,

памяти и т. д. (подробнее см.: Андерсон 2002; Баддли, Айзенк, Андерсон, 2011; Брунер, 1977; Величковский, 2006а,б; Дружинин, Ушаков, 2002; Солсо, 2011).

В культурно-историческом подходе Л. С. Выготского (1982) понятия *знака* и *значения* ключ для понимания высших психических функций и развития. Он понимал под значением совокупность признаков для классификации и упорядочивания объектов, явлений, ситуаций, как систему атрибутирующих отношений в структуре сознания. Значение полагается единицей сознания, которая связывает речь и мышление, играет важную роль в развитии высших психических функций и личности. Л. С. Выготский (1984) особо отмечал поведенческую сторону значения, поскольку слово, знак или символ направлены на получение ответного действия. Эти идеи соотносятся с представлениями о поведенческой природе знака Ч. Морриса (Morris, 1946), которые легли в основу необихевиористского подхода к изучению значения (Skinner, 1957; Osgood, 1952). Подход Ч. Оsgуда будет рассмотрен подробнее в §1.1.3.

Вслед за Л. С. Выготским понятие значения использовалось при изучении языка и сознания, речи и мышления А. Р. Лурией (1979), в деятельностном подходе А. Н. Леонтьева (1975). А. Р. Лурия (1979) подчеркивал, что благодаря языку человек имеет двойной мир, в одном из которых непосредственно отражаются предметы, и «мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» (с.37). Значения упорядочивают субъективный опыт и регулируют деятельность высших психических процессов. А. Н. Леонтьев (1983) понимал значения двояко. С одной стороны, как единицу общественного сознания, аккумуляцию общественно выработанных способов действий с предметами, идеальную форму существования предметного мира, зафиксированную в языке отношения к нему. С другой стороны, как элемент индивидуального сознания, воплощающий личностный смысл и отражающий связь предметного содержания сознания с предметом деятельности. Помимо значений он выделял личностные смыслы (отношение субъекта к миру, связанное с мотивами и направленностью личности) и чувственную ткань (чувственные

представления, наглядные образы и впечатления, которые рождаются в деятельности и связывают субъекта с внешним миром).

В современной отечественной психологии моделированием индивидуального сознания занимаются *психология субъективной семантики* (Артемьева, 1999) и *экспериментальная психосемантика* (Петренко, 2009; Шмелев, 1983, 2002). Они изучают генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решения и т. д.; различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, символические действия и знаковые, вербальные формы); влияние мотивационных факторов и эмоциональных состояний субъекта на его систему значений (Карпенко, Петровский, Ярошевский, 1998).

В. П. Серкин (2008, 2011) проанализировал сходства и различия этих подходов. Сходства заключаются в следующем. Оба подхода содержательные, поскольку модели сознания строятся от интегрального концепта (субъективной оценки, семантического поля или пространства и т.д.). В качестве методологических предпосылок используются идеи о значении Л. С. Выготского (1983), представления об Образе мира А. Н. Леонтьева (1983). Для обобщения данных используются необихевиористские и когнитивистские модели промежуточной переменной между стимулом и реакцией (карты, схемы, конструкты, концепты, семантические пространства, скрипты, категориальные структуры, имплицитные теории и т.д.). Подходы объединяет решение задач: 1) обнаружить связи значения стимула (предмета) с другими стимулами (предметами) или системами значений; 2) выделить наиболее значимые связи между значениями; 3) интерпретировать обнаруженные связи с точки зрения отношения испытуемого (группы) к стимулам; 4) предложить модель субъективного опыта.

Различия между психологией субъективной семантики и психосемантикой обнаруживаются в методологических подходах к описанию структур

субъективного мира человека, методах генерализации результатов и строением моделей субъективного опыта (Данина, Кисельникова, Кисельников, 2016).

Психология субъективной семантики фокусируется на изучении семантического кодирования «реальных объектов мира» (а не понятий, их отражающих) и построении моделей, учитывающих общие и атипичные признаки. Модели изучаемых субъективных структур не предполагаются заранее, а строятся в процессе исследования и называются субъективными семантиками. Эмпирические данные обозначаются семантическими полями, профилями, универсалиями и базисами значений. Математическая обработка осуществляется при помощи частотного анализа данных, моделирование производится с наименьшим количеством опосредующих формально-логических звеньев при помощи метода семантических универсалий. Обобщающей моделью является концепция образа мира (картины мира).

Психосемантика реконструирует субъективные семантические пространства как иерархизированный и ограниченный набор глобальных категорий, который определяет строение и содержание значений. Модели субъективных структур предполагаются заранее и называются индивидуальными системами значений, либо категориальными структурами индивидуального сознания. Моделирование основывается на процедурах математической обработки (редукции) данных, в основном используются факторный и кластерный анализы. Обобщающей моделью является вербальное описание математической структуры данных.

1.1.2. Психосемантический подход к изучению значений сознания

Психология субъективной семантики Е. Ю. Артемьевой

Е. Ю. Артемьева (1999) считает, что Образ мира несет в себе следы предшествующего опыта субъекта. Следы выступают регуляторами поведения и одновременно служат строительным материалом Образа мира. Структура субъективного опыта и Образа мира организована из таких следов. С. Д. Смирнов (1981) различал поверхностные и ядерные структуры Образа мира. *Поверхностные* структуры – чувственно оформленное представление о мире,

чувственные представления и впечатления, а *ядерные* – отторгнутые от чувственности, амодальные, знаковые системы, позволяющие сформировать отражение мира в целом. В. В. Петухов (1984) разделял структуры Образа мира по «языку» описания: поверхностные структуры – это представления о мире, а ядерные – представления мира.

Е. Ю. Артемьева (1999) выделила 3 слоя субъективного опыта и структур Образа мира на основе идеи об уровнях психического отражения (Ломов, 1984) и различий в форме фиксации следов деятельности: поверхностный, семантический и ядерный. *Поверхностный* слой или «перцептивный мир» состоит из множества упорядоченных друг относительно друга объектов и тела субъекта, которые движутся в координате пространства-времени. Его объем зависит от строения органов чувств. Он растягивается или сжимается под влиянием эмоций. Его функционирование регулируется системой значений и смыслов. Элементы перцептивного мира имеют перцептивную модальность. *Семантический* слой или «картина мира» содержит следы взаимодействия с объектами, которые зафиксированы в виде многомерных субъективных отношений: «хороший – плохой», «сильный – слабый», «быстрый – медленный» и т.д. Картина мира характеризуется как система отношений в смысловом поле, которая задает категориальную сетку для описания субъективного опыта и оценки объектов и стимулов. Объекты оцениваются в терминах модальностей и могут быть проанализированы. *Ядерный* слой или «образ мира» в узком смысле формируется при участии понятийного мышления и состоит из амодальных структур, которые образуются при «обработке» семантического слоя. Язык этого слоя неизвестен. Первичные координаты в нем адаптационные («опасный/неопасный»). Координаты второй очереди разделяют элементы субъективного опыта на объекты, ситуации и явления.

В контексте настоящей работы интерес представляет семантический слой. В нем следы деятельности фиксируются в форме *отношения* к объектам, явлениям, ситуациям мира, которые являются предметом или условием текущей деятельности субъекта. Е. Ю. Артемьева (1999) понимает «отношение» как

индивидуальную систему мотиваций личности к природным объектам, продуктам труда, другим людям и их группам, материальным и культурным ценностям. Она полагает, что отношение к объекту определяется совокупностью общественного опыта, предысторией личных деятельностей, текущей деятельностью и отражением эмоционального сопровождения деятельности. «Объект атрибутируется, например, как “тяжелый” потому, что в предыстории имел большой вес (след операции), заставлял испытывать трудности манипулирования с ним (ассоциация), был неуклюжим (метафора), вызывал отрицательное переживание (след эмоции), был объектом сообщения (след когниции) и т.д.» (С. 23). Поскольку элементы семантического слоя понимаются как следы деятельностей, зафиксированных в отношении к предметам, объектам манипуляции и условиям этих деятельностей, они близки к «значениям» в понимании Л. С. Выготского (1982) и «индивидуальным значениям» («личностным смыслам») А. Н. Леонтьева (1975).

Отдельными элементами субъективного отношения выступают семантические ассоциации, которые изучаются, например, при помощи семантического дифференциала. Они являются оценками эмоций, которые возникли в процессе контактов с объектом в личном опыте испытуемого, или при освоении общественного опыта. Психологическая ткань глубинной семантики – это «следы» эмоций, которые сопровождали деятельность. Природа семантического оценивания лежит в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния. Объект мира сопоставляется с одной из замещающих реальностей, которые, в свою очередь, непосредственно или опосредованно, проектируются в реальность эмоциональных состояний.

Экспериментальная психосемантика В. Ф. Петренко

Согласно В. Ф. Петренко (2013), экспериментальная психосемантика изучает картину мира индивидуального или коллективного субъекта, которая может им осознаваться или быть неосознанной. Основная задача психосемантики состоит в реконструкции индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя; в

изучении генезиса, строения и функционирования этой системы. В. Ф. Петренко рассматривает понятие значения с разных точек зрения.

Во-первых, это иерархизированный набор глобальных категорий, организующий ментальные содержания индивидуального сознания: субъект категоризирует воспринимаемый объект, событие или живое существо, соотносит его с обобщенным эталоном, стереотипом или «типом», в котором зафиксирован обобщенный и усвоенный субъектом обобщенный опыт взаимодействия с этим классом объектов.

Во-вторых, это категории общественного сознания и субъективные категории, связанные с уникальным жизненным опытом и представленные в индивидуальном сознании, как и у А. Н. Леонтьева (1975). Общественные значения могут быть систематизированными, опираться на философию, логику, науку или религию. А могут быть представлены как неотрефлексированные и слабо упорядоченные, «обыденные» знания житейского опыта (предрассудки, социальные стереотипы и суеверия). Однако и те, и другие предстают ключевыми признаками, по которым люди в своем восприятии категоризируют стимулы из внешнего или внутреннего мира и опираются на них при принятии решений.

В-третьих, это система образов, изображений, символов, выразительных движений и правил поведения, а не только вербальные понятия (В. Ф. Петренко, 1983). Значения являются коммуникативными сообщениями, что было показано в психолингвистике (Леонтьев, 1997, 2001; Osgood, 1980) и семиотике (Бахтин, 1979; Лотман, Петров, 2007).

В-четвертых, это элемент личности, в котором отражается имплицитное присутствие позиции субъекта в восприятии и организации мира (Петренко, 2013). Личность предстает как «носитель определенной картины мира, как микрокосм индивидуальных значений и смыслов» (Петренко, 2009, с. 41). Поведение человека рассматривается не как ответная реакция на предметную или социальную ситуацию и стимулы внешнего мира, а как «вопрос, который субъект задает миру в целях понять мир и себя и, соответственно, построить адекватный образ мира» (Петренко, 2013, с. 79).

В-пятых, это система категорий лежит в основе образа или картины мира у индивида или коллективного субъекта. Категории и значения состоят в сложных связях с другими категориями и нередко выступают как «текст в тексте» (см. Лотман, 2014, Мамардашвили, 1996). Конкретная категория может включаться в системы философских категорий, и одновременно относиться к категориям обыденного житейского сознания в виде расплывчатого образа, метафоры или символа. Она включена в систему отражения субъект-субъектных отношений, атрибутивных характеристик социального бытия человека.

В. Ф. Петренко (2009) полагает, что наиболее разработанной формой репрезентации содержаний индивидуального и общественного сознания выступают семантические поля (Щур, 1974; Лурия, Виноградова, 1971), семантические пространства (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957) и репертуарные решетки (Келли, 2002). Семантический дифференциал Ч. Осгуда и репертуарные решетки Д. Келли предоставили психосемантике инструменты сбора эмпирических данных о категориях и значениях. Многомерная статистика (факторный и кластерный анализы) позволяет выделять категориальные структуры сознания индивидуального или коллективного субъекта, реконструировать его систему значений. Семантические поля, пространства, системы значений не просто «хранилища» знаний. На них влияют опыт и знания, эмоциональное состояние субъекта, его мотивы и цели. Например, было показано влияние аффекта на размерность и содержание семантических пространств (Петренко, 1983). Было обнаружено, что при сильной эмоции, аффекте уменьшается размерность семантического пространства, субъект переходит на глубинные уровни категоризации – от опоры на денотативные признаки к коннотативным. В глубинных пространствах меньшей размерности связь между объектами устанавливается быстрее и легче. На поверхностном уровне объекты относятся к разным семантическим классам, а на глубинном уровне имеют сходную коннотацию и выступают как синонимы или антонимы. Мир становится менее дифференцированным, но более компактным. В основе метафоры, полагает В. Ф. Петренко (2013) лежит соответствие между объектами на глубинном

(коннотативном) уровне категоризации. Эмоции в этом контексте интерпретируются как своеобразные операторы процесса категоризации, меняющие семантическое пространство и уровень категоризации.

Психосемантический подход к изучению личности А. Г. Шмелева

А. Г. Шмелев (1983а) считает, что значения, которые фиксируются в традиционном психосемантическом эксперименте, всегда являются индивидуальными значениями и личностными смыслами. Они эмпирически неотделимы друг от друга, поскольку сливаются в едином механизме отражения мира, “обеспечивая адекватность отражения связей этого мира (значения) и приспособлявая индивидуальное сознание к решению задач, ограниченных личностными мотивами субъекта (смыслы)”. В различиях индивидуальных семантических пространств сокрыты основные возможности личностно-диагностических возможностей психосемантики (Шмелев, 1983б).

А. Г. Шмелев (2002) показал, что индивидуальное семантическое пространство может служить проекцией личностных особенностей субъекта, черт характера и его эмоциональных состояний. Он предложил собственную модификацию метода семантического дифференциала, которая получила название личностного дифференциала.

А. Г. Шмелев (2002) понимал личностные черты как наследственные диспозиции, стили и стратегии поведения для определенных классов ситуаций, а также личностные конструкты как средства категоризации впечатлений при восприятии социальных объектов. Он разработал лингвистический вариант «Большой пятерки черт личности» на основе классификации личностной лексики и прилагательных, которые описывают особенности личности. Факторизация оценок испытуемых по этим базовым пунктам-прилагательным позволяет реконструировать личностные семантические пространства или, в других терминах, описывать черты личности.

В исследованиях А. Г. Шмелева и его коллег (Шмелев, 1983, 2002; Шмелев и др., 1988) было показано, что при реконструкции личностных семантических пространств на больших выборках испытуемых структура факторов-категорий

иногда ближе к универсальному семантическому пространству Ч. Осгуда (Оценка, Сила, Активность), а иногда к модели «Большая пятерка». Реконструкция личных семантических пространств на малых выборках, различных по полу, возрасту, образованию, интересам и ценностным ориентациям, напротив, демонстрирует большое многообразие структур. А. Г. Шмелев (2002) не видит принципиальной проблемы в этой неустойчивости категорий, описывающих черты личности. Он полагает, что важнее исходный набор личностной лексики или пунктов-вопросов, их возможность отражать все возможные черты. Если имеется максимально полное, универсальное семантическое пространство личностных черт, то исходные дескрипторы должны полностью его «покрывать». Эти исходные координаты обладают высокой прогностической эффективностью, а факторное пространство имеет достаточную информационную емкость. Преобразования внутри этого пространства, получение тех или иных факторов будет происходить без потери психологического содержания, т.е. особенностей личности испытуемых. Он постулирует первичность семантического пространства личностных черт (базовых личностных координат) и вторичность факторных координат этого пространства у конкретных людей или их групп, когда в факторы объединяются пункты, относящиеся к разным базовым личностным координатам.

1.1.3. Теория аффективного значения и семантический дифференциал

Как известно, система значений в сознании субъекта представлена в знаках, вербальных формах, образах, символах, символических действиях. Система значений опосредует восприятие, мышление, память о мире, людях, объектах и явлениях. Данная область исследований относится к области психосемантики, включая психосемантику искусства (Петренко, 2013, 2014). Российские психосемантические исследования опираются на отечественную культурно-деятельностную парадигму и принцип активности сознания человека, конструирующего картины мира (школа Выготского – Леонтьева – Лурия). Субъективные семантические пространства представляют модель категориальных

структур, описывающих глубинные пласты индивидуального сознания (Петренко, 2013). Психосемантика искусства базируется на построении субъективных семантических пространств, зрителей, слушателей, читателей художественных произведений (Петренко, 2014) и, следовательно, глубинные структуры сознания при восприятии кинофильмов со сценами насилия. Субъективные семантические пространства измеряются, в частности, посредством метода семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Начало психосемантическим эмпирическим исследованиям положили Ч. Осгуд и его последователи (Osgood, 1969, 1980; Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). Ч. Осгуд различал значения денотативные и коннотативные и сосредоточился на изучении коннотативных (аффективных) значений. Он опирался на более ранние исследования синестезии, свидетельствующие о том, что стимулы, направленные на разные модальности, могут иметь общие значения. С этих позиций Ч. Осгуд развивал понятия образов и метафор, представляющих аффективные отношения и ассоциированные значения в языке. Аффективное значение относится, прежде всего, к метафорическому употреблению слов, и суждения следует оценивать в метафорическом ключе.

Техника семантического дифференциала является одним из наиболее широко применяемых инструментов для установления аффективного значения. Как показывают результаты факторного анализа метафорически создаваемых шкал (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957), аффективное значение характеризуется многомерностью. В аффективном значении выделялись 3 «первичных» измерения: оценка (E), сила (P) и активность (A). Позже Osgood (1966) интерпретировал их как «приятный/неприятный» (E), «контролируемый/неконтролируемый» (P), «активированный/неактивированный» (A). Что касается собственно значения, Wunper и Coxhead (1979) предложили отделять значение стимулов от значений шкал измеряющих их. Последние указывают на первые.

В контексте психосемантических исследований восприятия сцен насилия в кинофильмах, обратим внимание на проблему степени выраженности измерений

аффективного значения, а также универсальности (устойчивости) – специфичности (подвижности) структуры аффективных значений стимулов. По этим вопросам имеются, по меньшей мере, 3 точки зрения, и каждая поддерживается эмпирическими свидетельствами.

Наиболее давняя и идущая от Ч. Осгуда точка зрения, во-первых, состоит в том, что структура Е—Р—А является универсальной. Она устойчиво воспроизводится в ответ на предъявление различных объектов (Osgood, 1969; Osgood, May, & Miron, 1975; Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). Ряд исследователей (Kuusinen, 1969; Miron, 1969) поддерживают положение об универсальности и инвариантности структуры аффективного значения, которое характеризует общие особенности ряда объектов вопреки их денотативным различиям. Ч. Осгуд, У. Мэй и М. Мирон (Osgood, May, Miron, 1975) утверждают, что структура Е—Р—А обнаруживается в разных языках и культурах. В недавних работах были получены сходные результаты (Heise, 2010; Schröder, 2011).

Во-вторых, вопрос общей структуры аффективного значения и его инвариантности не случается при предъявлении любых объектов. Эта проблема известна как «взаимодействия концептов и шкал» (Heise, 1969; Kubiniec & Farr, 1971; Mann, Phillips, & Thompson, 1979; Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). Osgood, Suci, и Tannenbaum (1957) подчеркивают, что значения шкал значительно варьируют в зависимости от оцениваемых концептов. На это обстоятельство обращают внимание и другие авторы (Петренко, 2013; Tanaka & Osgood, 1965; Tanaka, Oyama, & Osgood, 1963; Komorita & Bass, 1967). Изменения состоят в том, что измерения Е—Р—А оказываются разными для разных концептов (Bynner & Coxhead, 1979; Heise, 1969; Mann, Phillips, & Thompson, 1979). Так, Kubiniec и Farr (1971) обнаружили, что Р и А шкалы соединяются с Е шкалой, когда оценивалась Я-концепция. Mann, Phillips, и Thompson (1979) пришли к заключению, что А и Р измерения более чувствительны к взаимодействиям концептов и шкал, чем Е измерение на материале оценивания 24-х концептов. Взаимодействия концептов и шкал иллюстрируют исследования в таких специфических областях, как концепции личности, цвет, художественные произведения. В этих работах было

показано, что 3-х факторная структура E—P—A, предложенная Осгудом (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957), не воспроизводилась. Вместо нее устанавливались иные типы структур аффективного значения или же E, P и A редуцировались к одному измерению E (Miron & Osgood, 1966; Komorita & Bass, 1967). Как полагает Heise (1969), так происходит потому, что шкалы E, P и A имеют разные степени релевантности для разных концептов: происходят семантические сдвиги от одних концептов к другим. Значит, семантическую факторную структуру следует рассматривать как функцию концептов.

В-третьих, определенный интерес имеет вопрос о степени выраженности шкал E, P и A, их изменчивости или стабильности в зависимости от концептов. Согласно Shaw (1955), разные концепты вызывают неодинаковые оценочные реакции. Эти изменения имеют значения, потому что они свидетельствуют об аффективном значении как функции концептов. Mann, Phillips, и Thompson (1979) показали, что выраженность шкал E, P и A меняется в зависимости от концептов. При этом выраженность шкал P и A изменялась в большей степени, чем выраженность шкалы E. Dorfman (2016) применил данную стратегию к личным местоимениям, и она оказалась плодотворной. Подобного рода работы весьма малочисленны и нужны дополнительные исследования. Они могут пролить свет на аффективное значение по линии выраженности его отдельных измерений. Однако открытым остается вопрос о том, дополняет ли этот подход или, наоборот, вступает в противоречие с вопросом о семантической структуре значения, основанной на E—P—A измерениях. Тем не менее, анализ измерений аффективного значения по отдельности может быть перспективным для большего понимания и их изменений по степени выраженности, и их структурной устойчивости/изменчивости.

Постановка всех этих вопросов в контексте психосемантических исследований восприятия сцен насилия в кинофильмах представляется весьма важной.

1.1.4. Психосемантика художественных произведений и СМИ

Психосемантические исследования восприятия сцен насилия в СМИ в зарубежной и отечественной психологии немногочисленны, в сравнении с изучением восприятия произведений искусства и СМИ.

Е. Ю. Артемьева (1999) и ее ученики изучали восприятие визуальных текстов-рисунков, плакатов, эмблем и кинопроизведений. Было показано, что носителем значения выступают схемы, формулы и чертежи, язык искусства (живопись, архитектура, танец).

Д. А. Леонтьев (1998) опирался на подход Выготского–Леонтьева–Лурии, а также субъективную семантику Е. Ю. Артемьевой (1999). Он полагал, что восприятие произведений искусства могут приводить к изменениям в смысловой или личностной сфере, поиску зрителями значений и смыслов автора произведения. Произведения массовой культуры не предполагают восстановление значений и личностных смыслов автора зрителем, не рассчитаны на изменения в его интеллектуальной или личностной сфере, однако направлены на эмоции. Они строятся на стереотипах и эффектах узнавания зрителями, подстраиваются под существующую у зрителя систему представлений, значений или смыслов. Д. А. Леонтьев и Е. Беляева (2000) изучали восприятие художественных картин в обычных условиях и в условиях разрушения формы картины (сохранение цветовой композиции при размытых линиях и формах) методом семантического дифференциала. Было обнаружено, что разрушение формы живописного произведения приводит к изменению семантических оценок по сравнению с восприятием картин без искажений. Д. А. Леонтьев и Е. Ф. Жукова (2011) изучали особенности восприятия фотографических и художественных портретов при помощи семантического дифференциала и методики ценностного спектра (Леонтьев, 1997). Было обнаружено, что семантические и ценностные оценки были более схожи в отношении графических или фотографических изображений, чем в отношении изображения одной и той же модели на портрете. Изменения проявлялись по психосемантическим ассоциациям больше, чем по ценностям. Д. А. Леонтьев (2011) изучал механизмы ситуативного формирования представлений

о незнакомых книгах массовых жанров на основании их внешнего оформления при помощи семантического дифференциала. Было обнаружено существование неосознаваемых эмоционально нагруженных эталонных образцов «хороших» и «плохих» образцов жанра, предшествующих принятию решения о покупке книги читателем. «Хорошие» жанровые маркеры (психосемантические ассоциации) оказались более вариативны между продуктами разных жанров, а «плохие» жанровые маркеры (антиэталонны) оказались более схожи.

В. Ф. Петренко (2009, 2014) полагает, что психосемантическое изучение восприятия произведений искусства позволяет реконструировать субъективное инобытие произведение искусства, его превращенную форму в сознании зрителя. Через сопоставление семантических пространств до и после восприятия произведения искусства можно оценить силу его воздействия на зрителя. Операционально возможны 4 формы изменения семантического пространства: (1) изменение координат анализируемых объектов (коннотативного значения или личностных смыслов) при неизменных категориальных осях (категориях сознания) семантического пространства; (2) изменение перцептуальной мощности (вклада в общую дисперсию) самих координатных осей, что выражает изменение субъективной значимости тех или иных оснований категоризации; (3) изменение содержания самих категориальных осей, что отражает изменение системы конструкторов, в рамках которых идет осознание некоей содержательной области; (4) изменение размерности семантического пространства (увеличение числа факторов-категорий сознания), изменение когнитивной сложности сознания. Эти параметры по отдельности или совместно позволяют количественно и качественно описать изменение картины мира субъекта под влиянием художественных произведений.

В. Ф. Петренко с коллегами (1982) изучали взаимосвязь когнитивного и аффективного аспектов восприятия кинофильма «Сталкер» (реж. Тарковский, 1980). Отношение зрителей к фильму изучалась при помощи семантического дифференциала, а когнитивная расчлененность восприятия киногероев зрителями методом репертуарных решеток (Kelly, 1955). Исследование показало, что

существует прямая связь аффективной оценки фильма и степенью когнитивной расчлененности восприятия героя фильма (высокий коэффициент корреляции между фактором «Оценки» и количеством личностных конструктов). Чем глубже проникновение в образы героев, тем более жизненным (высокая корреляция между фактором «Реальность» и количеством конструктов) и менее абстрактным кажется фильм. В. Ф. Петренко и коллеги (1987) на примере восприятия кинофильма «Жестокий романс» (1984, реж. Рязанов) изучали процесс приписывания мотивов поступку персонажам кинофильма зрителями. В. Ф. Петренко и О. Н. Сапсалева (2005) изучали то, как зрители понимают внутренний мир персонажей и общий смысл кинопроизведения на материале «Сибирского цирюльника» (1997, реж. Михалков). Было показано, что идентификация зрителя с персонажем сопрягаются с многомерным и сложным описанием мотивации поступков киногероя. Тем более субъективным, а не объективным оказывается восприятие персонажа зрителем.

В. С. Собкин и О. С. Маркина (2010) на материале кинофильма «Чучело» (1983, реж. Быков) показали, что понимание сюжетно-событийной структуры фильма, работа зрителей в поиске смыслов, идентификация с героями и понимание ими мотивации персонажей связана с трансформациями компонентов их Я-концепции.

В. Г. Грязева-Добшинская (2004, 2006) изучала влияние авторских произведений киноискусства на зрителей. Было обнаружено, что интеллектуально-творческие возможности зрителей обуславливают влияние символических произведений постмодернизма. Некоторые персонологические эффекты влияния художественных кинофильмов (рефлексия усиления активности субъектности, усложнение пространства внутренних образов, усложнение взаимодействия субъекта с миром) оказались связаны с определенными типами зрительского переживания (Грязева-Добшинская, 2006). Тип переживания играет роль своеобразного эмоционального регулятора, который дает возможность субъектам по-разному воспринимать и рефлексировать произведения с разными художественными эффектами. Всего было выделено 3 эффекта воздействия

произведения искусства на зрителя: гармонизирующий «катарсис», дисгармонический «антикатарсис» и состояние незавершенной гармонизации, а также эффект «открытой катастрофы» (Грязева-Добшинская, 2002, 2010). Все варианты предполагают воздействие на ценностно-смысловые установки зрителей. В исследовании Е. И. Колтунова, В. А. Глухова и В. Г. Грязевой-Добшинской (2017) изучались эффекты кинофильмов на субъективно значимые ценности зрителей в кросс-культурном аспекте. Было установлено, что культурный код зрителей вносит вклады в эффекты кинофильмов на субъективно значимые ценности зрителей. Также было показано, что некоторые заложенные автором культурные идеи не утрачиваются при восприятии кинопроизведения представителями другой культуры.

Л. О. Пузырева (2015) изучала представления об информационно-психологической безопасности политического текста в СМИ при помощи семантического дифференциала. Обработка сырых данных методом семантических универсалий (Артемьева, 1999) обнаружила инвариантные оценки психологической безопасности политического текста: доступная, правдивая, адекватная, глобальная, ответственная, гуманная. Представления о безопасности текста зависели от отношения читателей к СМИ как безопасному или небезопасному. При помощи факторного анализа была выделена структура семантических ассоциаций политического текста из 4 факторов: свободы, тревоги, порядка и агрессивности.

А. А. Гайворонская (2014) изучала социальные стереотипы в отношении экстремизма. Она обнаружила, что факторная структура стереотипов об экстремизме состоит из следующих координат: власть над обществом, пропаганда, действия против закона, терроризм, дискриминация. Данные стереотипы восполняют пробел в знаниях респондентов о сложном социальном устройстве, политике, идеологии, при этом помогают в самоопределении, самопрезентации отдельных индивидов, способствуют стабилизации их Я-концепции благодаря отнесению себя к «борцам за справедливость, истинную веру, против коррупции».

Во всех проанализированных выше работах, наблюдается изменчивость структуры аффективных значений зрителей при восприятии произведений искусства или СМИ. При этом в этих работах классическая модель E–P–A Осгуда не принималась в расчет. Ниже рассмотрены работы, в которых исследователи имели в виду эту модель, хотя она воспроизводилась не всегда.

Ч. Осгуд, Д. Суси, П. Танненбаум (1957) рассматривали искусство как форму коммуникации, а художественное произведение как *сообщение*. С одной стороны, произведение представляется конгломератом реакций, которые закодировал его автор. С другой стороны, это стимулы, которые предстоит декодировать зрителям, слушателям, читателям. Художественные произведения апеллируют в большей степени к коннотативным, эмоциональным реакциям, которые могут быть изучены при помощи семантического дифференциала. При изучении восприятия произведений искусства или СМИ важен анализ изменений аффективных значений по отдельности и их структурной устойчивости/изменчивости.

Д. Ашер и Р. Эванс (Asher, & Evans, 1959) изучали влияние образовательных телевизионных программ на изменения аттитюдов зрителей, измеряемых при помощи классических шкал E–P–A семантического дифференциала, к понятиям: «негр», «общественные дискуссии о сексе и половом созревании девочек» и другим. Авторитетность и престижность источника информации (федеральный или некоммерческий местный телеканал), черта личности догматизм выступали независимыми переменными. Было обнаружено изменение аттитюдов в отношении понятий: «негр», «женский месячный цикл» и «общественные дискуссии и сексе и половом созревании у девочек». Однако ни догматизм, ни авторитетность и престижность источника телепрограммы не оказывали эффект на изменения аттитюдов.

С. Маршалл и А. Коэн (Marshall, & Cohen, 1988) изучали эффекты музыкального сопровождения на восприятие зрителями анимированных геометрических фигур. Музыка подразделялась на «слабую» и «сильную». «Слабая» музыка исполнялась в мажорной тональности и высоком регистре, в ней

использовались отдельные ноты и форшлагги. «Сильная» музыка исполнялась в миноре, в ней использовались двойные октавы, ноты и аккорды, она не содержала никаких форшлаггов. Комбинация анимации и «сильной» музыки увеличивала «Силу» и «Активность» по сравнению с отдельным восприятием анимации или музыки. «Сильная» музыка повышала «Активность» треугольника и круга в сравнении с их восприятием без музыкального сопровождения. В аналогичной работе Г. Сириус и Е. Кларк (Sirius, & Clarke, 1994) обнаружили, что скорость движения фигур в анимационных клипах связана с «Активностью», а размер – с «Силой». «Активность» связана с темпом музыкального сопровождения. Музыкальное сопровождение повышало «Оценку» анимационного клипа по параметру «удовольствия».

С. Липскомб и Р. Кендалл (Lipscomb, & Kendall, 1994) изучали взаимосвязь визуального и аудиального компонентов кинофильма. В их первом эксперименте зрители соотносили видеофрагмент с вариантами музыкального сопровождения. Они выбрали вариант, который был написан профессиональным композитором именно для этого отрывка. Во втором эксперименте изучалась вариативность эстетической оценки видеофрагмента, которая измерялась семантическим дифференциалом, в зависимости от музыкального сопровождения. Были обнаружены изменения выраженности эстетических оценок. Однако при факторизации отдельных оценок выделился фактор «Оценки» и «гибридный» фактор «Активности – Силы». Авторы предложили концепцию восприятия аудиального и визуального компонентов кинофильма, которые взаимодействуют по координатам «конкретности – абстрактности» (визуальный компонент) и «референтности – не референтности» (аудиальный компонент), создавая семантическое поле воспринимаемого фильма.

Д. МакКи и С. Фостер (McKie, & Foster, 1972) предлагали испытуемым оценить семантическим дифференциалом названия знакомых им ТВ-Вестернов, рок-групп и десертов. После факторизации, переменные сгруппировались в три фактора «Оценки» трех типов названий (ТВ-фильм, название рок-группы или десерт). Это показало первичность эмоционального отношения к словам,

означающим знакомые по личному опыту объекты. Сложные объекты в индивидуальном семантическом поле человека принадлежат к различным смысловым «доменам», которые в таком виде хранятся в памяти.

Е. Веар с коллегами (Ware et al., 1972) изучали аффективные значения порнографических фотографий. Высокая оценка фото как «порнографических» коррелировала с оценкой их как «дурных, неприятных, грязных и вредных» (негативной «Оценкой»), а также как «активных, горячих и возбуждающих» (высокими «Силой» и «Активностью»). «Активность» и «Сила» положительно коррелировали между собой, но отрицательно – с «Оценкой». «Активность» и «Сила» положительно коррелировали со временем просмотра фото. Факторный анализ обнаружил два, а не три фактора. Пункты, которые обычно объединяются в фактор «Силы», разошлись по факторам «Оценки» и «Активности». Порнография активизирует, возбуждает зрителей и одновременно является продуктом СМИ, который социально не одобряется и оценивается негативно.

Г. В. Климова (2011) изучала гендерные и личностные особенности восприятия визуальных и текстовых материалов в юношеском возрасте. Вне зависимости от характера стимула и пола испытуемых пункты семантического дифференциала после факторизации объединились в 4 фактора: «Оценки», «Силы», «Активности» и «Доступности». Структура психосемантических ассоциаций визуальных и текстовых материалов не зависела от пола, однако сопрягалась с их личностными особенностями. Позитивная «Оценка» изображений и текстов коррелировала с эмоциональным состоянием покоя, а негативная «Оценка» – с состоянием тревожности. «Сила» была выше при восприятии изображений, чем текстов. Она коррелировала с маскулинностью и взрослостью респондентов. «Активность» была выше при восприятии текстов, она выражалась ассоциациями «минорность», «радостность», «солнечность». «Доступность» характеризовалась ассоциациями: «реальный-нереальный», «естественный-неестественный», «простой-сложный».

Н. Л. Игнатова (2008) изучала восприятие заголовков региональных газет молодежной аудиторией. Было обнаружено, что после факторизации

психосемантические ассоциации объединялись в классические факторы «Оценки», «Силы» и «Активности». Наиболее нагруженным оказался фактор «Оценки». Привлекательными и стимулирующими к прочтению статьи заголовками оказались субъективно близкие аудитории, оригинальные и серьезные. Испытуемые категорировали заголовки на основании смысла, а не по структурно-синтаксическим характеристикам.

М. В. Картавенко и Д. С. Никулина (2006) изучали психологические особенности восприятия рекламного сообщения. Они обнаружили, что рекламные сообщения оказывают влияние на восприятие аудитории через аффективный («Оценку»), а не когнитивный компонент.

В исследовании начинающих и опытных игроков в видеоигры с насилием использовался модифицированный семантический дифференциал для оценки эмоционального состояния после игры (Lang et al., 2012). Семантический дифференциал содержал 3 шкалы: эмоциональное возбуждение («спокойный – возбужденный»), валентность («счастливый – печальный») и доминирование (эмоции «под контролем – неконтролируемые»). Были обнаружены значимые эффекты видеоигр с насилием на шкалы эмоционального состояния. Начинающие и опытные игроки чувствовали возбуждение, переживали приятные чувства и удовольствие. У новичков выраженность шкал эмоционального состояния была выше. Эти результаты свидетельствовали в пользу гипотезы о десенсибилизации опытных игроков.

А. А. Лузаков и Н. В. Омельченко (2012), Н. В. Омельченко (2009) изучали отношение пользователей к компьютерным играм. Они обнаружили 3 фактора психосемантических ассоциаций, однако анализировали только 2, поскольку они объясняли 90% дисперсии. Психосемантические ассоциации не объединились в факторы «Оценки», «Силы» и «Активности». Первый фактор включал негативные («аморальный», «жестокий», «агрессивный», «опасный», «мрачный», «держит в напряжении», «активный», «быстрый», «возбуждает», «взрослый», «для мужчин») и позитивные («приятный», «добрый», «мирный», «красивый», «простой», «детский», «для женщин») ассоциации с противоположными знаками.

Первоначально фактор интерпретировался как «Агрессивная мужественность – Мирная женственность» (Омельченко, 2009). Название отражало амбивалентность оценок, но не объясняло привлекательность игр для респондентов при негативном к ним отношении. Игра вызывает возбуждение и обеспечивает реализацию потребности в агрессии, борьбе, доминировании, преодолении опасности и себя самого, вероятно, актуализирует архаические уровни психической регуляции, где неактуальны логические противоречия. После реинтерпретации фактор получил название «Возможность реализации социально неодобряемых потребностей» (Лузаков, Омельченко, 2012). Второй фактор также характеризовался амбивалентностью. Оценка сложности, трудности, продолжительности игры и вынужденного умственного напряжения («требуется специальные навыки, заставляет думать») сопрягалась с позитивными эмоциями («захватывающий», «запоминающийся», «много возможностей для выбора»). Первоначально фактор интерпретировался как «Сложность – необычность» (Омельченко, 2009). Позже, его реинтерпретировали как «Возможность полного вовлечения в игру» (Лузаков, Омельченко, 2012). Наличие такой категории в обыденном сознании игроков позволяет им различать игры, которые дают переживание полного вовлечения в виртуальную реальность, от игр, которые не обладают таким эффектом. Благодаря компьютерным играм молодые люди удовлетворяют социально неодобряемые потребности (агрессия, враждебность, доминирование) и потребность в расширении мира, получении новых впечатлений и достижении «состояния потока» (в терминах Чиксентмихайи, 2011).

С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртычян (2008, 2010, 2011) изучали психологические последствия трансляции информации о террористическом акте в СМИ. Они обнаружили, что зрители в процессе оценки и идентификации с объектами информации о террористических актах в СМИ используют трехкомпонентную категориальную систему, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Она была обозначена как «Свой – Чужой». Благодаря ей зрители могут оперативно редуцировать страх, который

актуализируется после упоминаний о смерти и собственной уязвимости. Эта система инвариантна, однако выраженность оценок и глубина идентификации зависит от ряда характеристик воспринимаемой информации. Изменение оценок происходит не только в отношении объектов, которые отождествляются зрителями с террористами, но и таких объектов как религиозные принципы, национальные черты, сексуальная ориентация, профессиональная принадлежность. Степень выраженности посттравматического стрессового расстройства зрителей повышают такие особенности репортажей об актах терроризма, как наличие подробных рассказов пострадавших и официальных комментариев. Демонстрация в СМИ сюжетов о террористическом акте с высоким уровнем подробностей повышает у зрителей готовность к агрессивному поведению, а также принятие (лигитимацию) девиантного поведения, которое воспринимается ими в СМИ.

О. П. Белая и О. В. Чурсинова (2012) изучали представления об агрессивном поведении при помощи семантического дифференциала у младших и старших подростков с разным уровнем агрессивности. В качестве стимулов для оценки предлагались ролевые позиции: «Человек, демонстрирующий агрессивное поведение», «Человек, не демонстрирующий агрессивное поведение», «Я сам», «Любимый киногерой», «Герой любимой телепередачи». Обнаружено, что более дифференцированный образ агрессивного поведения представлен у низко и высоко агрессивных младших подростков. У высоко агрессивных старших подростков образ агрессивного поведения более простой. Отношение к агрессивному поведению у подростков оказалось негативным, однако любимые герои, которые демонстрируют агрессию на телеэкране, оцениваются положительно.

1.2. Активационные теории личности и Я-концепции

Существует довольно много теорий, объясняющих так или иначе влияния экспозиции насилия в СМИ на зрителей. Мы указываем на обзорную работу

Anderson et al. (2003). В ней перечисляются теории наблюдаемого научения и подражания, активации (arousal), автоматической активации комплекса релевантных медианасилию ассоциаций, десенсибилизации (эмоционального привыкания). Мы сосредоточимся на некоторых теориях активации личности и Я-концепции.

Вначале активация трактовалась как унитарный конструкт (Duffy, 1962; Hebb, 1955). Активация представлялась как одномерный феномен, описывающий все ее возможные состояния, основанные на «энергии» по континууму от низких до высоких уровней. То есть, разные состояния активации отличались только по интенсивности. В современных работах (Picard, Fedor, & Ayzenberg, 2015; Thayer, 1989) активацию определяют как один из механизмов, обуславливающих пробуждение активности одновременно многих физиологических и психологических систем в ответ на разнообразные виды стимуляции, как внешние (например, когниции), так и внутренние (скажем, эмоции). Как психологический конструкт, активация имеет отношение ко многим явлениям и многим людям. Она представляет собой неспецифический ответ на ориентировочный стимул, возникает в ответ на сложность задачи, поддерживает активность в ситуациях, требующих бдительности, важный компонент эмоциональных переживаний, приводит человека в состояние бодрствования и энергичности, служит необходимым условием эффективного поведения, и т.д. (см. обзор: Revelle & Loftus, 1990). Активацию не следует смешивать с мотивами и их эмоциональной валентностью. Вместе с тем она может быть связана с их интенсивностью (Reeve, 2009).

По крайней мере, четыре особенности характеризуют активацию. Во-первых, уровень активации зависит от того, насколько человека стимулирует его окружение. Во-вторых, люди включаются в поведение в значительной степени для того, чтобы усилить или ослабить уровень их активации. В-третьих, недоактивированные индивидуальности будут искать в своем окружении стимулы для усиления уровня их активации. В-четвертых, сверхактивированные

индивидуальности будут искать в своем окружении стимулы для ослабления уровня их активации (Reeve, 2009).

Ряд теорий личности восходит к идее активации. Хотя теории личности показывают ее многоаспектность и множество источников детерминации, понятие активации в значительной степени проливает свет на природу личности. В контексте темы нашего исследования аффективных значений сцен насилия в кинофильмах в связи с чертами личности, определенный интерес представляют теории Г. Айзенка (Eysenck, 1967, 1971, 1982, Eysenck & Eysenck, 1985; Eysenck & Eysenck, 1994), поиска ощущений М. Цукермана (Zuckerman, 2007; Zuckerman & Haber, 1965; Zuckerman, Eysenck & Eysenck, 1978), агрессивности (Zillmann, 1988, 1993, 2006; Zillmann, Johnson, & Day, 1974).

Все эти теории в качестве объяснительного конструкта, так или иначе, обращаются к понятию активации. Под углом зрения активации, дадим краткую характеристику этим теориям.

1.2.1. Активация в структурной теории личности Г. Айзенка

Айзенк разработал структурную теорию личности, осуществляя поиск ее наиболее фундаментальных измерений. Г. Айзенк (Eysenck, 1947) выдвинул гипотезу об экстраверсии и нейротизме как основных ортогональных измерениях личности. Несколько позже Г. Айзенк (Eysenck, 1952) высказал предположение о том, что еще одним фундаментальным ортогональным измерением личности (по отношению к экстраверсии и нейротизму) должен стать психотизм.

Г. Айзенк объяснял все эти измерения личности активацией. Согласно Айзенку (Eysenck, 1967, 1982), у интровертов более высокий уровень кортикальной активации, чем у экстравертов. Поэтому интроверты могут тормозить восходящие влияния ретикулярной формации в большей степени, чем экстраверты. С другой стороны, для достижения оптимума функционирования экстраверты нуждаются во внешней стимуляции в большей степени, чем интроверты. Экстраверты находятся в поиске усиления внешней стимуляции, а интроверты, наоборот, в поиске ее снижения (Eysenck, 1967).

Индивидуальные различия по нейротизму связаны с активацией автономной (висцеральной) нервной системы. У людей с высоким уровнем нейротизма активация висцерального мозга выше, чем у эмоционально стабильных (Eysenck, 1967). Обе системы активации – исходящие из висцерального мозга и кортикальная – только относительно независимы друг от друга (Eysenck & Eysenck, 1985). Кортикальная активация может возникать также через висцеральную активацию и быть связанной с восходящей ретикулярной активацией. Поэтому люди с высоким уровнем нейротизма хронически кортикально активированы, но в ответ на эмоциональные стимулы или в ситуациях стресса. Ведь висцеральный мозг имеет тесные отношения с эмоциями. Согласно Thayer (1989), в то время как различия между экстравертами и интровертами по активации имеют энергетический аспект, различия между эмоционально нестабильными (высокий уровень нейротизма) и эмоционально стабильными (низкий уровень нейротизма) обусловлены уровнем напряжения активации.

Подобно экстраверсии, психотизм связывают с энергетическим аспектом активации. Люди с высоким уровнем психотизма характеризуются редукцией кортикальной и автономной (висцеральной) активации. Так, кортикальная регуляция (торможение) субкортикального растормаживания ослаблена (Eysenck & Eysenck, 1994), как и «оптимальный уровень активации» (см.: Szymura, 2010). Claridge (1987) полагает, что трудности в регуляции активации могут быть обусловлены функциональной диссоциацией между несколькими механизмами, которые поддерживают разные системы активации.

Таким образом, существует не одна, а несколько систем активации, которые неодинаково влияют на экстраверсию, нейротизм и психотизм.

1.2.2. Активация в теории поиска ощущений М. Цукермана

Считается, что исходными предпосылками теории поиска ощущений (Zuckerman & Link, 1968; Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978) являются понятия

оптимального уровня стимуляции (ОУС) и оптимального уровня активации (arousal) (ОУА).

Активация связана с ретикулярной формацией и регулирует уровень кортикального бодрствования. Восходящая от ретикулярной формации система активации вызывает в коре неспецифическое возбуждение (бодрствование). Нисходящая от коры к ретикулярной формации система активации глушит возбуждение (бодрствование), если кора перегружена. В целом, ретикулярная активационная система функционирует как гомеостат, поддерживая уровень кортикального бодрствования на некотором оптимальном уровне. Идея о поиске ощущений возникла в исследованиях сенсорной депривации – экстремальной ситуации, связанной с пониженным уровнем бодрствования, локализованным ниже и вне ОУА. При сенсорной депривации поиск ощущений направлен на восстановление ОУА. Причем, подобно индивидуальным различиям в ОУА возникают индивидуальные различия в поиске ощущений. Интенсивный поиск новых ощущений совершают люди с более высоким, чем с низким ОУА, поскольку разрыв между сенсорной депривацией и ОУА оказывается большим у первых, чем у вторых (Zuckerman & Haber, 1965).

В конце 1960 гг. исследовательский интерес сместился с сенсорной депривации на собственно ОУС и ОУА как основу поиска ощущений (Zuckerman & Link, 1968). Обнаруживалась связь между поиском ощущений и широким кругом предпочтений от новых и сложных фигур до переживаний, связанных с сексом, курением, употреблением наркотиков, готовностью к необычным экспериментам, склонностью к риску (см. также: Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978). В более поздние годы было сформулировано предположение о том, что люди могут отличаться друг от друга по их ОУА независимо от особенностей стимуляции. Люди с высокой степенью выраженности поиска ощущений могут быть хронически недовозбуждены и потому они нуждаются в новой стимуляции для достижения ОУА. Это положение напоминает объяснение Айзенком (Eysenck, 1967) биологической основы различий между экстравертами и интровертами.

Однако Айзенк имел в виду интенсивность стимулов, а не их новизну (Zuckerman, 1991).

Теоретические представления о том, что основой поиска ощущений служат ОУС и ОУА, несколько раз подвергались модификациям. Zuckerman (2007) показал, что ретикулярная активирующая система и ОУА вносят свои вклады в возникновение феномена поиска ощущений. Вместе с тем его первичной причиной служат не они, а оптимальный уровень активности катехоламинной системы, включающей допамин и норадреналин. Предположение заключалось в том, что в состоянии без стимуляции и при низком базальном уровне активности катехоламинной системы количество допамина и норадреналина является низким у людей с высокой степенью выраженности поиска ощущений; они существенно ниже оптимального уровня активности катехоламинной системы. Отсюда происхождение неприятного состояния скуки и высокой чувствительности к ней у людей с высокой степенью выраженности поиска ощущений; они стремятся преодолеть скуку, включаясь в различные виды поведения, инициируя контакты с людьми, испытывая новые переживания, и т.п. В то же время благодаря поиску новых ощущений у людей с высокой степенью выраженности поиска ощущений возрастает базальный уровень активности катехоламинной системы приближая его к оптимальному уровню. Люди с низкой степенью выраженности поиска ощущений при том же низком базальном уровне активности катехоламинной системы испытывают в большей степени состояния удовлетворения и радости. Эта теория отмечает также тормозные эффекты серотонина и нейрорегуляторов типа моноаминоксидазы на уровень активности катехоламинной системы, включая их роль в привыкании. Бодрствование в ответ на воздействие стимула глушится, когда он повторяется и вызывает эффект привыкания. То есть повторение и привыкание тормозят выраженность кортикального бодрствования и поиск ощущений. Полагалось поэтому, что люди с низкой степенью выраженности поиска ощущений характеризуются более высокой выраженностью серотонина, моноаминоксидазы и эндорфинов.

Последняя модификация теоретических представлений о природе поиска ощущений привела к построению его биосоциальной – биохимической модели (Zuckerman, 2007). В этой модели внимание фиксируется на трех поведенческих механизмах, обуславливающих поиск ощущений. Его высокая степень является результатом взаимодействий трех систем: (а) выраженного наступления (сближения), (б) слабого торможения, (в) возбуждения (бодрствования). Их основой служат нейротрансмиттеры. Допамин позитивно связан со сближением, серотонин – с торможением, норадреналин – с системой бодрствования. Zuckerman (2007) специально подчеркивает, что речь идет здесь о выраженности не базальных уровней допамина, серотонина, норадреналина, а об их реактивности в ответ на действие стимулов.

Поиск ощущений определяется как черта личности, которая выражает поиск вариативных, новых, сложных и интенсивных ощущений и переживаний, готовность к физическим, социальным, правовым и финансовым рискам ради таких ощущений и переживаний. Центральной в дефиниции поиска ощущений считается новизна, а именно поиск новизны (Zuckerman, 2007).

Zuckerman и Link (1968) поставили вопрос о том, что поиск ощущений может состоять из нескольких измерений, а при факторном анализе может выделяться не один, а несколько факторов. Была разработана новая шкала, и Zuckerman показал, что она распадается на 4 фактора. Исследования в кросс-культурном, возрастном, половом аспектах поддержали правомерность выделения 4-х факторов (Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978).

Поиск впечатлений и приключений (Thrill and Adventure Seeking). Готовность вовлекаться в физические виды активности, которые обеспечивают необычные ощущения и переживания, такие как повышенные скорости, связанные с опасностью (автоспорт), альпинизм, затыжные прыжки с парашютом, дайвинг. Подобного рода активности воспринимаются как умеренно связанные с риском.

Поиск переживаний и нового опыта (Experience Seeking). Готовность к поиску новых ощущений и переживаний через ощущения, возникающие при

занятиях музыкой, искусством, путешествиями, а также предпочитая с единомышленниками неформальный образ жизни.

Растормаживание (Disinhibition). Готовность к поиску ощущений через других людей, гедонистический стиль жизни в таких формах, как необузданные вечеринки, выпивки, варьирование сексуальных партнеров ради социального и сексуального растормаживания. Это старая и давно известная форма поиска ощущений через социально приемлемые вакханалии и карнавалы.

Подверженность скуке (Boredom Susceptibility). Отвращение к любой монотонности, неизменностям повторов, шаблонам, заведенному порядку. Антипатия к людям, наводящим скуку, к тем, кто не вызывает эмоциональный отклик и не интересен, даже если они надежны.

1.2.3. Активация в теории агрессивности Д. Зилмана

Хотя агрессивность, подобно многим психологическим феноменам, имеет много аспектов и обусловлена некоторым множеством причин, особую роль в ее порождении отводят активации (Lindsay & Anderson, 2000; Ward et al., 2008). Но и активация как таковая не является одномерным конструктом. Ее разнообразные формы показаны в недавних работах (Ariely & Loewenstein, 2006; Hanoch & Vitouch, 2004; McNaughton & Gray, 2000; Shackman et al., 2006; Thayer, 1989; Ward et al., 2008). Конструкт активации неизменно включается в модели агрессии. Так, в общей модели агрессии К. Андерсона и Б. Бушмана (Anderson & Bushman, 2002) акцент делается на трех главных особенностях агрессии. Во-первых, она связывается с личностью и ситуацией. К личности относят ее черты, пол, аттитюды, ценности, долговременные цели. В ситуацию включают агрессивные сигналы, провокацию, фрустрацию, боль, дискомфорт, наркотические средства, стимулы. Вторая особенность агрессии выражается в том, что она находится под влиянием взаимосвязанных аффективных, активационных и когнитивных механизмов. Аффект включает настроение, эмоции и моторную экспрессию, активация – усиление доминирующих воздействий и ослабление тормозных влияний, когнитивный компонент – враждебные мысли. Третья особенность

агрессии выражается в том, как функционируют процесс оценки и процесс принятия решения. Когда человеку не хватает ресурсов и мотивации, чтобы изменить свою сиюминутную оценку ситуации, он действует импульсивно. Когда же у него есть ресурсы и мотивация, он может переоценить ситуацию и действовать более разумным путем.

Общая модель агрессии К. Андерсона и Б. Бушмана (Anderson & Bushman, 2002) – пример представлений о влияниях активации совместно с другими предпосылками агрессии. Вместе с тем собственные характеристики активации в контексте агрессии остаются недоопределенными (DeWall, Anderson, & Bushman, 2011).

В этой связи особый интерес имеет разработка понятия активации в теории агрессивности Д. Зилмана (Zillmann, 1971, 1988, 1993, 2006; Zillmann, Johnson, & Day, 1974). Зилман руководствовался понятиями возбуждения в теориях драйва К. Халла (Hull, 1943) и Д. Хебба (Hebb, 1955), а также двух-факторной теорией эмоций С. Шехтера (Schachter & Singer, 1962). Вслед за Хеббом, который трактовал активацию, как энергетизирующую организм, а не рулевой механизм, Шехтер дополнил эту идею представлением о том, что возникновение эмоции также предполагает когнитивную интерпретацию состояния активации, придающую эмоции содержание и направленность. Отсюда положение о двух факторах эмоций.

Д. Зилман переосмыслил и объединил теорию драйва Халла и двух-факторную теорию эмоций Шехтера, выделявших в эмоциях активационный и когнитивный компоненты. В контрасте к гипотезе Халла о том, что реакции возбуждения «утрачивают» свою специфику под действием новой стимуляции, Шехтер полагал, что эмоциональная активация является неспецифической. Человек когнитивно устанавливает эмоцию для того, чтобы управлять поведением и регулировать его. Зилман принял и модифицировал эту точку зрения Шехтера (Bryant & Miron, 2003).

Два важных положения, имеющих отношение к активации, характеризуют теорию агрессивности Д. Зилмана (Zillmann, 1971, 1988, 1993, 2006; Zillmann, Johnson, & Day, 1974).

Первое положение состоит в том, что когнитивные процессы и возбуждение (активация) взаимодействуют, порождая гнев и агрессию. Их взаимодействия принимают вид взаимозависимостей. Когнитивные процессы влияют на активацию (главным образом, исходящую из автономной нервной системы в ее симпатических отделах), а возбуждение (активация) влияет на когнитивное функционирование (главным образом, на оценки и переоценки угроз) в условиях переживания гнева и агрессивного поведения. При этом распознавание сигналов угроз требуют управления поведением человека и определения его направления посредством когнитивных процессов, а импульсивное деструктивное поведение (агрессия) обусловлено ухудшением когнитивного функционирования в условиях роста активации.

Второе положение теории агрессивности Д. Зилмана постулирует трансфер активации. Подразумевается перенос остаточного возбуждения (активации) от одного стимула к другому. При этом предыдущий стимул будет усиливать возбуждение в ответ на следующий стимул, даже если его гедоническая валентность изменится (Bryant & Miron, 2003). Трансфер активации не ограничивается одной эмоцией. Например, просмотр кинофильма может сопровождаться гневом зрителя в ответ на то, что злодей обижает героя. Но это исходное возбуждение может интенсифицировать у зрителя удовольствие, когда показывается, как злодей подвергается наказанию позже. Значит, возбуждение в ответ на второй стимул является остаточным после возбуждения в ответ на первый стимул.

Трансфер активации может иметь место при соблюдении трех условий. Во-первых, возбуждение в ответ на второй стимул возникает до полного распада остаточного возбуждения в ответ на первый стимул. Во-вторых, человек, переживающий возбуждение, приписывает его второму стимулу. В-третьих, человек не достиг предела возбуждения до предъявления ему второго стимула.

В конечном итоге, стимулы, будь они в реальной жизни, на экранах ТВ и кинофильмов, или их комбинации могут вызывать трансфер активации.

1.2.4. Активация в Я-концепции К. Шоуэрс и Я-концепции Л. Я. Дорфмана

Исследований активации в Я-концепции, как ни странно, весьма мало. На этом фоне определенный интерес имеют Я-концепция К. Шоуэрс (Ditzfeld & Showers, 2014; Showers & Zeigler-Hill, 2007), с одной стороны, и Я-концепция Л. Я. Дорфмана (2004), с другой.

Активация в модели Я-концепции К. Шоуэрс

Согласно Шоуэрс, Я-концепция состоит из некоторого множества Я. Хотя эти Я представляют собой когнитивные структуры, их содержание аффективно нагружено. Поэтому Я-концепция описывается как когнитивно-аффективная модель. Она полагает, что Я-концепция (мнения, знания, отношения, память), посредством которой люди имеют представления о себе, варьируют в зависимости от контекста. Люди строят свою Я-концепцию в многомерном, а не унитарном ключе. То есть, Я-концепция включает несколько, а может быть и много отличимых идентичностей, и каждая ассоциируется с разным контекстом подобно работе, семье, досугу, как и с неодинаковыми внутренними состояниями. В этой модели каждая отличимая идентичность обозначается термином «аспект Я». Человек может выбирать контексты и идентичности своего Я таким образом, чтобы достигать тех или иных специфических целей, т.е. функционировать адаптивно. Когда цели и мотивы изменяются, структура Я-концепции также может меняться.

Особое место в модели Шоуэрс занимает оценочно-эмоциональная организация Я, причем в плане как разделения его на отдельные аспекты, так и их интеграции. У людей с разделенной структурой Я позитивные и негативные атрибуты организованы по разным аспектам Я. Например, аспект Я включает позитивную категорию («когда я дома»), и в ней преобладает позитивная валентность (радостный, оптимистичный, благоустроенный, уверенный). Другой

аспект Я, наоборот, включает негативную категорию («когда я на работе»), и в ней преобладает негативная валентность (безнадежный, грустный, неловкий, неуверенный). Интегративная структура Я не зависит от валентности, поскольку совмещает позитивные и негативные самооценки, например, «некомфортный, небезопасный, но также радостный и организованный». С другой стороны, интегрированное Я характеризуется относительно эмоционально стабильной структурой, а разделенное Я – относительно эмоционально нестабильной структурой.

В этот контекст вписывается конструкт активации. Шоуэрс объединяет модели Я-концепции и аффективной реактивности. Эмоции рассматриваются в двух измерениях: валентности (удовольствие или неудовольствие) и активации (низкая или высокая). В любой момент времени, человек чувствует на разных уровнях активации относительно позитивные (от спокойствия до возбуждения) или относительно негативные (от вялости до нервозности) эмоции. Люди с разделенной структурой Я воспринимают состояния с высоким уровнем активации как позитивные и с низким уровнем активации как негативные. Значит, эмоциональная реактивность людей с разделенной структурой Я обуславливается их предпочтением позитивных состояний с высоким уровнем активации. Люди с интегрированной структурой Я, наоборот, предпочитают состояния с низким уровнем активации. Следовательно, люди с разделенной структурой Я предпочитают более высокие уровни активации, чем люди с интегрированной структурой Я.

Активация в модели Я-концепции Л. Я. Дорфмана

Модель Я-концепции Л. Я. Дорфмана (2004) восходит к его же концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 2016). Она относится к разряду дуальных концепций. Они описывают психические явления, свойства, процессы, которые вписываются не в одну, а в несколько систем. Многочисленные дуальные модели разработаны в когнитивной и социальной психологии, психологии личности (Дорфман, 2016; Дорфман, Лядов, 2015; Пономарев, 2006; Benedek & Jauk, 2018; Epstein, 2014; Hofmann, Friese, & Strack, 2009; Sowden, Pringle, & Gabora, 2015).

Концепция метаиндивидуального мира утверждает гетерогенную природу личности. Отсюда представления о двойных базовых системах. Одна базовая система (система 1) возникает в отношениях личности к ее ближнему окружению (при одних обстоятельствах), другая базовая система (система 2) – от ближнего окружения к индивидуальности (при других обстоятельствах). Системы 1 и 2 направлены навстречу друг другу, но не совпадают, а расходятся, разделены, не смешиваются и не сталкиваются. В системе 1 открываются одни аспекты личности, в системе 2 – другие. Концепция метаиндивидуального мира допускает сосуществование систем 1 и 2 в параллельном режиме и в режиме их пересечения. При параллельном режиме системы 1 и 2 не пересекаются. Непересечение – это раздельное существование систем 1 и 2. Конечно, между ними могут быть переходы, возникать взаимосвязи и взаимодействия, скажем, в формах координации или конфликта. Но исходно системы 1 и 2 функционируют независимо и параллельно. Пересечение систем 1 и 2 может происходить частично, образуя их некоторые общие области, но полностью не перекрывая их.

Согласно Дорфману (2004) Я-концепция возникает благодаря ментальной репрезентации метаиндивидуального мира. В метаиндивидуальном мире выделяются домены – Авторства, Обладания, Принятия и Принадлежности. На их основе в Я-концепции возникают субмодальности Я. Первая субмодальность – Авторское Я; в нем ментально репрезентируется область Авторства. Вторая субмодальность – Воплощенное Я; в нем ментально репрезентируется область Обладания. Третья субмодальность – Превращенное Я; в нем ментально репрезентируется область Принятия. Четвертая субмодальность – Вторящее Я; в нем ментально репрезентируется область Принадлежности (Дорфман, 2004).

Субмодальности обладают качественным своеобразием. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что каждая субмодальность выражает себя специфическим языком. Языковые аналоги субмодальностей обнаруживаются в местоименных формах. Личные местоимения указывают на лицо, о котором идет речь, выражают и присутствуют в имени, а притяжательные местоимения указывают на принадлежность объекта тому или иному лицу. Лицо является

базовым понятием и личных, и притяжательных местоимений. При этом притяжательные местоимения производны от личных местоимений. Те и другие выступают в роли автономных словоформ лица. Что касается личных местоимений, они кодируют лицо и идентифицируют говорящего (1-е лицо), адресата речи (2-е лицо) и лица, не принимающего участия в данном речевом акте (3-е лицо). Как отмечает Э. Бенвенист (1974), третье лицо существенно отличается от первого и второго. «Он» – не говорящий и не слушающий. Языковая форма, называемая третьим лицом, содержит указание на высказывание о ком-то, но не соотносится с лицом как личным, индивидуальным. Местоименным маркером Авторского Я может быть личное местоимение первого лица в именительном падеже – «я». Местоимение «я» обозначает лицо говорящего (пишущего) и указывает на него, отсылает к автору высказывания (письма). Посредством «я» человек заявляет и выражает себя, утверждает свою самоидентичность. В «я» проявляется эгоцентрическая установка сознания и языка. Я есть исходная точка, из которой говорящий смотрит и выражает в слове мир, хотя себя он не видит (Булгаков, 1953). Местоимение «я» выражает собственное лицо говорящего (пишущего) в позиции автора, субъекта. Так через местоимение «я» субмодальность Авторского Я опредмечивается в языке и речи. Местоименным маркером Вторящего Я, судя по всему, могут быть личные местоимения в формах косвенных падежей личного местоимения первого лица «я». Они тоже выражают отношения принадлежности. «Я», с одной стороны, выступает в роли предмета, на который направлено действие, с другой стороны, само относит себя к другому лицу. Местоимения «меня», «мне», «мной», «обо мне» выражают собственное лицо говорящего (пишущего), но в позиции объекта. Они выражают нетождественность лица себе, групповую идентичность. Через эти местоимения субмодальность Вторящего Я опредмечивается в языке и речи. Местоименным маркером Воплощенного Я могут быть личные местоименные прилагательные – так называемые притяжательные местоимения мой, моя, мое. Эти местоимения выражают не собственное лицо, как личные местоимения «я» и «меня», «мне», «мной», «обо мне». Они выражают другое, или в терминах М. М.

Бахтина (2000) чужое лицо. Причем, оно занимает позицию объекта по отношению к Авторскому Я. Местоименными маркерами Превращенного Я (или наиболее близкими ему) могут быть личные местоимения в 3-ем («он», «она», «оно», «они») лице. Эти местоимения выражают не собственное лицо, как личные местоимения «я» и «меня», «мне», «мной», «обо мне». Они выражают другое, или в терминах Бахтина (2000) чужое лицо. Личные местоимения в 3-ем лице следует понимать двояко: не только указание на высказывание о ком-то («он» выступает в роли объекта высказывания), а также указание о том, что высказывание основывается на рассмотрении «он» в позиции субъекта. Высказывание о ком-то содержит его принятие, терпимость к нему, а не безразличие или враждебность. В контексте субмодальности Превращенного Я, следовательно, личное местоимение в 3-ем лице может выступать в роли объекта высказывания и отношения к нему как к субъекту (Дорфман, Гольдберг, 2000а, б).

Получены эмпирические данные о сопряженности субмодальностей с чертами личности. Авторское Я сопрягается с повышенной силой Я, доминантностью, самоуважением, самопринятием и принятием собственной агрессии, целостным видением жизни, независимостью в поступках, принятием ценностей самоактуализации, интернальностью, экстраверсией, пониженным нейротизмом, пониженными тревожностью и чувством вины, снижением страха отвержения. Воплощенное Я сопрягается с доминантностью, экстраверсией, конкретностью мышления, пониженным самопринятием и замедленным установлением глубоких контактов с людьми. Превращенное Я сопрягается с повышенной силой Я, пониженным психотизмом, доминантностью (по одним данным), неуверенностью – простодушием (по другим данным). Вторящее Я сопрягается со склонностью к интроверсии, повышенным нейротизмом, пониженным психотизмом, пониженными самоуважением и самопринятием, неуверенностью – покорностью, страхом отвержения, конформностью, внешним локусом контроля. Вторящее Я также связано с зависимостью, замедленным установлением глубоких контактов с людьми, дискретным восприятием жизни, снижением принятия ценностей самоактуализации и пониженной гибкостью

поведения в их реализации, ростом расхождений между актуальным и идеальным Я (Дорфман, 2002). Заметим, что по одним чертам личности субмодальности подобны, а по другим, наоборот, различаются. Тем не менее, полученные данные показывают своеобразие личностных профилей каждой субмодальности.

О своеобразии субмодальностей свидетельствуют также их позиционные характеристики. Авторское Я выражает позицию автора, инициатора, деятеля, Воплощенное Я – реформатора, покорителя, обладателя. Превращенное Я описывает человека, который понимает и принимает людей. Вторящее Я выражает позицию последователя, подражателя, исполнителя (Дорфман, 2010).

Метаиндивидуальный мир ментально отображается в Я-концепции. В ней различаются, во-первых, модальности «Я» – «не-Я» («Другой»). Они представляют личность и членов ее ближнего окружения. Во-вторых, в Я-концепции различаются система 1 и система 2. Они отображают системы метаиндивидуального мира: систему 1 (ее ядром является личность, а периферией – ближнее окружение) и систему 2 (ее ядро образуют члены ближнего окружения, а периферию – личность). В-третьих, в Я-концепции различаются процессы обособления и слияния. Они отображают обособление (Авторское Я и Превращенное Я) и сближение (Воплощенное Я и Вторящее Я) личности и членов ее ближнего окружения в метаиндивидуальном мире.

Прямые сведения о связях субмодальностей Я с активацией отсутствуют. Но в пользу их возможных соотношений свидетельствуют косвенные данные. Мы обращаемся к активационным теориям личности, описанным выше. Если их переменные статистически значимо соотносятся с субмодальностями Я, значит, есть основания для переноса представлений об активации на Я-концепцию.

Л. Я. Дорфман, А. Н. Быков, И. М. Гольдберг (2000) изучали отношения измерений личности в теории Айзенка (1999) с субмодальностями Я. Были установлены значимые связи роста экстраверсии с Авторским Я и Воплощенным Я, роста нейротизма – с Вторящим Я, снижением психотизма – с Превращенным Я. В терминах активации, можно отметить, что Авторское Я и Воплощенное Я могут сопрягаться с восходящими влияниями ретикулярной формации при

кортикальном растормаживании и в то же время поисками усиления внешней стимуляции. Вторящее Я может сопрягаться с активацией автономной (висцеральной) нервной системы, а превращенное Я – с усилением кортикального торможения субкортикальной активации.

М. В. Зубакин (2010) приводит данные о том, что Воплощенное Я положительно коррелирует с агрегированным индексом поиска ощущений (по Zuckerman, 2007), поиском переживаний и нового опыта. Другие субмодальности Я не коррелировали с показателями поиска ощущений. В другой работе (Дорфман, Зубакин, 2008) было показано, что поиск ощущений (растормаживание) опять-таки связано с Воплощенным Я. Используем биосоциальную – биохимическую модель поиска ощущений Цукермана (Zuckerman, 2007). Тогда Воплощенное Я можно представить как результат взаимодействий трех систем: (а) наступления (сближения), (б) слабого торможения, (в) возбуждения (бодрствования).

Исследуя отношения агрессивности и субмодальностей Я, Е. Г. Шестакова (2011) установила, что переменные Авторского Я и Воплощенного Я положительно коррелировали с переменной физической агрессии. Переменные Превращенного Я и Вторящего Я не коррелировали с переменными агрессии. Исходя из теории агрессивности Зилмана (Zillmann, 2006), можно полагать, что Авторское Я и Воплощенное Я обеспечивают распознавание сигналов угроз, управляют агрессией в условиях роста активации, которая ухудшает когнитивное функционирование.

Таким образом, есть основания полагать, что одной из основ полимодального Я является активация. Скорее всего, существует не один, а несколько механизмов и, соответственно, несколько систем активации: они неодинаково влияют на разные субмодальности Я.

1.3. Восприятие сцен насилия в СМИ

С. Н. Ениколопов (2001) проанализировал понятие насилия и определил его как «применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможен. Угроза насилия также является насилием». Вслед за Й. Галтунгом (1995), С. Н. Ениколопов полагает, что демонстрируемое в СМИ насилие представляет собой аспект культуры, символическую сферу существования, представленную религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой, которые могут быть использованы для оправдания и легитимации насилия.

Е. П. Ильин (2014) относит к насилию в СМИ, прежде всего, демонстрацию убийств, драк, избиений, а также брань и ненормативную лексику. D. Gerbner (1980) изучал влияние масс-медиа на когнитивную сферу зрителей и определил «драматическое насилие», которое демонстрируется по телевидению, как «открытое проявление физической силы (с оружием или без него, против себя или других), принуждающее действовать против своей воли под угрозой нанесения увечий и/или смерти как часть сюжета» (цит. по Гриффин, 2015, С.488–489). Р. Харрис (2003) понимает под «медиа-насилием» демонстрацию причинения намеренного физического ущерба другому человеку. Он исключает сцены со случайным причинением боли, «психологическим насилием» и вандализмом по отношению к чужой собственности, поскольку их субъективное восприятие сильно варьируется. Для зрителей должна быть очевидна агрессивная суть или враждебность в поведении медийных персонажей.

1.3.1. Современное состояние исследований медианасилия

Много различных факторов приводят к развитию у людей склонности к насилию (например, культура, родители, воспитание, социальное окружение, генетика). Заметную роль среди них играет изображение сцен насилия в СМИ и искусстве. Экспозиция насилия усиливается в современных медиа и искусстве (реклама, газеты, журналы, телевидение, театр, живопись, кинофильмы, видео,

Интернет), а их потребляют значительное число детей и молодых людей (Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014; Anderson et al., 2003; Bender, Plante, & Gentile, 2018). Хотя необходимость научного понимания этого феномена востребована обществом, до сих пор он изучен недостаточно и нуждается в более глубоких, чем прежде, исследованиях.

В ранних исследованиях, по меньшей мере, начиная с 1950-х гг., исследователи предполагали, что экспозиция насилия в медиа ведет к росту агрессии зрителей (Albert, 1957; Eron et al., 1972; McIntyre, Teevan, & Hartnagel, 1972). К 1990 гг. большинство исследователей в этой области пришли к консенсусу в том, что экспозиция насилия в медиа (медианасилие) влияет на агрессивность зрителей. Эта связь действительно имеет место, носит каузальный характер и является значимой (Anderson et al., 2003). Общий тренд результатов современных эмпирических исследований заключается в том, что медианасилие служит риском возникновения агрессии, враждебности, агрессивных мыслей, эмоций, оценок и поведения у зрителей, причем как в ближайших последствиях, так и в отдаленные периоды их жизни (Anderson et al., 2003; Anderson & Bushman, 2002; Bender, Plante, & Gentile, 2018; Bushman & Anderson, 2001; Singer & Singer, 1983). Межгрупповые, экспериментальные, лонгитюдные исследования свидетельствуют о росте агрессии у зрителей под влиянием экспозиция насилия в медиа (Bender, Plante, & Gentile, 2018). Мета-анализ сотен эмпирических исследований в этой области в целом поддерживает этот вывод (Anderson & Bushman, 2002; Bushman & Anderson, 2001; Paik & Comstock, 1994; Sherry, 2001; Wood, Wong, & Chachere, 1991).

Хотя негативные эффекты медианасилия вроде бы твердо установлены, недавние работы показывают, что научные свидетельства в их пользу оказываются слабее результатов, полученных в прежние десятилетия. Кроме того, отмечается, что медианасилие влияет на агрессивность зрителей избирательно: негативные эффекты медианасилия возникают в отношении одних зрителей и не возникают (или слабо выражены) в отношении других. В ряде случаев результаты исследований разных авторов не согласованы, а некоторые исследователи вообще

подвергают сомнению существование негативных эффектов медианасилия на зрителей, особенно на молодежь и людей старшего возраста (Breuer et al., 2015; Ferguson, 2015; Fikkers, Piotrowski, & Valkenburg, 2016; Fowles, 1999; Freedman, 2002; Rhodes, 2000; Young, 2010). Подчеркивается при этом роль индивидуальных различий в предпочтениях (Chory & Goodboy, 2010; Kremar & Kean, 2005).

В связи с этим сейчас наступает время для обновления сведений о том, что именно можно принять за научные факты влияний медианасилия на зрителей. Обобщая текущее научное знание о медианасилии, Anderson et al. (2003) обозначили 5 критических вопросов. 1) Как соотносятся экспозиция насилия в медиа и рост агрессии зрителей (обзор эмпирических исследований). 2) Как медианасилие влияет на агрессивное поведение (теоретические объяснения). 3) Какие характеристики медианасилия существенны и кто из зрителей подвержен его влияниям (исследования модераторов). 4) Как достигается влияние насилия в медиа на зрителей (исследования содержания медиа). (5) Как отдельные люди и общество могут противостоять влияниям экспозиции насилия в медиа и смягчать их негативные эффекты (исследования вмешательств в потребление продуктов медианасилия).

Также следует обратить внимание на намечающийся тренд, который состоит в переходе от констатации отдельных фактов медианасилия к поиску их механизмов. Эффекты медианасилия весьма сложны, разноплановы и разнонаправлены. Исследователи признают, что основой эффектов медианасилия редко являются одна причина или фактор. На самом деле, они существуют во множестве. Многие нюансы еще предстоит понять и объяснить, прежде чем эффекты медианасилия станут более ясными и очищенными от влияния побочных факторов (Anderson et al., 2003; Bender, Plante, & Gentile, 2018; Huesmann, 2018; Uhlmann, & Swanson, 2004). Поиск в этом направлении предполагает движение вглубь и расширение общей картины изменений, которые медианасилие производит у зрителей.

1.3.2. Концепции восприятия медианасилия

Можно выделить несколько подходов и теорий, с позиций которых предпринимаются попытки описать процесс восприятия медианасилия и объяснить его влияние на аудиторию.

Старейшей является теория З. Фрейда (1923/2015) о бессознательном инстинкте саморазрушения и смерти, который связан с сексом и агрессией. Секс и агрессия являются бессознательными мотивами. Однако они направляются в область сознания в виде угрожающих импульсов, поскольку могут подрывать представление человека о самом себе. Сознание стремится вытеснить эти мотивы обратно в область бессознательного. Этот конфликт, с одной стороны, вызывает состояние беспокойства и тревоги, а с другой стороны, сублимирующее или замещающее поведение, которые скрывает открытую сексуальность или агрессию. С позиций Фрейда была предложена *концепция агрессии – катарсиса* для объяснения влияния насилия в СМИ (Feshbach, 1955, 1961). Согласно этой концепции потребление сцен насилия и/или секса в СМИ и кинофильмах замещает реальную агрессию или сексуальную активность в обыденной жизни и приводит к освобождению от внутреннего напряжения и снижению тревоги. Сцены насилия в СМИ также могут пробуждать у зрителей фантазии о расправе со своими обидчиками в жизни, что снижает их напряжение (Feshbach, 1976; Feshbach, & Singer, 1971).

Дж. Блумлер и Э. Кац (Blumler, & Katz, 1974) предложили *теорию использования и удовлетворения* для объяснения выбора содержания СМИ аудиторией. Согласно этой теории, человек активно и самостоятельно определяет какую информацию СМИ потреблять. Его выбор обусловлен желанием личности удовлетворять свои потребности. В русле этого подхода Д. Зилман (Zillmann, 1988) сформулировал *теорию управления настроением* (mood management theory). Согласно Зилману, человек обращается к продуктам масс-медиа для того, чтобы избавиться от плохого настроения и лучше себя чувствовать. Это было подтверждено в ряде исследований (Knobloch, Zillmann, 2002; Oliver, 2008). М. Марес (Mares et al., 2008) изучал предпочтения кинофильмов разными

возрастными группами. Его исследование показало, что молодые люди чаще стремятся испытывать негативные эмоции и предпочитают фильмы, которые пугают, содержат сцены насилия, а также которые развлекают и избавляют их от скуки. Пожилые люди, напротив, ориентированы на поддержание эмоциональной стабильности и предпочитают мелодрамы и романтические фильмы. Дальнейшее изучение медианасилия обнаружило *эффект переноса активации (возбуждения)*. Он состоит в том, что состояние возбуждения, которое возникает после просмотра кинофильмов со сценами насилия или секса, в краткосрочной перспективе приводит к усилению любых последующих эмоций (Zillmann, 1991). Возбуждение может усиливать страх, сексуальное влечение, или гнев. Если после просмотра сцен насилия следует фрустрация, то усиливаются раздражение и гнев, а также повышается вероятность агрессии (Zillmann et al., 1986).

Л. Берковиц (2007) для объяснения эффектов насилия в СМИ на зрителей опирается на идею о *прайминге (priming)*. Понятие прайминга заключается в том, что восприятие людьми какого-либо стимула или ситуации запускает вспоминание идей, образов и чувств, которые имеют сходное значение. Эти идеи, образы и чувства могут активировать определенные формы поведения. С этой точки зрения сцены насилия активируют негативные образы, воспоминания, чувства и модели агрессивного поведения. Это может повышать враждебность и вести к агрессии (Bushman, & Geen, 1990).

А. Бандура (Bandura, 1983) определяет агрессию как форму *социального научения*. Люди обучаются агрессии двумя способами. Во-первых, в результате научения посредством прямого вознаграждения за агрессивное поведение. Во-вторых, посредством наблюдения за другими людьми, которые получают вознаграждение за агрессивность. Во втором случае важными факторами, которые способствуют научению, являются: наличие опыта проявления агрессии в реальной жизни, возбуждение, привлекательность агрессивных персонажей фильма и идентификация с ними зрителя, подкрепление насилия в фильме или одобрение экранного насилия значимыми другими. При частом потреблении кинофильмов, в которых привлекательные и симпатичные персонажи бьют

других ногами и кулаками, а также стреляют и убивают тех, кто подвергает их состоянию стресса, дети и взрослые люди усваивают, что насилие является приемлемым способом решения конфликтов.

С. Бол-Рокич и М. Де-Флер (Ball-Roseach, & DeFleur, 1976) предложили *теорию «большого эффекта» СМИ*. Согласно этой теории СМИ воздействуют одновременно на когнитивные и эмоциональные процессы зрителей, а также в отсроченном формате влияют на их поведение. В отношении насилия в СМИ этот интегративный подход представлен *теорией культивации* Г. Гербнера (Gerbner, & Gross, 1976; Gerbner et al., 1986). В рамках этой теории интерес представляет то, какой образ реальности формируется у аудитории СМИ. Основная идея Г. Гербнера заключается в следующем: чем больше времени человек проводит перед телевизионным или киноэкраном, тем больше представления этого человека о реальности и образ социальной реальности будут совпадать с медийной реальностью. В ходе исследований было обнаружено, что у зрителей, которые часто потребляют сцены насилия в СМИ, появляется «образ ужасного мира». Они переоценивают масштабы преступности в обществе и вероятность стать жертвой насилия или другого преступления, считают мир плохим и полным опасностей (Gerbner et al., 1977, Morgan, & Shanahan, 1996; Signorielli, & Morgan, 1990; Signorielli, Gerbner, & Morgan, 1995; H. Yang et al., 2008). На культивацию представлений о мире влияют: интенсивность просмотра ТВ, мотивы просмотра, оценка реальности медиа-продуктов, а также возраст и пол, уровень тревожности, копинг-стратегии и личный опыт зрителя (см. обзор: Винтерхофф-Шпрук, 2016).

Ряд исследователей предложили еще одну интегративную модель взаимосвязи демонстрации насилия в СМИ и агрессии (Крейхи, 2003; Geen & Bushman, 1997). Согласно этой модели воздействие насилия в СМИ усиливает возбуждение, активизирует мысли и чувства агрессивного характера (прайминг), демонстрирует новые типы агрессивных реакций, ослабляет запреты на агрессию, приводит к снижению чувствительности к страданию жертвы и формирует зрительское представление о реальности. Каждый из этих эффектов в отдельности или совместно могут приводить к повышению агрессивности зрителей.

1.3.3. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты восприятия сцен насилия в СМИ

Л. Берковиц (2007) и Б. Крейхи (Krahe, 2013) в своих обзорах исследований выделяют: 1) непосредственные и краткосрочные эффекты медианасилия на агрессивное поведение; 2) долгосрочные эффекты при повторяющемся воздействии сцен насилия в СМИ.

К непосредственным эффектам относятся так называемые преступления-имитации, когда преступники имитируют способы насилия, которые демонстрировали СМИ. Также изучается статистика совершения преступлений после спортивных мероприятий с насилием (бокс, бои без правил), новостей и телефильмов со сценами насилия. В анализируемых авторами исследованиях было показано, что сообщения о насилии в новостях, насилии в художественных фильмах и ТВ-программах обнаруживает небольшой, но статистически значимый эффект увеличения преступлений насильственного характера.

К кратковременным эффектам воздействия сцен насилия в СМИ Л. Берковиц (2007) и Б. Крейхи (2003; 2013) относят в первую очередь агрессивное поведение. Однако, как показывают многочисленные исследования, далеко не всегда после воздействия сцен насилия наблюдается агрессия. Л. Берковиц полагает, что наблюдение насилия в СМИ или в жизни сначала вызывает агрессивные мысли и чувства. Например, Б. Бушман и Р. Джин (Bushman, & Geen, 1990) показали, что сцены насилия в кинофильме вызывают у зрителей агрессивные чувства и мысли. Чем более жестокими были демонстрируемые сцены, тем выше у зрителей было кровяное давление (физиологическое возбуждение), они сильнее выражали гнев, и у них появилось больше конкретных мыслей агрессивного характера. Л. Берковиц и Б. Крейхи отметили несколько важных условий, при которых восприятие сцен насилия в СМИ может привести к агрессии. Во-первых, это значение, которое приписывает зритель наблюдаемому поведению – он должен однозначно понимать агрессивную суть наблюдаемых сцен. Во-вторых, демонстрация позитивных последствий агрессивного поведения или отсутствие наказания за насилие на экране. В-третьих, отсутствие

демонстрации негативных последствий насилия (страдания жертв), изображение агрессии оправданной или преследующей благородную цель. В-четвертых, идентификация зрителя с агрессором. В-пятых, неспособность зрителя дистанцироваться от кино-насилия или осознать его нереальность.

Кроме описанных выше эффектов Л. Берковиц (2007), выделяет еще два краткосрочных эффекта воздействия насилия в СМИ: десенсбилизацию (эмоциональное притупление) и растормаживание. Десенсбилизация проявляется в том, что большое потребление насилия в СМИ приводит к снижению физиологического возбуждения в ответ на театрализованную и реальную агрессию. Растормаживание предполагает ослабление существующих у зрителя запретов на проявление агрессии. Все эти эффекты Л. Берковиц объясняет концепцией прайминга (см. выше).

К долговременным эффектам Л. Берковиц (2007) относит формирование представлений об обществе и других людях (культивация по Gerbner et al., 1986), приобретение агрессивных наклонностей (Huesmann, & Eron, 1986; Huesmann, & Miller, 1994), формирование агрессивных социальных сценариев (Huesmann, 1986).

Б. Крейхи (2003) в своем обзоре исследований дополнительно выделяет воздействие порнографии на агрессию и сексуальное насилие. Частое потребление порнографии связано с агрессией и насилием по отношению к женщинам, поскольку у зрителей формируется установка на терпимое отношение к изнасилованию (Donnerstein, 1984; Paik, & Comstock, 1994; Zillmann, 1998).

Р. Харрис (2003), Р. Харрис и Ф. Санборн (Harris, & Sanborn, 2013) в своем анализе исследований выделяют шесть основных эффектов насилия в СМИ на аудиторию: страх и повышение тревоги (Cantor, 1996; Cantor, & Oliver, 1996), моделирование (Bandura, 1977; Tan, 1986), сенсбилизация (Tamborini, Stiff, & Heidel, 1990), десенсбилизация (Tamborini, 1991; Zillmann, & Weaver, 1996) и культивация (Gerbner et al., 1994).

Д. Брайант, С. Томпсон (2004) в своем обзоре выделили поведенческие, эмоциональные (аффективные) и когнитивные последствия воздействия сцен

насилия в СМИ. К поведенческим последствиям они отнесли: возбуждение (Zillmann, 1988), катарсис (Feshbach, 1955, 1961), дезингибицию или растормаживание (Berkowitz, 1974), имитацию (Bandura, et al. 1963) и десенсебилизацию (Drabman, & Thomas, 1974; Thomas, et al., 1977). К аффективным последствиям Д. Брайант, С. Томпсон отнесли реакцию испуга и страха (Cantor, 1996). К когнитивным последствиям восприятия насилия в СМИ были отнесены: изменение установок по отношению к насилию и представлений о мире (Gerbner et al., 1977, 1994).

П. Винтерхофф-Шпук (2015) обобщил результаты обзора исследований медианасилия следующим образом. Зрители специально выбирают программы с актами агрессии и насилия, поскольку ожидают получить удовольствие. Как правило, передачи и кинофильмы с насилием создают у зрителя специфическую внутреннюю динамику – «напряжение – снятие напряжения». Она и приводит к ощущению удовольствия. Одновременно зрители запоминают агрессивные модели поведения на экране, особенно если агрессия на экране оправдывается или ее совершают положительные герои во имя хорошего дела. При определенных обстоятельствах зрители могут применить эти модели в реальном взаимодействии, чему способствуют злые намерения, фрустрированность, раздражение, отсутствие наказания или социального осуждения за агрессию.

Е. П. Ильин (2014) полагает, что насилие в СМИ является одним из главных факторов, который влияет на проявление агрессии в обществе. В своем обзоре исследований он приводит только данные, подтверждающие его влияние на агрессивность зрителей. Отдельным вопросом выделяется эффект компьютерных игр с насилием. Е. П. Ильин полагает, что частое их использование подростками ведет к усилению таких негативных черт характера как обидчивость, обостренное самолюбие, негативизм, снижает порог фрустрации.

В целом, в последнее время внимание исследователей медианасилия смещается к изучению эффектов Интернета и компьютерных игр. Мета-анализ К. Андерсона с коллегами (Anderson et al., 2010) показал, что видеоигры с насилием выступают фактором риска, который вызывает агрессивные мысли и аффекты,

повышает физиологическое возбуждение и вероятность агрессивного поведения, снижает сочувствие к жертвам насилия и склонность к просоциальному поведению. В исследованиях В. Бош (Bösche, 2009, 2010) были обнаружены эффекта видеоигр с насилием на активацию у мужчин агрессивных сценариев и сценариев игрового соперничества. К. Фергюсон и С. Руэда (Ferguson, & Rueda, 2010) предъявляли участникам исследования познавательную задачу, а после неудачи при ее решении предлагали сыграть в компьютерные игры с насилием. Обнаружилось, что игра приводит к снижению депрессии и враждебных чувств, а не росту агрессии. К. Освальд с соавторами (Oswald et al., 2014) также изучали субъективный опыт и мотивацию игроков в компьютерные игры в Интернет. Они обнаружили, что испытуемые в большей степени указывают на положительный эмоциональный опыт (или снижение негативных эмоций, типа скуки, фрустрации, стресса), социальную направленность взаимодействия в игровом взаимодействии и развитие целеустремленности. Исследователи указывают, что люди при помощи компьютерных игр в Интернете удовлетворяют потребности личности в автономии, компетентности и связности.

В исследовании Б. Крейхи с коллегами (Krahe et al., 2011) было показано, что видеоклипы со сценами насилия приводят к десенсибилизации: эмпатия к жертвам насилия снижается. Р. Рамос с соавторами (Ramos et al., 2013) обнаружили эмпатию к жертвам насилия на ТВ-экране у молодых мужчин, если их предупреждали о реальности демонстрируемых событий. Однако эмпатия к жертвам насилия снижалась, если их предупреждали, что им будут предъявляться фикции насилия в виде ТВ-шоу и клипов. Д. Унц с соавторами (Unz et al., 2008) показали, что сцены насилия в ТВ-новостях вызывают у зрителей отрицательные эмоции. Вопреки предыдущим исследованиям, наиболее часто зрители переживали эмоции гнева, печали, отвращения, презрения, а не страха. Дж. Гласкок (Glascok, 2014) изучал эффекты потребления СМИ на вербальную агрессию с учетом демографических и социальных факторов. Он обнаружил, что при учете демографических и социальных факторов только частое потребление рэпа связано с вербальной агрессией. Гораздо большее значение для проявления

вербальной агрессии имеют пол, родительское воспитание, принадлежность к этнической или социальной группе.

В. А. Милешкина (2016) изучала влияние телевидения на проявление насилия в отношении детей в семьях. Изучались характеристики потребляемых родителями сцен насилия (тип передачи, тип жертв, частота показа, условия применения насилия, привлекательность героя, совершившего насилие), два механизма ТВ-воздействия (эффект прайминга и «повестка дня»). А также проявления насильственных действий родителей по отношению к ребенку: проявления физического (нанесение физического ущерба) и психологического насилия (оскорбление, унижение, проявление неприязни к ребенку). Было обнаружено, что большое потребление кинофильмов и сериалов со сценами насилия родителями повышает проявление физического и психологического насилия в отношении детей. Например, сцены избивания героев повышают вероятность незаслуженных наказаний, шлепков и порки ремнем. Сцены похищения могут усиливать применение физического (избиения, шлепки, пощечины) и психологического (обвинения в некомпетентности, высмеивание слов и действий ребенка, незаслуженные наказания и обвинения в плохих отношениях с супругом) насилия. Сцены убийства героя уменьшают проявления физического насилия, но повышают проявления психологического насилия (насмешки и незаслуженные наказания). Положительное отношение к телегерою, проявлявшего насилие, повышало проявление физического насилия родителей к детям.

1.3.4. Восприятие сцен насилия в СМИ и личность зрителя

Несмотря на преобладание исследований влияния медианасилия на аудиторию, ряд авторов фокусируют внимание на внутренних переменных, которые связаны с восприятием сцен насилия.

Б. Гунтер (Gunter, 1980) показал, что редкое наблюдение эффекта катарсиса в исследованиях обусловлено когнитивными способностями зрителей: только люди с развитым воображением и фантазией способны высвободить

накопившийся гнев при просмотре сцен насилия, а индивиды, не обладающие ярким воображением, не способны пережить катарсис (цит. по: Брайант, Томпсон, 2004).

Р. Тамборини с коллегами (Tamborini, Stiff, & Heidel, 1990) обнаружили тип зрителей, у которых чаще возникает эффект сенсбилизации в ответ на восприятие сцен насилия в СМИ. Ими оказались люди с высоким уровнем эмпатии и блуждающего воображения, тревожности, склонные к невротической спутанности, гуманистически ориентированные и эмоционально восприимчивые.

Б. Бушман (Bushman, 1995) обнаружил, что агрессивность как черта личности связана с предпочтениями кинофильмов определенного жанра. Зрители с выраженной агрессивностью, в сравнении с низко агрессивными зрителями, склонны выбирать кинофильмы с высоким содержанием насилия. После просмотра кинофильма со сценами насилия они испытывали больше гнева и проявляли агрессию к партнеру при совместном выполнении задания. Б. Бушман и Р. Джин (Bushman, & Geen, 1990) обнаружили, что после просмотра кинофильмов со сценами насилия у зрителей с высоким уровнем агрессивности и враждебности чаще возникали агрессивные мысли и эмоции, чем у зрителей с низким уровнем агрессивности.

Еще одна черта, которая связана с пристрастием к сценам насилия в СМИ, – стремление к новизне и поиск острых ощущений (Zuckerman, 1994). М. Цукерман (Zuckerman, 1996) обнаружил корреляцию поиска ощущений с предпочтением просмотра сцен с насилием по телевизору. В работе С. Бенерджи и коллег (Banerjee et al., 2008) изучались вклады поиска ощущений в привлекательность кинофильмов для зрителей. Привлекательность описывалась в терминах настроения (позитивное/негативное) и возбуждения (высокое/низкое). Было установлено, что зрителей с высокой выраженностью поиска ощущений, в отличие от зрителей с низкой выраженностью поиска ощущений, привлекают возбуждающие кинофильмы. Другое исследование С. Бенерджи и коллег (Banerjee et al., 2009) показало связь агрессивности, поиска ощущений и склонности к рискованному поведению (драки и правонарушения, употребление

алкоголя и наркотиков, рискованная езда) у студентов колледжей с предпочтением телевизионных программ и телесериалов с вербальной агрессией. Взаимосвязи поиска ощущений и привлекательность насилия в СМИ были показаны и в других исследованиях (Greene, & Krumar, 1999, 2000, 2005; Hoffner, & Levine, 2005; Slater, 2003).

Дьюкс Конрад и Стивенс Морроу (Dukes Conrad, & Stevens Morrow, 2000) обратили внимание на категорию зрителей с пограничной организацией психики: импульсивных, гневливых, испытывающих страх социальной изоляции и одиночества, с диссоциативными расстройствами, непостоянных в межличностных отношениях, злоупотребляющих психоактивными веществами. Оказалось, что они были готовы совершить физическое насилие над своим партнером в межличностных отношениях после сообщений по ТВ о родителях, которые бросали своих детей. Б. Бушман и А. Стак (Bushman, & Stack, 1996) установили, что зрители с интернальным локусом контроля и склонные к реактивному сопротивлению проявляют повышенный интерес к кинофильмам со сценами насилия, когда последним предшествовали ограничительные предупреждения.

С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова и Н. В. Чуднова (2014) изучали личностную агрессивность активных пользователей Интернетом в 2005 и 2011 гг. В 2005 г. они обнаружили, что носители так называемой интернет-культуры не склонны проявлять физическую агрессию, не одобряют насилие в частной и общественной жизни. У них наблюдаются циклотимная акцентуация характера и размытая идентичность, которые могут приводить к агрессии и конфликтности. Агрессивное поведение интернет-девиантов, сетевых грубиянов или хакеров обычно направлено на людей, которые, как им кажется, не являются носителями интернет-культуры. То есть, проявляют агрессию к «чужакам» по отношению к их группе. Испытуемые 2011 г. проявили меньшую агрессивность, чем испытуемые 2005 г. Возможно, из-за снижения анонимности. Важно отметить, что испытуемые в 2005 и 2011 гг. были менее агрессивны, чем представители

контрольной группы. Авторы указывают, что Интернет как среда обитания скорее привлекает «ленивых и любопытных», чем агрессивных.

С. В. Фадеева (2010) обнаружила у подростков связь компьютерной зависимости и предпочтением видеоигр с насилием с высокой агрессивностью, ригидностью, тревожностью и фрустрированностью.

Т. В. Яковлева (2010) изучала связь агрессивности и предпочтений художественных кинофильмов у подростков. Испытуемые с высоким уровнем наблюдаемой агрессивности чаще выбирали фильмы жанра «боевик» и «ужасы». У них оказались выражены гипертимный, возбудимый и демонстративный типы акцентуаций, а также положительные корреляции со шкалами физической, косвенной и вербальной агрессии (по Бассу и Дарки). Сцены насилия на экране также привлекали подростков с повышенной экстраверсией и нейротизмом (по Айзенку). Высокая агрессивность коррелировала с низкой эмпатией и безразличием к страданиям жертв насилия на экране.

1.4. Проблемное поле исследования

1.4.1. Постановка проблемы

Анализ научной литературы показывает, что насилие, как и восприятие медианасилия, его общепсихологические и дифференциально-психологические аспекты недостаточно изучены. В этой сфере существуют трудности и противоречия, которые разрешить средствами наличного знания затруднительно. Так возникает общая проблема новых подходов к изучению медианасилия. Перспективным представляется интегративно-системный подход и изучение медианасилия как целостного феномена.

Хотя целостное познание человека является центральным методологическим требованием отечественной психологии (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. А. Барабанщиков, А. В. Брушлинский, Б. А. Вяткин, А. А. Деркач, Л. Я. Дорфман, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, В. А. Петровский, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, Д. В. Ушаков,

М. А. Холодная, В. Д. Шадриков), целостное видение медианасилия сдерживается рядом нерешенных концептуальных, психометрических и эмпирических проблем. Их своевременное изучение позволит существенно уменьшить имеющиеся пробелы в соответствии с современным состоянием психологической науки. Поставленные в диссертации задачи, требуют скорейшего решения с учетом современных запросов воспитания и образовательной практики. Их недостаточная разработанность выдвигает на первый план постановку и решение ряда проблем, возникающих в связи с задачей интеграции восприятия медианасилия в общепсихологическом и дифференциально-психологическом контекстах.

Существует довольно много теорий, которые пытаются объяснить влияния экспозиции насилия в медиа на зрителей. К. Андерсон и др. (Anderson et al., 2003) выделяют, к примеру, теории наблюдаемого научения и подражания, активации и возбуждения, ассоциаций, десенсбилизации (эмоционального привыкания). Б. Бушман (Bushman, 2002) добавляет гипотезу катарсиса в этот перечень. Она содержит идею о том, что переживание и экспрессия эмоций будут уменьшать соответствующие агрессивные мысли, чувства и эмоции. Но ни одна из этих теорий и гипотез не отвечает на фундаментальный вопрос о том, как диспозиции личности (устойчивость, стабильность, кросс-ситуативность) взаимодействуют с восприятием медианасилия (изменчивость, подвижность, ситуативность). Так, устойчивость иллюстрирует агрессивность личности как диспозициональную агрессию (Bing et al., 2007), готовность к агрессии (Реан, 1996), враждебную установку к людям (Берковиц, 2005). Изменчивость иллюстрирует агрессию как психический процесс, психическое состояние (Шестакова, Дорфман, 2009).

До каких пределов возможна интеграция устойчивых особенностей личности с ситуативным восприятием медианасилия – это теоретическая и эмпирическая проблема. До сих пор она недоосмыслена и недостаточно изучена. Вместо интегративного тренда, который прочно не установился, преобладает тренд исследований роли отдельных черт личности и Я-концепции, а не их совместные вклады в восприятие медианасилия. Поэтому в качестве **ведущего**

выступает **противоречие** между исследованиями влияний отдельных черт личности и Я-концепции зрителей на восприятие медианасилия и недостаточностью таких исследований в интегративном ключе.

Возникающие на основе ведущего противоречия научно-исследовательские проблемы можно обобщить следующим образом.

1. Проблема интеграции. В каких пределах интеграция восприятия медианасилия, черт личности и Я-концепции зрителей может быть глобальной, локальной или имеет место их дезинтеграция?

2. Проблема кросс-теоретичности. Черты личности зрителей и их Я-концепция сопрягаются или расходятся, влияя на восприятие медианасилия?

3. Проблема изменчивости восприятия. Восприятие медианасилия в сравнении с восприятием медиа без сцен насилия изменяются?

4. Проблема эмпирического тестирования. Отсутствуют единые данные о том, как черты личности и Я-концепция, соотнесенные с разными теориями активации, влияют на восприятие медианасилия.

Анализ литературы и ее осмысление обусловили выбор темы исследования: «Влияние черт личности и Я-концепции зрителей на психосемантические ассоциации художественных кинофильмов со сценами насилия».

1.4.2. Цель, объект и предмет, задачи исследования

Целью работы является исследование влияния черт личности и Я-концепции зрителей на их психосемантические ассоциации при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

Объектом исследования являются восприятие насилия и личность зрителей.

Предметом исследования является восприятие зрителями художественного кинофильма со сценами насилия в рамках активационных теорий личности и Я-концепции, теории семантического дифференциала.

В соответствии с проблемами, обозначенными выше, были поставлены три эмпирические задачи исследования.

Первая задача заключалась в том, чтобы установить, изменяются ли психосемантические ассоциации зрителей и какова их структура при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия в сравнении с восприятием кинофильма без сцен насилия.

Вторая задача заключалась в том, чтобы установить состав черт личности и субмодальностей Я-концепции зрителей, способствующих изменениям психосемантических ассоциаций при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

Третья задача заключалась в том, чтобы оценить, в какой степени черты личности и Я-концепция зрителей могут интегрироваться с психосемантическими ассоциациями при восприятии художественного кинофильма со сценами насилия.

1.4.3. Методологическая основа, теоретические и концептуально-эмпирические предпосылки

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные научные направления, открывающие пути исследования психосемантических ассоциаций при восприятии сцен насилия в кинофильмах:

– целостный подход, разные варианты которого представлены в работах К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, В. А. Барабанщикова, Б. А. Вяткина, А. А. Деркача, Л. Я. Дорфмана, Б. Ф. Ломова, В. С. Мерлина, В. А. Петровского, Я. А. Пономарева, С. Л. Рубинштейна, Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочка, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной, В. Д. Шадрикова;

– системный подход, открывающий многоаспектное видение явления и позволяющий рассматривать его в нескольких системах координат, показывая многомерность (В. А. Барабанщиков, Л. Я. Дорфман, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, Я. А. Пономарев, Е. С. Самойленко). Системное знание о явлении интегрируется кросстеоретически – при нахождении у нескольких теорий общего основания и в согласии с принципом дополнительности (А. В. Юревич);

– субъектно-деятельностный подход, утверждающий человека активным субъектом многообразных форм активности и деятельности и показывающий

способность человека к самодетерминации, самоопределению, саморазвитию (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, И. А. Джидарьян, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко);

– концепции насилия (С. Н. Ениколопов), деструктивности (Л. Я. Дорфман и К. В. Злоказов, Э. Э. Сыманюк), конфликтности личности (Е. П. Ильин, Н. И. Леонов);

– концепция метаиндивидуального мира и полимодальный подход к Я-концепции (Л. Я. Дорфман).

Теоретические предпосылки интеграции

Ближайшей общетеоретической предпосылкой интеграции является теория интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986; Вяткин, Дорфман, 2016). Кроме того, по меньшей мере, три теоретические предпосылки интеграции можно прямо распространить на сферу медианасилия.

Во-первых, это теория когнитивно-аффективной системы личности, которую разработали У. Мичел и Ю. Шода (Mischel, & Shoda, 1999). Она предсказывает и показывает, как устойчивая личностная система приводит к изменениям поведения в зависимости от ситуации. Вместо того чтобы разделять диспозиции и процессы, структуру и динамику, теория Мичела и Шоды трактует их совместно. Так возникает объединяющее устойчивость и изменчивость понятие «процессных диспозиций». Так проблема интеграции решается по линии устойчивость (личность) – ситуативность (восприятие).

Во-вторых, интеграция может проходить путем объединения ряда частных теорий в одну общую теорию. К. Андерсон и его коллеги (Anderson, 1997; DeWall, Anderson, & Bushman, 2011) предложили общую модель агрессии применительно к насилию. Агрессия определяется как поведение, направленное на причинение вреда другому человеку, который не желает быть подвергнутым ущербу. Насилие определяется как любой агрессивный акт, целью которого является причинение экстремального физического вреда, такого как травма или смерть. Психологи предложили довольно большое количество мини-теорий, способствующих пониманию того, почему люди ведут себя агрессивно и готовы применять

насилие. К ним относят теорию фрустрации–агрессии (Dollard et al, 1939), социоэкологические модели (Heise, 1998), неоассоцианистскую когнитивную теорию (Berkowitz, 1989), теорию социального научения (Bandura, 1973; Mischel & Shoda, 1995), теорию сценариев (Huesmann, 1986), теорию трансфера возбуждения (Zillmann, 1983), теорию социальных взаимодействий (Tedeschi, & Felson, 1994). Каждая из этих теорий предлагает важные инсайты для понимания причин, толкающих человека на агрессию и насилие. Но эти мини-теории являются односторонними и не обеспечивают общий взгляд на агрессию и насилие. Интеграцию этих мини-теорий и предлагает общая модель агрессии и насилия ДеУолла, Андерсона и Бушмана (DeWall, Anderson, & Bushman, 2011).

В-третьих, интеграции могут быть не тотальными (универсальными), а локальными. П. Маркей и Ш. Маркей (Markey & Markey, 2010) предприняли попытку интегрировать прежде разрозненные данные о психотизме и агрессивности как модераторах негативных влияний видеоигр, содержащих сцены насилия. Такая интеграция была предпринята в рамках модели личности «Большая пятерка». Был показан кумулятивный эффект, создаваемый не одной, а тремя чертами личности: нейротизмом, доброжелательностью, добросовестностью. Чтобы исполнять роль модераторов, их комбинации имели определенный характер, т.е. при условии высокой выраженности нейротизма, низкой выраженности доброжелательности, низкой выраженности добросовестности.

Еще один, четвертый вариант решения вопроса об интеграциях Я-концепции и черт личности с психосемантическими ассоциациями зрителей кинофильмов, содержащих сцены насилия, предложен в наших работах (Зубакин, Дорфман, 2014а, б). Были выделены три уровня интеграции по кросстеоретическому критерию, на который обратил внимание А. В. Юревич (2005). Первый уровень интеграции – начальный. К нему были отнесены переменные в границах отдельных концепций: личности (по Gough and Heilbrun, 1983), агрессивности и враждебности (по Buss and Durkee, 1957), самоактуализации (по Shostrom, 1963), поиска ощущений (по Zuckerman, 2007).

Второй уровень интеграции – средний. К нему были отнесены статистически пригодные переменные-медиаторы личности из двух концепций начального уровня интеграции. Третий уровень интеграции – высокий. К нему были отнесены пригодные переменные-медиаторы личности из трех концепций начального уровня интеграции. Пригодными оказались модели с начальным и средним уровнями интеграции. Модели с высокими уровнями интеграции статистически были непригодными.

Концептуально-эмпирические предпосылки нашего исследования устанавливались в области психосемантических ассоциаций Ч. Осгуда (Osgood, 1980), в активационных теориях черт личности Г. Айзенка (1999), М. Цукермана (Zuckerman, 2007), Д. Зилмана (Zillmann, 2006), субмодальностей полимодального Я. Л. Я. Дорфмана (2004).

Психосемантические ассоциации у зрителей медианасилия

Анализ баз данных Яндекс, Гугл, Sage и Американской психологической ассоциации свидетельствует о том, что в ряде работ психосемантические ассоциации, вызванные восприятием медианасилия, изучаются с помощью семантического дифференциала. Вместе с тем нередко эти работы выходят далеко за рамки теории Осгуда (Osgood, 1980). Во-первых, наблюдается смешение коннотативных (аффективных) значений с денотативными значениями. Во-вторых, для измерений берутся скорее отдельные характеристики семантического дифференциала, чем их группировка по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» (Miron, 1969). В-третьих, особенности психосемантических ассоциаций медианасилия зачастую изучаются без контроля, т.е. игнорируя особенности психосемантических ассоциаций медиа без насилия (см., напр., Comstock et al., 1972; Kim, & Lee, 2008; Nunes et al., 2014).

В связи с этим в качестве предпосылок нашего исследования использовались три ключевые положения теории аффективного значения Ч. Осгуда (Osgood, 1980) как таковой. Принимались во внимание не отдельные характеристики семантического дифференциала, а их измерения по факторам «Оценки», «Силы», «Активности». Как уже отмечалось в § 1.1.3., первое

положение утверждает универсальность структуры Е (Оценка)—Р (Сила)—А (Активность). Второе положение вводит некоторые ограничения на общую структуру аффективного значения и его инвариантность: она не случается при предъявлении любых объектов. Это значит, что инвариантность структуры Е (Оценка)—Р (Сила)—А (Активность) можно рассматривать как предпосылку исследования психосемантических ассоциаций медианасилия. Но вопрос инвариантности или изменчивости структуры Е (Оценка)—Р (Сила)—А (Активность) применительно к психосемантическим ассоциациям именно медианасилия остается открытым. Третье положение касается степени выраженности шкал Е (Оценка), Р (Сила) и А (Активность), их изменчивости или стабильности. Это положение можно рассматривать как еще одну предпосылку исследования психосемантических ассоциаций медианасилия. Но вопрос о степени выраженности психосемантических ассоциаций именно медианасилия по этим шкалам опять-таки остается открытым.

Активация зрителей медианасилия

Экспозиция насилия в кинофильмах сопрягается с ростом активации у большинства молодых зрителей. У них изменяется частота пульса, кожное сопротивление и другие физиологические индикаторы активации. Обычно активацию изучают в контексте порождения агрессии у зрителей. Anderson et al. (2003) указывают на соответствующие двоякого рода свидетельства. Во-первых, активация придает энергию агрессии и усиливает ее (Geen, & O'Neal, 1969). Во-вторых, если зрители ложно усматривают причину своей активации в чьей-либо провокации, их склонность вести себя агрессивно также усиливается. Anderson et al. (2003) отмечают, что исследователей не очень привлекает изучение особенностей активации зрителей в ответ на экспозицию насилия в медиа. Вместе с тем частые эпизоды с насилием представляют собой фрустрирующие или провоцирующие факторы риска усиления склонности к агрессии у зрителей, захватывая их образ Я. Так, установлено, что у игроков видеоигр со сценами насилия возрастают автоматические ассоциации их Я с агрессивными взглядами на себя и агрессивными действиями (Uhlmann & Swanson, 2004).

Экстраверсия, нейротизм, психотизм зрителей медианасилия

Конструкты экстраверсии и нейротизма представляют собой измерения в структурной теории личности Г. Айзенка (1999; Eysenck, 1990), а также входят в состав модели личности «Большая пятерка» (McCrae, & John, 1992). Экстраверты социабельны, активные, сердечные, общительные, напористые, склонные к переживанию позитивных эмоций, находятся в поиске внешней дополнительной стимуляции из социальных источников (Айзенк, 1999; Eysenck, 1990; Costa, & McCrae, 1987; Costa, Zonderman, & McCrae, 1991). Люди с высоким уровнем нейротизма характеризуются тревожностью, напряжением, страхом личностных взаимодействий, эмоциональной нестабильностью (депрессией, сменой настроения, импульсивностью), ранимостью, пониженным самоуважением, враждебностью (Айзенк, 1999; Eysenck, 1990; Costa, & McCrae, 1987; Costa, Zonderman, & McCrae, 1991).

Несколько упрощая, мы не будем проводить различия между экстраверсией в структурной теории личности Айзенка и экстраверсией в модели личности «Большая пятерка». Будем рассматривать экстраверсию в обеих теориях как сходные конструкты. Также мы оставим в стороне различия между нейротизмом в одной и другой теории. Опять-таки будем рассматривать нейротизм в обеих теориях как сходные конструкты. Однако мы сосредоточимся на отношениях экстраверсии и нейротизма с медианасилием.

Данные об отношениях экстраверсии с медианасилием несколько противоречивы. Одни авторы руководствуются теорией удовольствия (Kremer, & Kean, 2005) и поиском внешних впечатлений, присущим экстраверсии (Айзенк, 1999). С этих позиций изучаются отношения экстраверсии с медианасилием. Действительно, эмпирические данные свидетельствуют о том, что экстраверсия позитивно связана с частотой просмотров фильмов со сценами жестокости (Aluja-Fabregat, & Torrubia-Beltri, 1998; Hall, 2005; Kremer, & Kean, 2005). Они нравятся экстравертам, и экстраверты испытывают удовольствие от их просмотра (Chory, & Goodboy, 2010; Nabi, & Riddle, 2008). Сходные результаты были получены применительно к игрокам в жестокие видеоигры (Chory, & Goodboy, 2010;

Lachlan, & Maloney, 2008). Другие авторы, наоборот, не обнаруживали значимых ассоциаций экстраверсии с предпочтениями участия в жестоких видеоиграх (Anderson et al., 2004; Bartholow, Sestir, & Davis, 2005).

Подобно экстраверсии, связи нейротизма зрителей с медианасилием также являются противоречивыми. Но значительная группа исследователей приводят данные о том, что с медианасилием сопрягается низкий уровень нейротизма, т.е. эмоционально стабильные зрители предпочитают медиа со сценами насилия. Так, К. Андерсон и др. (Anderson et al., 2004) наблюдали отрицательную связь между нейротизмом и содержанием насилия в видеоиграх. Сходные результаты получили П. Хатчингс (Hutchings, 2004), Б. Гунтер (Gunter, 1985), С. Ли и Дж. Гиббонс (Lee, & Gibbons, 2010). Полагается, что в силу эмоциональной чувствительности игроки с высоким уровнем нейротизма избегают сцен насилия как слишком сильные стимулы и потому некомфортные. Игроки с низким уровнем нейротизма (эмоционально стабильные), наоборот, воспринимают сцены насилия как привлекательные и комфортные (Gunter, 1985). С другой стороны, люди с высоким уровнем нейротизма могут смотреть сцены медианасилия часто. Но это не значит, что они испытывают от них удовольствие. Причиной могут быть не гедонистические побуждения, а выбор медианасилия ради подтверждения собственных страхов об угрожающем мире (Kremer, & Kean, 2005). Согласно некоторым данным, нейротизм (в сравнении с другими чертами личности) является наиболее сильным предиктором частоты вовлечения игроков в жестокие видеоигры (Chory, & Goodboy, 2010).

Однако в литературе приводятся и противоположные результаты. М. Кремар и Л. Кин (Kremer, & Kean, 2005) свидетельствуют о позитивных связях нейротизма с просмотром сцен насилия в медиа, включая реальные преступления и полицейские драмы. Правда, не обнаруживались положительные корреляции нейротизма с симпатией к жестокому содержанию фильмов. П. Маркей и Ш. Маркей (Markey, & Markey, 2010) показали, что высокая выраженность нейротизма способствует психотизму и агрессивности выполнять роль

модераторов, обеспечивающих негативные влияния видеоигр со сценами насилия на игроков.

Людей с выраженным психотизмом характеризуют как равнодушных, несимпатичных, недружественных, не заслуживающих доверия, странных, не эмоциональных, бесполезных, антисоциальных (Eysenck, & Eysenck, 1994). П. Маркей и К. Шерер (Markey, & Sherer, 2009) обнаружили, что после видеоигр со сценами насилия у игроков с высоким уровнем психотизма возрастают враждебность и агрессивные мысли. Д. Зилманн и Дж. Уивер (Zillmann, & Weaver, 1996) показали, что после просмотра фильмов со сценами насилия зрители-мужчины с высоким уровнем психотизма были склонны использовать насилие для разрешения межличностных конфликтов.

Зрители с высоким уровнем психотизма часто не расстраиваются сценами видеонасилия. Напротив, они предпочитают фильмы со сценами насилия, в отличие от зрителей с низким уровнем психотизма (Bruggemann, & Barry, 2002). Б. Уивер, Х. Брозиус и Н. Мандорф (Weaver, Brosius, & Mundorf, 1992) установили, что зрители с высоким уровнем психотизма предпочитали фильмы с «девиантным» содержанием, например, фильмы ужасов. К тому же зрители с высоким уровнем психотизма воспринимают насилие на ТВ как менее жестокое и пугающее, чем зрители с низким уровнем психотизма (Gunter, 1983). Имеются данные о том, что выраженный психотизм сопрягается с агрессивностью и гневливостью (McCroskey, Heisel, & Richmond, 2001).

Поиск ощущений зрителей видеонасилия

Одна из скрытых целей человеческого поведения направлена на получение «сенсорного удовольствия» (Kagan, 1996). Жестокость приносит удовольствие и возбуждает, потому что в обыденной жизни она встречается относительно нечасто и в этом смысле характеризуется новизной (Sparks, & Sparks, 2002). Понятие «привлекательной новизны» поддержал Carroll (1990), который обнаружил, что фильмы ужасов могут быть привлекательны, поскольку их новизна управляет вниманием и вызывает любопытство. Поиск ощущений представляет собой конструкт, который описывает и измеряет потребность

человека в вариативных, новых ощущениях и переживаниях, его желание ощущать физические и социальные риски ради таких переживаний (Zuckerman, 1979). Отсюда поиск стимуляции является частью предпочтений зрителей, когда они обращаются к медиа определенного жанра. М. Цукерман (Zuckerman, 1996) показал, что искатели ощущений предпочитают скорее переживать страх и шок, чем скучать.

Установлено, что поиск ощущений зрителей положительно коррелирует с предпочтениями фильмов ужасов и фильмов со сценами насилия (Hirschman, 1987, Hoffner, & Levine, 2005; Sparks, & Sparks, 2000). Зрители с высоким уровнем поиска ощущений предпочитают сцены насилия в медиа, фильмы провоцирующие страх (Zuckerman, & Little, 1985). Р. Тамборини и Дж. Стифф (Tamborini & Stiff, 1987) обнаружили, что у зрителей, предпочитавших фильмы ужасов, был не только повышенный уровень поиска ощущений, а также склонность к деструкции. А. Конноли (Connolly 2008) объяснил этот эффект склонностью зрителей к переживанию необычного опыта. Согласно Цукерману (Zuckerman, 1983), фильмы ужасов обеспечивают зрителей с выраженным поиском ощущений возбуждением и стимуляцией, которые необходимы для достижения оптимума активации. Интенсивная внешняя стимуляция способствует компенсации у них пониженного базового уровня кортикальной активации.

Агрессивность зрителей видеонасилия

В § 1.4.1. «Постановка проблемы» уже отмечалось, что следует различать агрессивность как устойчивую черту личности и агрессивность как ситуативную характеристику (Шестакова, Дорфман, 2009). В течение многих лет в исследованиях медианасилия преобладало внимание к ситуативным характеристикам агрессии. Хотя существует множество теорий агрессии (Bandura, 1973; Berkowitz, 1974; Zillmann, 1979) и большое множество эмпирических данных (Anderson et al, 2003), вопрос о том, как агрессивность (черта личности) встраивается в них на материале видеонасилия оставался недоосмысленным теоретически и недостаточно изученным эмпирически. В последние годы ситуация изменилась. Новые повороты в исследованиях появились, в частности,

благодаря развитию теоретических представлений о совместных вкладах агрессивности как черты личности зрителей и медианасилия во внутренние состояния и поведение.

Общая модель агрессии, которую предложил К. Андерсон (Anderson, 1997; Anderson, & Dill, 2000; Anderson et al., 2003), объединила ряд прежних теоретических инсайтов, особенно теорию социального научения А. Бандуры (Bandura, 1971, 1973), когнитивную неоассоцианистскую модель Л. Берковица (Berkowitz, 1993), модель социальной обработки информации К. Доджа (Crick, & Dodge, 1994), модель аффективной агрессии Р. Джина (Geen, 1990), социально-когнитивную модель эффектов медианасилия Л. Хуисмана (Huesmann, 1986) и модель трансфера возбуждения и активации Д. Зилмана (Zillmann, 1983).

Общая модель агрессии описывает процесс того как персонологические (например, агрессивность личности) и ситуационные (например, участие в видеоиграх с содержанием насилия) переменные изменяют внутренние состояния, автоматические и контролируемые оценки, поведение зрителей и/или игроков. Так, К. Андерсон и Б. Бушман (Anderson, & Bushman, 2001) предприняли мета-анализ 54 независимых исследований об отношениях видеоигр, содержащих насилие, и агрессии игроков, к которым привлекались 4262 участников. Были получены следующие согласованные результаты: агрессивное поведение возрастает, агрессивных мыслей становится больше, агрессивные эмоции (гнев, враждебность) растут, активация повышается, просоциальное поведение тормозится. Сходные результаты получили другие авторы (Anderson, 1997; Crick, & Dodge, 1994; Dill et al., 1997).

К. Андерсон и К. Дилл (Anderson, & Dill, 2000) установили, что у игроков видеоигр с содержанием насилия агрессия возрастала у тех, кто обладал высоким уровнем агрессивности личности (в сравнении с игроками с низким уровнем агрессивности). Статистически, агрессивность и видеоигры с содержанием насилия взаимодействовали. Это может означать, что имеют место двухсторонние эффекты. С одной стороны, участие в жестоких видеоиграх может приводить к росту агрессивности личности игроков. С другой стороны, рост агрессивности

может усиливать желание участвовать даже в более жестоких, чем прежде, видеоиграх. Так возникает своеобразный каузальный круг в отношениях между агрессивностью игроков и жестокими видеоиграми.

Б. Бушман (Bushman, 1995) изучал агрессивность как черту личности в качестве модератора влияний медианасилия на агрессию зрителей. Он установил в 3-х сериях исследований, что в ответ на медианасилие агрессивные мысли, мотивы, эмоции, готовность к агрессивным действиям возникают в большей степени у зрителей с высоким уровнем агрессивности, чем у зрителей с низким уровнем агрессивности. Б. Бушман (Bushman, 1995; Bushman & Geen, 1990) объясняет полученные результаты, предлагая расширить когнитивно-неоассоцианистскую теорию агрессии Л. Берковица (Berkowitz, 1984) и встроить в нее агрессивность как черту личности. Полагается, что зрители с высоким уровнем агрессивности (в сравнении со зрителями с низким уровнем агрессивности) проявляют высокую чувствительность к сценам насилия в медиа благодаря тому, что у них сеть агрессивных ассоциаций является широкой и активизируется сценами насилия.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что подобно агрессивности, враждебность как черта личности (другая разновидность агрессивности) также может служить модератором во влияниях жестоких видеоигр на их участников (Lynch, 1994, 1999; Anderson, & Dill, 2000). П. Линч (Lynch, 1994, 1999) установил, в частности, что участие в жестоких видеоиграх повышает агрессию в большей степени у игроков с высоким уровнем враждебности, чем у игроков с низким уровнем враждебности. Д. Джентайли с сотр. (Gentile et al., 2004) показали, что у подростков, которые предпочитали жестокие видеоигры, был повышенный уровень враждебности. Они были склонны к физическому противоборству и хуже учились в школе, чем те подростки, которые имели низкий уровень враждебности. Кроме того, враждебность играла роль медиатора между жестокими видеоиграми и поведением.

З. Кайян, Д. Жанг и Л. Уонг (Qian, Zhang, & Wang, 2013) изучали имплицитные эффекты фильмов, содержащих сцены насилия (используя тест

Струпа), на состояние агрессии с учетом уровня агрессивности личности зрителей. Результаты показали отсутствие главного эффекта типа кинофильма (содержит сцены насилия – не содержит сцены насилия) на состояние агрессии зрителей. Вместе с тем обнаруживались их значимые взаимодействия у зрителей с высоким уровнем агрессивности. Авторы объясняют полученные результаты тем, что у зрителей с высоким уровнем агрессивности более широкая сеть ассоциаций с агрессивными ассоциациями, чем у зрителей со средним и низким уровнями агрессивности. Эта интерпретация вписывается в когнитивную неоассоцианистскую модель видеонасилия Л. Берковица (Berkowitz, 1993).

Я-концепция зрителей видеонасилия

Некоторые сведения получены об отношениях медианасилия с Я-концепцией зрителей и участников видеоигр. Е. Ухлманн и Дж. Свенсон (Uhlmann, & Swanson, 2004) установили, что видеоигры со сценами насилия образуют автоматические ассоциации с Я-концепцией игроков. В их Я-концепции появлялись признаки готовности к агрессии и агрессивным действиям по показателям ИмPLICITНОГО ассоциативного теста (Greenwald, & Banaji, 1995; см.: Дорфман, Злоказов, 2016а,б). Вместе с тем вербальные ассоциации с Я-концепцией игроков не возникали. То есть, связи насилия в видеоиграх с Я-концепцией игроков обнаруживались на автоматическом уровне и касались автоматической Я-концепции. Это значит также, что автоматические ассоциации (спонтанные, непреднамеренные) являются одним из механизмов, объясняющих связь насилия в видеоиграх с Я-концепцией игроков. Автоматическая Я-концепция становится частью более широкой сети ассоциаций, включающих автоматические связи черт агрессивности и агрессивных действий в личности. Полученные результаты вписываются в общие представления об имPLICITНЫХ ассоциациях насилия в видеоиграх с агрессивностью личности и ее агрессивным поведением (Bargh, & Chartrand, 1999; Greenwald, & Banaji, 1995; Todorov, & Bargh, 2002).

В другой работе (Armitage, & Rowe, 2017) был поставлен вопрос о том, влияет ли самоутверждение на снижение агрессии к людям. Авторы исходили из

теории самоутверждения (Steele, 1988). Она раскрывает один из путей понимания ответов людей на угрожающую информацию. Люди мотивированы сохранять позитивный образ Я и поддерживать его самоинтегрированность. Поэтому человек избавляется от угрозы своей Я-концепции, если эта угроза подрывает ее значимость. Он подтверждает свою значимость в тех областях, которые не угрожают его самооценке. К. Армитаж и Р. Роу (Armitage, & Rowe, 2017) применили эти представления о самоутверждении к вопросу редукции межличностной агрессии. Они исходили из того, что нередко межличностная агрессия используется для поддержания чувства Я, значит, самоутверждение может поддерживать чувство Я путем редукции межличностной агрессии. Полученные эмпирические данные были в согласии с этим предположением.

В наших работах (Зубакин, Дорфман, 2014а, б) изучались вклады полимодального Я в восприятие медианасилия, а также совместные вклады полимодального Я и черт личности (поиск ощущений, агрессивность, враждебность, отзывчивость, беспомощность и «адаптированный ребенок», стремление к самоактуализации) зрителей в психосемантические ассоциации художественных кинофильмов со сценами насилия. Изучались прямые связи между субмодальностями Я и психосемантическими ассоциациями, а также структурные модели (с помощью линейных структурных уравнений), в которых тестировались черты личности в качестве медиаторов между субмодальностями Я и психосемантическими ассоциациями. Было установлено, что значимые прямые связи между субмодальностями Я и психосемантическими ассоциациями кинофильма со сценами насилия не возникали. Вместе с тем пригодными были модели, в которых полимодальное Я и психосемантические ассоциации кинофильмов со сценами насилия опосредовались поиском ощущений, чертами личности по Х. Гоугу (Gough, & Neilbrun, 1983) и самоактуализацией. Были установлены статистически значимые пути от субмодальности Воплощенного Я через самоактуализацию и поиск ощущений к психосемантическим ассоциациям кинофильмов со сценами насилия. Еще один путь проходил от Вторящего Я к самоактуализации и от нее к психосемантическим ассоциациям.

1.4.4. Исследовательские гипотезы

Методологическая основа, теоретические и концептуально-эмпирические предпосылки, изложенные выше на материале анализа научной литературы, позволили решать поставленные задачи в рамках следующей общей гипотезы. Она заключалась в том, что на психосемантические ассоциации, возникающие в ответ на экспозицию сцен насилия в художественном кинофильме, влияют черты личности и Я-концепция зрителей. С этих позиций были сформулированы несколько групп конкретных исследовательских гипотез. Первая группа гипотез касалась изменений психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма без сцен насилия. Она была направлена на решение первой задачи исследования. Вторая группа гипотез касалась состава черт личности и субмодальностей Я-концепции зрителей, способствующих изменениям психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. Она была направлена на решение второй задачи исследования. Третья группа гипотез касалась пределов интеграции черт личности и Я-концепции зрителей с психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма со сценами насилия. Она была направлена на решение третьей задачи исследования.

Первая группа гипотез включала 2 гипотезы. В терминах семантического дифференциала по Ч. Осгуду (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957) предполагались, во-первых, изменения психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильмов без сцен насилия. Компонент «Оценка» принимает более негативные значения. Компоненты «Сила» и «Активность» принимают более высокие значения. Во-вторых, факторная структура изменений психосемантических ассоциаций складывается из 3-х ортогональных факторов: «Оценки», «Силы» и «Активности».

Вторая группа гипотез тоже включала 2 гипотезы. Во-первых, на основе анализа литературы предполагалось, что в состав черт личности и Я-концепции

зрителей кинофильмов со сценами насилия входят экстраверсия, нейротизм, психотизм (Айзенк, 1999), поиск ощущений (Zuckerman, 2007), агрессивность и враждебность (Buss, & Perry, 1992), субмодальности полимодального Я (Дорфман, 2004). Во-вторых, предполагалось, что эти черты личности и Я-концепция влияют на изменение психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия.

Третья группа включала 3 гипотезы. Во-первых, предполагалось, что указанные выше черты личности и Я-концепция зрителей отдельно влияют на изменения их психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. Во-вторых, предполагалось, что указанные выше черты личности и Я-концепция зрителей совместно влияют на изменения их психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. В-третьих, предполагалось, что возникает не одна универсальная интеграция указанных выше черт личности и Я-концепции зрителей с их психосемантическими ассоциациями при восприятии кинофильма со сценами насилия, а несколько локальных интеграций.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Этапы исследования и характеристика выборки

Исследование состояло из четырех этапов. Первый этап (2005 – 2007) – теоретико-моделирующий. Проведен анализ теоретико-методологических основ психосемантики, теорий черт личности и Я-концепции. Изучен теоретический и эмпирический материал по проблеме насилия в СМИ. Определены теоретико-методологические основы исследования, сформулированы цель, гипотезы и задачи работы. Второй этап (2007 – 2009) – пилотного эмпирического исследования. Апробирован исследовательский инструментарий, уточнена и упрощена экспериментальная процедура оценки кинофильмов, сокращено количество изучаемых переменных. Третий этап (2010 – 2015) – эмпирический. Проведено исследование психосемантических ассоциаций кинофильмов со сценами насилия и без них в связи с чертами личности и Я-концепцией. Опубликованы результаты исследования в рецензируемых ВАКом журналах. Четвертый этап (2015 – 2018) – завершающий. Проанализированы и обобщены полученные результаты, сформулированы выводы.

В исследовании приняли участие 199 студентов факультетов физики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (159 человек) и документально-информационных коммуникаций Пермского государственного института культуры (40 человек), всего 100 юношей и 99 девушек в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 19.52$, $SD = 1.13$).

2.2. Методики

2.2.1. Вопросник семантического дифференциала

Для изучения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия использовался метод вербального семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, 1952; Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957) в адаптации А. М. Эткинда (1979). Семантический дифференциал направлен на

измерение коннотативных (аффективных) значений стимулов. Он состоит из 25 биполярных градуированных (семибалльных) пунктов, каждый из которых образован парой прилагательных-антонимов. При помощи этих пар респондентам предлагается оценить художественные кинофильмы. Традиционно пункты семантического дифференциала (СД) агрегируют в шкалы Оценки, Активности и Силы. Оценка включает 15 пунктов, например, «радостный–печальный», «плохой–хороший». Активность включает 5 пунктов, например, «активный–пассивный», «хаотичный–упорядоченный». Сила включает 5 пунктов, например, «легкий–тяжелый», «слабый–сильный». Теоретически, разброс индивидуальных значений показателей по пунктам и шкалам находится в диапазоне от 1 до 7 баллов. Чем выше значение по шкале Оценка, тем более положительное отношение к стимулу, и чем ниже значение по шкале Оценка, тем более негативное отношение к стимулу. Чем выше значение по шкале Активность, тем стимул воспринимается как более активный, и чем ниже значение по шкале Активность, тем стимул воспринимается как более пассивный. Чем выше значение по шкале Сила, тем стимул воспринимается как более сильный, и чем ниже значение по шкале Сила, тем стимул воспринимается как более слабый.

Методика вербального СД прошла процедуру верификации, результаты которой свидетельствуют в пользу ее валидности и надежности (Артемьева, 1999; Эткинд, 1979; Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). Тем не менее, применительно к нашей выборке обнаружилось ненадежные пункты. Они исключались из состава СД. Для этого проводился 1-факторный эксплораторный анализ пунктов по каждой шкале. Ненадежными считались пункты с низкими факторными весами, далее они опускались из состава СД. В конечном итоге, психосемантические ассоциации по шкале Оценки включали 10 пунктов, по шкале Силы – 4 пункта, по шкале Активности – 3 пункта. При восприятии кинофильма без сцен насилия надежность шкал СД имела следующие значения альфа Кронбаха: Оценка – .86, Активность – .71, Сила – .76. При восприятии кинофильма со сценами насилия надежность шкал СД имела следующие значения альфа Кронбаха: Оценка – .79, Активность – .68, Сила – .78.

2.2.2. Вопросник личности Г. Айзенка и С. Айзенк (EPQ-R)

Использовался вопросник личности Г. Айзенка и С. Айзенк (Eysenck, & Eysenck, 1994; адаптация Дорфмана, Денисовой, 1999). Участники исследования выражали согласие или несогласие («да» или «нет») с приведенными в вопроснике утверждениями. Использовались три шкалы: экстраверсия, нейротизм, психотизм. Русскоязычная версия вопросника содержит 67 пунктов. Шкала экстраверсии включает 16 пунктов, например: «Вы очень разговорчивый человек?», «Вы любите знакомиться с новыми людьми?». Шкала нейротизма включает 19 пунктов, например: «Вы раздражительный человек?», «Ваши чувства легко задеть?». Шкала психотизма включает 15 пунктов, например: «Хорошие манеры важны?», «Стали бы вы принимать лекарства, которые могут иметь странный или опасный эффект?».

Теоретически, разброс индивидуальных значений показателей по шкале экстраверсии находится в диапазоне от 0 до 16 баллов. Чем выше значение балла, тем более выражена экстраверсия; чем ниже значение балла, тем более выражена интроверсия. Разброс индивидуальных значений показателей по шкале нейротизма находится в диапазоне от 0 до 19 баллов. Чем выше значение балла, тем больше выражен нейротизм. Чем ниже значение балла, тем более выражена эмоциональная стабильность. Разброс индивидуальных значений показателей по шкале психотизма находится в диапазоне от 0 до 15 баллов. Чем выше значение балла, тем более выражен психотизм. Чем ниже значения балла, тем выше импульсивный контроль.

На исследованной выборке надежность шкалы экстраверсии имела значение альфа Кронбаха .83, шкалы нейротизма – .86, шкалы психотизма – .50. Ряд пунктов вопросника по шкале психотизма был опущен по причине низких значений надежности. В окончательном варианте шкала психотизма имела значение альфа Кронбаха .60 и включала 12 пунктов.

2.2.3. Вопросник поиска ощущений М. Цукермана

Поиск ощущений оценивался вопросником поиска ощущений М. Цукермана (Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978; перевод и адаптация Дорфмана, Зубакина, 2007). Участники исследования выражали согласие или несогласие («да» или «нет») с приведенными в вопроснике утверждениями. В оригинальной версии вопросник содержит 40 пунктов, по 10 пунктов на 4 шкалы: 1) поиск впечатлений и приключений, 2) поиск переживаний и нового опыта, 3) растормаживание, 4) подверженность скуке. Теоретически, разброс индивидуальных значений показателей по каждой шкале находится в диапазоне от 0 до 10 баллов. Чем выше значение балла, тем более выражен поиск ощущений.

Примеры пунктов из шкалы поиска впечатлений и приключений: «Я люблю нырять с вышки для прыжков в воду», «Я хотел бы научиться управлять самолетом». Примеры пунктов из шкалы переживаний и нового опыта: «Мне нравятся некоторые простые телесные запахи», «Я люблю пробовать новую пищу, которую не пробовал раньше». Примеры пунктов из шкалы растормаживания: «Часто я перебираю лишку, выпивая крепкие напитки», «Обычно я получаю удовольствие, когда смотрю сексуальные сцены в кинофильмах». Примеры пунктов из шкалы подверженности скуке: «Я теряю терпение с унылыми или скучными людьми», «Я не могу смотреть фильм, который уже видел раньше».

На исследованной выборке надежность шкал вопросника была следующей. Шкала поиска впечатлений и приключений имела значение альфа Кронбаха .74, шкала поиска переживаний и нового опыта – .61, шкала растормаживания – .65, подверженность скуке – .35. Шкала подверженности скуке имела слишком низкую надежность и поэтому была исключена из дальнейшего анализа данных. Агрегированная шкала поиска ощущений без шкалы подверженности скуке имела значение альфа Кронбаха .78.

2.2.4. Вопросник агрессии А. Басса и А. Дарки

Для измерения агрессивности и враждебности личности использовался вопросник А. Басса и А. Дарки (Buss, & Durkee, 1957), в переводе и адаптации А. Карелина (1997). Вопросник состоит из 75 пунктов, распределенных по шкалам физической агрессии и подозрительности (по 10 пунктов), косвенной агрессии и чувства вины (по 9 пунктов), вербальной агрессии (13 пунктов), негативизма (5 пунктов), раздражения (11 пунктов), обиды (8 пунктов). За совпадение ответа с ключом присваивался 1 балл, за несовпадение – 0 баллов. Чем выше значение показателя, тем выше агрессивность личности. Вопросник агрессивности и враждебности Басса и Дарки прошел процедуру верификации, результаты которой свидетельствуют в пользу его валидности и надежности (Хван, Зайцев, Кузнецова, 2008).

Примеры пунктов из шкалы физической агрессии: «Если кто-нибудь первым ударит меня, я не отвечу ему», «Тот, кто оскорбляет меня и мою семью, напрашивается на драку». Примеры пунктов из шкалы подозрительности: «Я думаю, что многие люди не любят меня», «Иногда мне кажется, что надо мной смеются». Примеры пунктов из шкалы косвенной агрессии: «Когда я раздражаюсь, я хлопаю дверями», «Я не способен на грубые шутки». Примеры пунктов из шкалы чувства вины: «Меня угнетает то, что я мало делаю для своих родителей», «Мне хочется, чтобы мои грехи были прощены». Примеры пунктов из шкалы вербальной агрессии: «Я требую, чтобы люди уважали меня», «Если кто-нибудь раздражает меня, я готов сказать, что я о нем». Примеры пунктов из шкалы негативизма: «Когда люди строят из себя начальников, я делаю все, чтобы они не зазнавались», «Если кто-то выводит меня из себя, я не обращаю внимания». Примеры пунктов из шкалы раздражения: «Я гораздо более раздражителен, чем кажется», «Меня охватывает ярость, когда надо мной насмеются». Примеры пунктов из шкалы обиды: «Меня немного огорчает моя судьба», «Нет людей, которых бы я по-настоящему ненавидел».

На исследованной выборке надежность шкалы физической агрессии имела значение альфа Кронбаха .47, шкалы вербальной агрессии – .65, шкалы косвенной

агрессии – .18, шкалы негативизма – .57, шкалы раздражения – .64, шкалы подозрительности – .48, шкалы обиды – .52, шкалы чувства вины – .59. Шкала косвенной агрессии была исключена из дальнейшего анализа данных, поскольку имела слишком низкое значение альфа Кронбаха.

В согласии с представлениями А. Басса и А. Дарки о двухфакторной структуре агрессии личности, использовались агрегированные шкалы агрессивности и враждебности. Они были получены на основании факторного анализа (метод главных компонент, факторы вращались методом Варимакс с нормализацией по Кайзеру) шкал физической и вербальной агрессии, негативизма, раздражения, подозрительности, обиды и чувства вины. Было выделено 2 фактора с общей долей объяснимой дисперсии 60,96%. В фактор 1 (30,76 %) вошли со значимыми и положительными нагрузками (здесь и далее в порядке убывания) показатели обиды (.84), чувства вины (.81), раздражения (.63) и подозрительности (.54). Этот фактор можно интерпретировать как «враждебность». В фактор 2 (30,20 %) вошли со значимыми и положительными нагрузками показателя вербальной агрессии (.78), негативизма (.76), физической агрессии (.69) и раздражения (.56). Этот фактор можно интерпретировать как «агрессивность». Шкала раздражения входила в оба фактора, однако она была включена в агрегированный индекс враждебности, поскольку имела большую нагрузку в первом факторе. Надежность агрегированной шкалы агрессивности имела значение альфа Кронбаха .74, агрегированной шкалы враждебности – .74.

2.2.5. Вопросник полимодального Я

Для измерения Я-концепции использовался Вопросник полимодального Я. Он позволяет изучать субмодальности Я (Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее) (Дорфман, 2008). Вопросник состоит из 38 пунктов: по 8 пунктов – на каждую субмодальность, 4 пункта – маскировочные, 2 пункта относятся к шкале лжи. Ответы участников показывают степень их согласия с суждениями по пунктам и градуированы по 6 уровням в диапазоне от –3 (совершенно не согласен) до +3 (полностью согласен). Они переводятся в

значения от 1 до 6. Теоретически, разброс индивидуальных значений показателей каждой субмодальности находится в диапазоне от 8 до 48 баллов. Чем выше значение, тем выше выраженность субмодальности.

Примеры пунктов из шкалы Авторского Я: «Я предпочитаю решать жизненные проблемы самостоятельно», «Я могу преодолевать препятствия». Примеры пунктов из шкалы Воплощенного Я: «Мое влияние на моего друга (мою подругу) может быть значительным», «Мои взгляды могут влиять на моих друзей». Примеры пунктов из шкалы Превращенного Я: «Очевидно, что друг (подруга) может делать то, что он (она) сам (сама) хочет», «Можно понять друга (подругу), который (которая) принимает решения по своему разумению». Примеры пунктов из шкалы Вторящего Я: «Мной легко управляют друзья», «Порой меня легко убедить друзьям в чем-либо».

Вопросник полимодального Я подвергся верификации. Результаты свидетельствовали в пользу его валидности и надежности (Дорфман, 2008).

На исследованной выборке надежность шкалы Авторского Я имела значение альфа Кронбаха .91, шкалы Воплощенного Я – .93, шкалы Превращенного Я – .91, шкалы Вторящего Я – .69.

2.3. Процедура, стимульный материал и анализ данных

2.3.1. Процедура

Участники исследования в смешанных по полу группах (численностью от 10 до 15 человек) в специально приспособленных для кинопоказа учебных аудиториях в ходе двух сессий просматривали кинофильмы. Один кинофильм не содержал сцены насилия (контрольный), а второй (экспериментальный) их содержал. Порядок предъявления кинофильма разным группам был случайным. Испытуемые оценивали каждый кинофильм посредством стандартного 25-пунктного вербального семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации Эткинда, 1979). Черты личности и полимодальное Я участников определялись в лабораторных условиях в ходе отдельных от оценивания кинофильма сессий.

2.3.2. Стимульный материал

Мы руководствовались тем, что в то время как участники интерактивных медиа со сценами насилия (видеоигр, интернета) занимают позиции и наблюдателей (пассивные позиции), и игроков (активные позиции), зрители кинофильмов занимают позиции только наблюдателей (пассивные позиции) (Anderson et al., 2003).

В этом контексте в качестве стимульного материала использовались 4 художественных кинофильма. Испытуемые просматривали и оценивали только 2 из них: один без сцен насилия, а другой со сценами насилия. Выбор кинофильмов для каждой группы испытуемых определялся случайным образом. В соответствии с принятой в РФ системой оценки содержания кинопродукции (Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ), 2 кинофильма без сцен насилия относились к категории «16+» и 2 кинофильма со сценами насилия к категории «18+». Маркировка «16+» указывает на содержание в продукте СМИ сцен насилия или секса, курения и/или потребления алкоголя (наркотиков), изображений обнаженного человеческого тела, ненормативной лексики, что не рекомендовано к показу детям до 16 лет. Маркировка «18+» показывает, что продукт СМИ «...содержит натуралистичное изображение или описание сцен насилия...» и запрещен к показу детям, которые не достигли возраста 18 лет. Принятая в РФ маркировка содержательно соотносится с рейтингами медиа-продукции «R» и «X(NC-17)» Американской Киноассоциации (подробнее см.: Bushman, & Cantor, 2003). При отборе кинофильмов для исследования учитывалась классификация насилия кинопродуктов Ш. Тейлора, Л. Пипло и Д. Сирса (Taylor, Replau, & Sears, 2000, p. 624).

Кинофильмы «Трудности перевода» (реж. Коппола, 2003) и «Пока живой» (реж. Райнер, 2007) имеют маркировку «16+», относятся к жанру мелодрамы и не содержат сцен физического насилия. Кинофильмы «Техасская резня» (реж. Ниспел, 2003) и «Техасская резня. Начало» (реж. Либесман, 2006) имеют маркировку «18+», относятся к жанру ужасов, содержат многочисленные и натуралистичные изображения сцен физического насилия, вербальных

оскорблений. Продолжительность сцен физического насилия в кинофильме «Техасская резня» составляла 27,8 минут или 25,58% (при общей продолжительности в 92 минуты); в кинофильме «Техасская резня. Начало» – 28,7 минут или 26,1% (при общей продолжительности в 91 минуту).

2.3.3. Анализ данных

Данные подвергались анализу в статистическом пакете Statistica (версия 8.0).

Проверка на нормальность распределения переменных

По каждой переменной исключались экстремальные значения («выбросы»). Они определялись как выходящие за границы диапазона $M \pm 2,0 SD$. В соответствии со стандартной процедурой, экстремальные значения заменялись на средние в границах диапазона $M \pm 2,0 SD$ соответствующих переменных. Каждая переменная (шкалы СД, черты личности и субмодальности Я-концепции) проверялась на нормальность распределения посредством теста Колмогорова-Смирнова (D-max статистика). Гипотеза о нормальности распределения переменной принимается, если D-max статистика является незначимой, т.е. отсутствуют значимые различия между наблюдаемыми данными и их гипотетическим нормальным распределением. После замены «выбросов» на средние значения каждая переменная имела нормальное или близкое к нормальному распределение (D-max > .05).

Изменения психосемантических ассоциаций

Изменения психосемантических ассоциаций устанавливались по трем линиям. Во-первых, оценивалась различия между психосемантическими ассоциациями зрителей кинофильмов со сценами насилия и без сцен насилия по СД – шкалам Оценки (10 пунктов), Силы (4 пункта), Активности (3 пункта). О психосемантических ассоциациях судили по средним и стандартным отклонениям. Значимость различий устанавливалась посредством теста Вилкоксона, поскольку большинство пунктов СД (в отличие от шкальных значений) не имели нормальное распределение.

Во-вторых, по аналогии с процедурой, предложенной Дорфманом и Гасимовой (Dorfman, & Gassimova, 2015), исследовались изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями кинофильма без сцен насилия. Для этого в каждую шкалу (Оценки, Силы, Активности) включались по 3 наиболее надежные пункта; они конвертировались в z-оценки. Затем от пунктов, по которым зрители оценивали кинофильм со сценами насилия, вычитались пункты, по которым они оценивали кинофильм без сцен насилия. Результирующие значения служили индикаторами изменений соответствующих психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия. Надежность изменений психосемантических ассоциаций была следующей. Альфа Кронбаха шкалы Оценки имела .82, шкалы Силы – .74, шкалы Активности – .67.

В-третьих, в соответствии с представлениями о 3-х-факторной структуре психосемантических ассоциаций Осгуда (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957) (Оценка, Сила, Активность), проводился эксплораторный 3-х факторный анализ показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам Оценки, Силы, Активности (в каждую шкалу включались по 3 наиболее надежные пункта). Применялось вращение факторов способом Quartimax normalized.

Связи черт личности, Я-концепции и изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия

Связи черт личности, Я-концепции и изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия по шкалам Оценки, Силы, Активности изучались в терминах корреляций (попарно) и эксплораторного факторного анализа (структурно). С помощью корреляций изучались связи показателей черт личности и Я-концепции, а также связи показателей черт личности и Я-концепции с показателями изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильмов со сценами насилия по шкалам Оценки, Силы, Активности. С помощью эксплораторного факторного анализа изучалась структура черт личности и Я-концепции.

2.3.4. Дисперсионный анализ, конфирматорный факторный анализ, структурные линейные уравнения

Дисперсионный анализ

Раздельные влияния черт личности и субмодальностей Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия изучались при помощи ANOVA: смешанный дизайн, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS. Использовался 2-х факторный ANOVA по схеме 3 (межгрупповой фактор с 3 уровнями выраженности: высокий, средний, низкий) x 3 (внутригрупповой фактор с тремя уровнями: Оценки, Силы, Активности). В качестве межгрупповых факторов выступали переменные черт личности и Я-концепции по отдельности. В качестве зависимых переменных выступали сырые значения (а не z-оценки) изменений психосемантических ассоциаций по шкалам Оценки, Силы и Активности. Сначала в каждую шкалу отбирались по 3 пункта с наибольшими факторными нагрузками при помощи эксплораторного 1-факторного анализа. Затем эти пункты агрегировались в 3 зависимые переменные Оценки, Силы и Активности.

Вычислялись главные эффекты и взаимодействия факторов, применяя критерии F и размер эффекта. Оценка эффекта размера выборки проводилась с помощью коэффициента частной эта в квадрате, η_p^2 : .01 – малый эффект, .06 – средний эффект, .14 – большой эффект (Cohen, 1988). Кроме того, вычислялись специфические эффекты при запланированных сравнениях: взаимодействия высоких уровней межгрупповых факторов черт личности и Я-концепции и внутригрупповых факторов психосемантических ассоциаций в контрасте к среднему и низкому уровням этих же переменных.

Расчеты выполнялись в модуле Advanced Linear/Nonlinear Models → General Linear Models → Repeated measures ANOVA.

Конфирматорный факторный анализ

Конфирматорный факторный анализ проводился для оценки черт личности и Я-концепции, которые образуют латентные общности. Отбор черт личности и Я-концепции, образующих латентные общности, проводился на основе

результатов эксплораторного факторного анализа методом главных компонент с вращением компонент способом Varimax и их нормализацией по Кайзеру. Во-первых, латентные общности тестировались для всех переменных черт личности и Я-концепции. Во-вторых, латентные общности тестировались для переменных черт личности и Я-концепции, которые входили со значимыми факторными нагрузками в отдельные факторы при эксплораторном факторном анализе данных.

Каждая латентная переменная складывалась из 3 манифестных переменных. Последние устанавливались посредством эксплораторного 1-факторного анализа: отбирались 3 переменные с наибольшими факторными нагрузками.

Расчеты эксплораторного факторного анализа выполнялись в модуле Multivariate Exploratory Techniques → Factor Analysis. Расчеты конфирматорного факторного анализа выполнялись в модуле Advanced Linear/Nonlinear Models → Structural Equation Modeling.

Структурные линейные уравнения

Создавалась композитная модель. Согласно А. Д. Томаркену и Д. Уоллеру (Tomarken, & Waller, 2003), она включает измерительную и структурную модели. Измерительная модель строится средствами конфирматорного факторного анализа. Она специфицирует отношения между манифестными и латентными переменными. Структурная модель специфицирует отношения между латентными переменными.

В соответствии с двух-шаговой процедурой Дж. Андерсона и Д. Гербинга (Anderson, & Gerbing, 1988), результаты измерительной модели (шаг 1) учитываются при построении структурной модели (шаг 2). Структурные модели строились с помощью структурных линейных уравнений.

Общая схема структурных моделей имела следующий вид: черты личности и субмодальности Я-концепции, которые образуют латентные общности по результатам конфирматорного факторного анализа (коррелирующие экзогенные факторы и их манифестные переменные) → переменные изменений

психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия по шкалам Оценки, Активности, Силы (эндогенные факторы и их манифестные переменные).

Создавались несколько структурных моделей. На основании результатов измерительной модели общая структурная модель ($СМ_0$) включала 8 латентных факторов. Из них 5 латентных факторов касались личности и Я-концепции: экстраверсия, поиск ощущений и приключений, поиск необычного опыта, растормаживание, Воплощенное Я. К ним добавлялись 3 латентных фактора, относящихся к изменениям психосемантических ассоциаций: Оценки, Силы и Активности. Также создавались 4 частные структурные модели. Они основывались на результатах эксплораторного факторного анализа показателей черт личности и Я-концепции и тестировании соответствующих измерительных моделей. В структурную модель $СМ_1$ включались показатели черт личности и Я-концепции, которые вошли со значимыми нагрузками в фактор 1 при эксплораторном факторном анализе и образовали измерительную модель $ИМ_1$. В структурную модель $СМ_2$ включались показатели черт личности и Я-концепции, которые вошли со значимыми нагрузками в фактор 2 при эксплораторном факторном анализе и образовали измерительную модель $ИМ_2$. В структурную модель $СМ_3$ включались показатели черт личности и Я-концепции, которые вошли со значимыми нагрузками в фактор 3 при эксплораторном факторном анализе и образовали измерительную модель $ИМ_3$. В структурную модель $СМ_4$ включались показатели черт личности и Я-концепции, которые вошли со значимыми нагрузками в фактор 4 при эксплораторном факторном анализе и образовали измерительную модель $ИМ_4$. Опять-таки, в каждую частную структурную модель включались изменения психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия.

Индексы пригодности измерительной и структурной моделей

Функция расхождения (пригодность модели по отношению к генеральной совокупности) оценивалась методом обобщенных наименьших квадратов (Generalized Least Squares, GLS). Поиск базового решения и количество итераций устанавливались методом кубической интерполяции (Cubic interpolation).

Пригодность моделей оценивалась по 5 индексам.

Первый индекс – χ^2 статистика: незначимая χ^2 статистика свидетельствует в пользу пригодности модели (Bryant, & Yarnold, 1998). Однако χ^2 статистика зависит от размера выборки, причем таким образом, что она может быть значимой даже для моделей, пригодность которых является достаточно высокой (Bentler, 1990).

Второй индекс – отношение χ^2 / df . Чем меньше значения этого отношения, тем пригодность модели выше. Пороговое значение – 2.0.

Третий индекс – Стейгера–Линда (Steiger and Lind's root mean square error of approximation, RMSEA). Чем меньше его значения, тем пригодность модели выше. Значения .05 и меньше свидетельствуют о хорошей пригодности, .06 – .08 – о приемлемой пригодности, значения, близкие к .10 – о слабой пригодности модели (Steiger, 1990).

Четвертый индекс – индекс пригодности (goodness-of-fit index, GFI). Его значения варьируют в диапазоне от 0 (полная непригодность модели) до 1 (полная пригодность модели). Модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексе, превышающем порог .90, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог .95 (Jöreskog, & Sörbom, 1989; Marsh, & Grayson, 1995; Schermelleh-Engel et al., 2003; Schumacker, & Lomax, 1996).

Пятый индекс – отрегулированный индекс пригодности (the adjusted goodness-of-fit index, AGFI). Его значения также варьируют в диапазоне от 0 (полная непригодность модели) до 1 (полная пригодность модели). Модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексе, превышающем порог .85, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог .90 (Jöreskog, & Sörbom, 1989; Marsh, & Grayson, 1995; Schermelleh-Engel et al., 2003; Schumacker, & Lomax, 1996).

Сравнение моделей

Структурные модели попарно сравнивались на предмет определения наиболее пригодной. Использовался χ^2 -тест на различия: $\chi^2 M_1 - \chi^2 M_2 / df M_1 - df$

M_2 , где M_1 и M_2 – сравниваемые модели, df – их степени свободы. Более вероятной и пригодной считается модель с меньшим значением χ^2 (Bentler, 1990).

Расчеты измерительных и структурных моделей выполнялись в модуле Advanced Linear/Nonlinear Models → Structural Equation Modeling.

ГЛАВА 3. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ ЗРИТЕЛЕЙ КИНОФИЛЬМОВ СО СЦЕНАМИ НАСИЛИЯ В СВЯЗИ С ЧЕРТАМИ ИХ ЛИЧНОСТИ И Я-КОНЦЕПЦИИ

В главе приводятся результаты исследования изменений психосемантических ассоциаций зрителей художественных кинофильмов со сценами насилия в связи с особенностями их личности и Я-концепции. Глава состоит из 5-и параграфов.

В первом параграфе излагаются результаты изучения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия в сравнении с психосемантическими ассоциациями кинофильма без сцен насилия. Во-первых, устанавливаются различия психосемантических ассоциаций кинофильмов со сценами насилия и без насилия. Различия изучались по СД – по линиям его шкал «Оценки», «Силы», «Активности». Во-вторых, изучалась факторная структура изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильмов со сценами насилия в сравнении с кинофильмами без сцен насилия.

Во втором параграфе излагаются результаты изучения связей черт личности, Я-концепции и изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности». Во-первых, в терминах корреляционного анализа устанавливаются связи черт личности и Я-концепции. Во-вторых, изучаются их корреляции с изменениями психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности».

Третий параграф посвящен изложению в терминах дисперсионного анализа (ANOVA) отдельных влияний черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия.

В четвертом параграфе приводятся результаты совместных влияний черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия в терминах структурного моделирования.

В пятом параграфе полученные результаты подвергаются обсуждению в сравнении с поставленными задачами, в контексте выдвинутых исследовательских гипотез, данными других авторов, активационными теориями личности.

3.1. Изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

3.1.1. Психосемантические ассоциации зрителей кинофильмов без сцен насилия и со сценами насилия

Выраженность психосемантических ассоциаций зрителей по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» и их пунктов приведены в Таблице 1. Здесь же приводятся значения теста Вилкоксона о значимости различий между психосемантическими ассоциациями зрителей кинофильмов без сцен насилия и со сценами насилия. Тест Вилкоксона использовался, поскольку большинство пунктов семантического дифференциала (в отличие от шкальных значений) не имели нормальное распределение.

В сравнении с восприятием кинофильма без сцен насилия, ассоциации зрителей кинофильма со сценами насилия смещались к полюсам «печальный» ($z = 8.76, p < .001$), «плохой» ($z = 10.81, p < .001$), «темный» ($z = 11.59, p < .001$), «противный» ($z = 11.02, p < .001$), «шершавый» ($z = 9.18, p < .001$), «чужой» ($z = 9.76, p < .001$), «дешевый» ($z = 6.33, p < .001$), «злой» ($z = 12.10, p < .001$), «унылый» ($z = 8.06, p < .001$), «ненавистный» ($z = 10.54, p < .001$), «гнилой» ($z = 10.88, p < .001$), «глупый» ($z = 10.09, p < .001$), «грязный» ($z = 11.91, p < .001$). В конечном итоге, психосемантическая шкала «Оценка» кинофильма со сценами насилия была смещена к негативному полюсу ($z = 12.17, p < .001$).

В сравнении с восприятием кинофильма без сцен насилия, ассоциации кинофильма со сценами насилия смещались к полюсам «тяжелый» ($z = 9.64, p < .001$), «сильный» ($z = 2.45, p < .01$), «напряженный» ($z = 10.88, p < .001$),

«твердый» ($z = 10.75$, $p < .001$). Психосемантическая шкала «Сила» кинофильма со сценами насилия была смещена к полюсу силы ($z = 10.16$, $p < .001$).

Таблица 1. Выраженность психосемантических ассоциаций зрителей кинофильмов без сцен насилия и со сценами насилия

Психосемантические шкалы и пункты	Средние значения и стандартные отклонения ассоциаций кинофильмов		Тест Вилкоксона
	без сцен насилия	со сценами насилия	z
Оценка	4.80 ± 0.84	2.54 ± 0.77	12.12 ^c
плохой – хороший	5.60 ± 1.63	2.57 ± 1.65	10.80 ^c
темный – светлый	5.50 ± 1.41	1.63 ± 0.91	11.95 ^c
противный – приятный	5.25 ± 1.57	2.14 ± 1.31	11.02 ^c
чужой – родной	4.27 ± 1.56	2.21 ± 1.43	9.70 ^c
дешевый – дорогой	4.42 ± 1.61	3.26 ± 1.61	6.31 ^c
злой – добрый	5.90 ± 1.06	1.67 ± 1.11	12.10 ^c
ненавистный – любимый	4.73 ± 1.21	2.42 ± 1.48	10.56 ^c
гнилой – свежий	5.05 ± 1.30	2.46 ± 1.47	10.86 ^c
глупый – умный	5.11 ± 1.84	2.66 ± 1.38	10.02 ^c
грязный – чистый	5.65 ± 1.26	1.78 ± 1.01	11.91 ^c
Сила	3.89 ± 1.16	5.44 ± 1.05	10.12 ^c
легкий – тяжелый	3.51 ± 1.81	5.86 ± 1.46	9.58 ^c
слабый – сильный	4.69 ± 1.87	5.09 ± 1.81	2.16 ^a
маленький – большой	4.72 ± 1.59	4.63 ± 1.60	0.74
расслабленный – напряженный	3.38 ± 1.82	6.02 ± 1.32	10.79 ^c
Активность	4.03 ± 1.07	4.41 ± 0.89	3.10 ^b
пассивный – активный	4.04 ± 1.88	5.53 ± 1.61	6.81 ^c
медленный – быстрый	3.24 ± 1.74	4.63 ± 1.91	6.52 ^c
тупой – острый	4.26 ± 1.46	4.11 ± 2.06	0.76

Примечания: в каждой паре выраженность значений возрастает от левого прилагательного к правому прилагательному; $n = 199$; $a - p < .05$, $b - p < .01$, $c - p < .001$

В сравнении с восприятием кинофильма без сцен насилия, ассоциации зрителей кинофильма со сценами насилия смещались к полюсам «активный» ($z = 6.77, p < .001$), «хаотичный» ($z = 9.14, p < .001$), «сложный» ($z = 4.80, p < .001$), «быстрый» ($z = 6.50, p < .001$). Психосемантическая шкала «Активность» кинофильма со сценами насилия была смещена к полюсу активности ($z = 3.08, p < .01$).

Ассоциации зрителей кинофильмов без сцен насилия и со сценами насилия по пунктам «холодный – горячий», «влажный – сухой», «тупой – острый» и «маленький – большой» статистически значимо не различались.

Таким образом, при наличии сцен насилия в кинофильме психосемантическая шкала «Оценки» смещалась в сторону негативных значений, а психосемантические шкалы «Силы» и «Активности» возрастали.

3.1.2. Факторная структура изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

В соответствии с представлениями о 3-х-факторной структуре психосемантических ассоциаций Осгуда (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957) (Оценка, Сила, Активность), проводился эксплораторный 3-х факторный анализ изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия (вращение факторов способом Quartimax normalized). Факторное отображение структуры их изменений приведено в Таблице 2.

Было выделено 3 фактора с общей долей объяснимой дисперсии 52,90%. В фактор 1 (28,93%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели «плохой – хороший» (.71), «темный – светлый» (.62), «противный – приятный» (.77), «чужой – родной» (.71), «дешевый – дорогой» (.56), «злой – добрый» (.56), «ненавистный – любимый» (.79), «гнилой – свежий» (.76), «глупый – умный» (.66), «грязный – чистый» (.68). Этот фактор можно интерпретировать как «Оценку». В фактор 2 (12,86%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели «легкий – тяжелый» (.80), «слабый – сильный» (.68), «маленький – большой» (.65), «расслабленный – напряженный» (.58). Этот фактор

можно интерпретировать как «Силу». В фактор 3 (11,11%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели «пассивный – активный» (.74), «медленный – быстрый» (.82), «тупой – острый» (.51). Этот фактор можно интерпретировать как «Активность». Факторы не коррелировали между собой.

Таблица 2. 3-х факторная структура изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия и без сцен насилия

Психосемантические пункты	Факторы после вращения (Quartimax normalized)		
	1	2	3
Оценка			
плохой – хороший	.71	.02	.09
темный – светлый	.62	-.12	-.21
противный – приятный	.77	-.09	.10
чужой – родной	.71	.07	.05
дешевый – дорогой	.56	.32	.22
злой – добрый	.56	-.22	.03
ненавистный – любимый	.79	-.10	-.04
гнилой – свежий	.76	.08	.06
глупый – умный	.66	.35	.20
грязный – чистый	.68	-.10	-.15
Сила			
легкий – тяжелый	-.22	.72	.14
слабый – сильный	.24	.68	.27
маленький – большой	.01	.65	-.20
расслабленный – напряженный	-.17	.58	.31
Активность			
пассивный – активный	.23	.14	.74
медленный – быстрый	-.07	.02	.82
тупой – острый	.18	.30	.51
Собственные значения	4.29	2.19	1.89
Доля объяснимой дисперсии, %	28.93	12.86	11.11

Примечания: значимые факторные нагрузки выделены жирным шрифтом

То есть, факторная структура изменений психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия складывается из 3-х ортогональных факторов: Оценки, Силы и Активности.

3.2. Корреляционный анализ показателей черт личности и Я-концепции

Определялся состав черт личности и субмодальностей Я-концепции зрителей, которые способствовали изменениям психосемантических ассоциаций при восприятии кинофильма со сценами насилия. Сырые значения переменных черт личности и Я-концепции конвертировались в z-оценки.

Корреляции показателей черт личности по Г. Айзенку (Н. J. Eysenck & S. B. G. Eysenck, 1994), поиска ощущений по М. Цукерману (М. Zuckerman, S. Eysenck, & Н. Eysenck, 1978), агрессивности и враждебности по А. Бассу и А. Дарки (А. Buss, & А. Durkee, 1957), полимодального Я (Л. Я. Дорфман, 2008) приведены в Таблице 3. Использовался корреляционный анализ (по Пирсону), поскольку большинство переменных имели нормальное распределение.

Было установлено, что экстраверсия положительно коррелировала с психотизмом ($r = .23, p < .001$), поиском впечатлений и приключений ($r = .23, p < .001$), поиском переживаний и нового опыта ($r = .32, p < .001$), растормаживанием ($r = .39, p < .001$), агрессивностью ($r = .27, p < .001$), Авторским Я ($r = .14, p < .05$) и Воплощенным Я ($r = .38, p < .001$). Нейротизм положительно коррелировал с враждебностью ($r = .63, p < .001$), Вторящим Я ($r = .19, p < .01$), и отрицательно коррелировал с Авторским Я ($r = -.27, p < .001$). Психотизм положительно коррелировал с поиском переживаний и нового опыта ($r = .27, p < .001$) растормаживанием ($r = .25, p < .001$), агрессивностью ($r = .32, p < .001$), Авторским Я ($r = .14, p < .05$) и Воплощенным Я ($r = .14, p < .05$).

Поиск впечатлений и приключений положительно коррелировал с поиском переживаний и нового опыта ($r = .32, p < .001$), растормаживанием ($r = .28, p < .001$) и Воплощенным Я ($r = .26, p < .001$). Поиск переживаний и нового опыта положительно коррелировал с растормаживанием ($r = .34, p < .001$),

агрессивностью ($r = .16, p < .05$), враждебностью ($r = .15, p < .05$), Воплощенным Я ($r = .17, p < .05$) и Превращенным Я ($r = .20, p < .01$). Растормаживание положительно коррелировало с агрессивностью ($r = .36, p < .001$), Воплощенным Я ($r = .25, p < .001$).

Таблица 3. Корреляции показателей черт личности и Я-концепции

Черты личности и Я-концепция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Экстраверсия											
2. Нейротизм	.23 ^c										
3. Психотизм											
4. Поиск впечатлений и приключений	.23 ^c										
5. Поиск переживаний и нового опыта	.32 ^c		.27 ^c	.32 ^c							
6. Растормаживание	.39 ^c		.25 ^c	.28 ^c	.34 ^c						
7. Агрессивность	.27 ^c		.32 ^c		.16 ^a	.36 ^c					
8. Враждебность		.63 ^c			.15 ^a		.31 ^c				
9. Авторское Я	.14 ^a	-.27 ^c	.14 ^a					-.31 ^a			
10. Воплощенное Я	.38 ^c		.14 ^a	.26 ^c	.17 ^a	.25 ^c	.27 ^c		.14 ^a		
11. Превращенное Я					.20 ^b				.45 ^c		
12. Вторящее Я		.19 ^b						.22 ^b	-.20 ^b	.19 ^b	

Примечания: a – $p < .05$, b – $p < .01$, c – $p < .001$; незначимые корреляции опущены.

Агрессивность положительно коррелировала с враждебностью ($r = .31, p < .001$) и Воплощенным Я ($r = .27, p < .001$). Враждебность положительно коррелировала со Вторящим Я ($r = .22, p < .01$), и отрицательно – с Авторским Я ($r = -.31, p < .001$).

Было установлено, что Авторское Я положительно коррелировало с Воплощенным Я ($r = .14, p < .05$), Превращенным Я ($r = .45, p < .001$), и отрицательно – с Вторящим Я ($r = -.20, p < .01$). Воплощенное Я положительно коррелировало с Вторящим Я ($r = .19, p < .01$).

Далее изучались корреляции черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия по шкалам

«Оценки», «Силы», «Активности». Результаты корреляционного анализа приведены в Таблице 4. Использовался корреляционный анализ (по Пирсону), поскольку большинство переменных имело нормальное распределение.

Таблица 4. Корреляции показателей черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия

Черты личности и Я-концепция	Изменения психосемантических шкал		
	Оценка	Сила	Активность
Экстраверсия			
Нейротизм	-.23 ^d	.12 ^a	.23 ^d
Психотизм	.13 ^a		
Поиск впечатлений и приключений			
Поиск переживаний и нового опыта	.12 ^a		
Растормаживание			
Агрессивность			
Враждебность	-.19 ^c		
Авторское Я			
Воплощенное Я			
Превращенное Я			.17 ^c
Вторящее Я			

Примечания: a – $p < .10$, b – $p < .05$, c – $p < .01$, d – $p < .001$; незначимые корреляции опущены

Было установлено, что показатель нейротизма отрицательно коррелировал со шкалой «Оценки» ($r = -.23$, $p < .001$) и положительно – со шкалами «Активности» ($r = .26$, $p < .001$) и «Силы» (в тенденции: $r = .12$, $p < .09$). Показатель психотизма положительно коррелировал со шкалой «Оценки» (в тенденции: $r = .19$, $p < .09$).

Показатель поиска переживаний и нового опыта положительно коррелировал со шкалой «Оценки» (в тенденции: $r = .12$, $p < .08$). Показатель враждебности отрицательно коррелировал со шкалой «Оценки» ($r = -.19$, $p < .01$).

Показатель Превращенного Я положительно коррелировал со шкалой «Активности» ($r = .17, p < .01$).

Таким образом, некоторые черты личности и Я-концепции (нейротизм, психотизм, поиск переживаний и нового опыта, враждебность, Превращенное Я) коррелировали с изменениями психосемантических ассоциаций, а другие (экстраверсия, поиск впечатлений и приключений, растормаживание, агрессивность, Авторское Я, Воплощенное Я, Вторящее Я) не коррелировали.

3.3. Раздельные влияния черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия (дисперсионный анализ)

Устанавливались раздельные влияния черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия по шкалам «Оценки», «Силы» и «Активности» посредством ANOVA.

Влияния черт личности по Айзенку на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Ниже показаны результаты дисперсионного анализа (ANOVA) влияния черт личности по Г. Айзенку (Eysenck, & Eysenck, 1994) (экстраверсии, нейротизма, психотизма) на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Главный эффект экстраверсии на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.44, p > .05$, размер эффекта $\eta^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 380.56, p < .001$, размер эффекта $\eta^2 = .66$. Взаимодействия экстраверсии и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 0.26, p > .05$, размер эффекта $\eta^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня экстраверсии (в сравнении с ее средним и низким уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = .18, p > .05$.

В Таблице 5 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» (переменные внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности нейротизма (межгруппового фактора).

Таблица 5. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности нейротизма

Уровни выраженности нейротизма	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	65	-3.16 ± 1.87	1.95 ± 2.10	1.27 ± 2.36
Средний	71	-2.60 ± 1.60	2.16 ± 1.64	1.11 ± 1.74
Низкий	63	-2.25 ± 1.71	1.21 ± 2.00	0.31 ± 2.04

Главный эффект нейротизма на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 2.01$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .02$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 404.96$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .67$. Взаимодействия нейротизма и изменений психосемантических ассоциаций были значимы, $F(4,392) = 6.56$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .06$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня нейротизма (в сравнении с его средним и низким уровнями) были значимы, $F(1,196) = 6.36$, $p < .01$. Значит, при высоком уровне нейротизма значения психосемантических ассоциаций по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а по шкалам «Активности» и «Силы», наоборот, возрастали. Взаимодействия же нейротизма и изменений психосемантических ассоциаций свидетельствуют об их двустороннем влиянии.

В Таблице 6 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы»,

«Активности» (переменные внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности психотизма (межгруппового фактора).

Таблица 6. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности психотизма

Уровни выраженности психотизма	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	75	-2.42 ± 1.96	1.55 ± 1.96	0.96 ± 1.92
Средний	60	-2.75 ± 1.65	1.98 ± 1.92	0.91 ± 2.09
Низкий	64	-2.90 ± 1.59	1.90 ± 1.96	0.86 ± 2.29

Главный эффект психотизма на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.09$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 390.49$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .67$. Взаимодействия психотизма и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 1.30$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня психотизма (в сравнении с его средним и низким уровнями) были значимы, $F(1,196) = 4.04$, $p < .05$. Значит, при высоком уровне психотизма значения психосемантических ассоциаций по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а по шкалам «Активности» и «Силы», наоборот, возрастали. Взаимодействия изменений психосемантических ассоциаций и психотизма были двусторонними только при его высоком уровне.

Влияния черт личности по Цукерману на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Ниже приведены результаты дисперсионного анализа (ANOVA) влияния черт личности по М. Цукерману (Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978) на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Главный эффект поиска впечатлений и приключений на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.53$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 383.68$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия поиска впечатлений и приключений с изменениями психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 0.82$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня поиска впечатлений и приключений (в сравнении с его средними и низкими уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = 1.53$, $p > .05$.

Главный эффект поиска переживаний и нового опыта на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.79$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 379.72$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия поиска переживаний и нового опыта и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 1.75$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .02$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня поиска переживаний и нового опыта (в сравнении с его средним и низким уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = .04$, $p > .05$.

В Таблице 7 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» (показателей внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности растормаживания (межгруппового фактора).

Главный эффект растормаживания на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.88$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 372.66$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .65$. Взаимодействия растормаживания и изменений психосемантических ассоциаций были значимы, $F(4,392) = 2.56$, $p < .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .03$. При

запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня растормаживания были незначимы, $F(1,196) = .05$, $p > .05$. Значит, взаимодействия растормаживания и изменений психосемантических ассоциаций свидетельствуют об их двустороннем влиянии.

Таблица 7. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности растормаживания

Уровни выраженности растормаживания	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	78	-2.52 ± 1.85	1.87 ± 2.06	1.09 ± 2.10
Средний	51	-2.36 ± 1.64	1.39 ± 1.92	1.03 ± 1.90
Низкий	70	-3.07 ± 1.69	2.00 ± 1.83	0.62 ± 2.19

Влияния агрессивности и враждебности по Бассу–Дарки на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Ниже приведены результаты дисперсионного анализа (ANOVA) влияния агрессивности и враждебности по А. Бассу и А. Дарки (Buss, & Durkee, 1957) на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Главный эффект агрессивности на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 1.74$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .02$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 388.11$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия агрессивности и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 1.34$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня агрессивности (в сравнении с ее средним и низким уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = .43$, $p > .05$.

В Таблице 8 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы»,

«Активности» (переменные внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности враждебности (межгруппового фактора).

Таблица 8. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности враждебности

Уровни выраженности враждебности	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	65	-3.11 ± 1.81	1.86 ± 1.95	0.89 ± 2.21
Средний	66	-2.57 ± 1.83	2.13 ± 1.73	1.01 ± 2.01
Низкий	68	-2.36 ± 1.57	1.39 ± 2.09	0.83 ± 2.06

Главный эффект враждебности на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.94$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 395.35$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .67$. Взаимодействия враждебности и изменений психосемантических ассоциаций были значимы, $F(4,392) = 2.58$, $p < .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .03$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня враждебности (в сравнении с ее средним и низким уровнями) были близки к значимым, $F(1,196) = 3.45$, $p < .06$. Значит, при высоком уровне враждебности значения психосемантических ассоциаций по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а по шкалам «Силы» и «Активности», наоборот, возрастали. Взаимодействия же враждебности и изменений психосемантических ассоциаций свидетельствуют об их двустороннем влиянии.

Влияния полимодального Я по Дорфману на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Ниже излагаются результаты дисперсионного анализа (ANOVA) влияния полимодального Я (Дорфман, 2008) на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Главный эффект Авторского Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 1.44$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 385.65$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия Авторского Я и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 1.18$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня Авторского Я (в сравнении с его средним и низким уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = .47$, $p > .05$.

В Таблице 9 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» (переменные внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности Воплощенного Я (межгруппового фактора).

Таблица 9. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности Воплощенного Я

Уровни выраженности Воплощенного Я	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	66	-2.54 ± 1.82	1.81 ± 2.18	0.64 ± 2.30
Средний	69	-2.72 ± 1.57	1.66 ± 1.81	1.09 ± 1.98
Низкий	64	-2.77 ± 1.90	1.91 ± 1.87	1.00 ± 1.96

Главный эффект Воплощенного Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.06$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 387.56$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия Воплощенного Я и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 0.98$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты

высокого уровня Воплощенного Я (в сравнении с его средним и низким уровнями) были близки к значимым, $F(1,196) = 3.49$, $p < .06$. Значит, при высоком уровне Воплощенного Я значения психосемантических ассоциаций по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а по шкалам «Силы» и «Активности», наоборот, возрастали. Взаимодействия Воплощенного Я и изменений психосемантических ассоциаций были двусторонними только при его высоком уровне в тенденции.

В Таблице 10 приведены средние и стандартные отклонения показателей изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» (переменные внутригруппового фактора) в зависимости от уровней выраженности Превращенного Я (межгруппового фактора).

Таблица 10. Средние и стандартные отклонения изменений психосемантических ассоциаций в зависимости от уровней выраженности Превращенного Я

Уровни выраженности Превращенного Я	n	Психосемантические ассоциации		
		Оценка	Сила	Активность
Высокий	60	-2.25 ± 1.83	1.66 ± 2.13	1.24 ± 1.92
Средний	72	-3.06 ± 1.73	1.91 ± 2.13	1.21 ± 2.19
Низкий	67	-2.63 ± 1.65	1.79 ± 1.56	0.29 ± 2.00

Главный эффект Превращенного Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 1.39$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 392.80$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .67$. Взаимодействия Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций были значимы, $F(4,392) = 4.24$, $p < .01$, размер эффекта $\eta_p^2 = .04$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня Превращенного Я (в сравнении с его средним и низким уровнями) были значимыми, $F(1,196) = 4.50$, $p < .05$. Значит, при высоком уровне

Превращенного Я значения психосемантических ассоциаций по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а по шкалам «Силы» и «Активности», возрастали. Взаимодействия Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций свидетельствуют об их двустороннем влиянии.

Главный эффект Вторящего Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия был незначим, $F(2,196) = 0.82$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. Главный эффект фактора психосемантических ассоциаций был значим, $F(2,392) = 381.79$, $p < .001$, размер эффекта $\eta_p^2 = .66$. Взаимодействия Вторящего Я и изменений психосемантических ассоциаций были незначимы, $F(4,392) = 0.93$, $p > .05$, размер эффекта $\eta_p^2 = .01$. При запланированных сравнениях (анализ контрастов) специфические эффекты высокого уровня Вторящего Я (в сравнении с его средним и низким уровнями) также были незначимы, $F(1,196) = .10$, $p > .05$.

Таким образом, результаты ANOVA свидетельствовали о отдельных значимых взаимодействиях нейротизма, растормаживания, враждебности и Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Это свидетельствует об их встречном влиянии. Кроме того, были установлены специфические эффекты высоких уровней выраженности этих переменных, как и психотизма и Воплощенного Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Вместе с тем переменные экстраверсии, поиска острых ощущений и приключений, поиска необычного опыта, агрессивности, Авторского Я и Вторящего Я не производили отдельные влияния на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

3.4. Совместные вклады черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

В предыдущем параграфе излагались результаты *раздельных* влияний черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Для решения этой задачи использовался дисперсионный анализ. В настоящем параграфе, наоборот, излагаются результаты *совместных* вкладов черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Для решения этой задачи использовалось структурное моделирование.

Напомним (см. Глава 2, § 2.3.4.), что для изучения совместных вкладов черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия применялась композитная модель (Anderson, & Gerbing, 1988; Frazier, Tix, & Barron, 2004; Tomarken, & Waller, 2003). Она состоит из измерительной и структурной моделей. Измерительная модель учитывает отношения между латентными и их манифестными переменными с помощью конфирматорного факторного анализа. Измерительная модель позволяет также устанавливать состав латентных переменных на основании их общности. Структурная модель позволяет оценивать с помощью структурных линейных уравнений пути от черт личности и от Я-концепции (экзогенные переменные) к психосемантическим ассоциациям (эндогенные переменные) (Tomarken, & Waller, 2003).

Состав и пригодность измерительных моделей

Конфирматорный факторный анализ был направлен на установление статистически пригодных латентных факторов и их манифестных переменных. В соответствии с предложением Дж. Андерсона и Д. Гербинга (Anderson, & Gerbing, 1988), отбор манифестных переменных проводился по итогам эксплораторного 1-факторного анализа. В каждый латентный фактор включались по 3 переменные, имевшие наибольшие факторные нагрузки.

Вначале создавалась измерительная модель на основе включенных в анализ всех черт личности, Я-концепции и изменений психосемантических ассоциаций. Эта модель оказалась малопригодной: $\chi^2 = 88.73$, $p < .001$, $df = 15$, $\chi^2/df = 5.92$, $RMSEA = .16$, $GFI = .85$, $AGFI = .79$. Поэтому было принято решение строить не одну, а несколько измерительных моделей. Создавались 4 измерительные модели на основании результатов эксплораторного факторного анализа показателей черт личности и Я-концепции.

Состав измерительных моделей устанавливался на основании результатов эксплораторного факторного анализа (вращение факторов способом Quartimax normalized) показателей черт личности и Я-концепции. Полученные результаты приведены в Таблице 11.

Таблица 11. Факторное отображение субмодальностей черт личности и Я-концепции

Черты личности и Я-концепция	Факторы после вращения (Quartimax normalized)			
	1	2	3	4
Экстраверсия	.71	-.20	.04	-.10
Нейротизм	-.11	.87	-.06	.02
Психотизм	.38	.22	-.12	-.49
Поиск впечатлений и приключений	.54	-.01	-.21	.04
Поиск переживаний и нового опыта	.59	.28	-.29	.05
Растормаживание	.70	.01	.21	-.16
Агрессивность	.42	.27	.15	-.65
Враждебность	.01	.86	.19	-.09
Авторское Я	.12	-.35	-.69	-.29
Воплощенное Я	.66	-.10	.02	.09
Превращенное Я	.06	.05	-.88	.09
Вторящее Я	.31	.34	.11	.67
Собственные значения	2.52	1.99	1.52	1.27
Доля объяснимой дисперсии, %	20.97	16.61	12.66	10.55

Примечания: значимые факторные нагрузки выделены жирным шрифтом

Было выделены 4 фактора с общей долей объяснимой дисперсии 60,79%. В фактор 1 (20,97%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели Воплощенного Я (.66), экстраверсии (.70), поиска впечатлений и приключений (.54), поиска переживаний и нового опыта (.59) и растормаживания (.70). Этот фактор можно интерпретировать как «Экстраверсия и растормаживание». В фактор 2 (16,61%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели нейротизма (.87) и враждебности (.84). Этот фактор можно интерпретировать как «Невротическая враждебность». В фактор 3 (12,66%) со значимыми и отрицательными нагрузками вошли показатели Авторского Я (-.69) и Превращенного Я (-.88). Этот фактор можно интерпретировать как «Низкая автономность и неприятие других людей». В фактор 4 (10,55%) со значимой и положительной нагрузкой вошел показатель Вторящего Я (.67) и с отрицательным знаком – показатели психотизма (-.49) и агрессивности (-.65). Этот фактор можно интерпретировать как «Принадлежность и низкая агрессивность».

Соответственно создавались и тестировались 4 измерительные модели. В каждую из них добавлялись показатели изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия в качестве латентных факторов.

В измерительную модель $ИМ_1$ «Экстраверсия и растормаживание» включались 8 латентных факторов. Из них 5 латентных факторов касались личности и Я-концепции: экстраверсия, поиск впечатлений и приключений, поиск переживаний и нового опыта, растормаживание, Воплощенное Я. К ним добавлялись 3 латентных фактора, относящихся к изменениям психосемантических ассоциаций: Оценка, Сила и Активность. Эта измерительная модель имела следующие индексы пригодности: $\chi^2 = 361.41$, $p < .001$, $df = 252$, $\chi^2/df = 1.43$, $RMSEA = .05$, $GFI = .85$, $AGFI = .82$. В латентные факторы экстраверсии, поиска впечатлений и приключений, растормаживания, Воплощенного Я вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$). В латентный фактор поиска переживаний и нового опыта вошло только 2 манифестных переменных ($p < .001$). В латентные факторы изменений психосемантических

ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы» и «Активности» вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$).

В измерительную модель $ИМ_2$ «*Невротическая враждебность*» включались 5 латентных факторов. Из них 2 латентных фактора относились к чертам личности: нейротизм и враждебность. Другие 3 латентных фактора относились к изменениям психосемантических ассоциаций: Оценка, Сила и Активность. Эта измерительная модель имела следующие индексы пригодности: $\chi^2 = 153.45$, $p < .001$, $df = 90$, $\chi^2/df = 1.71$, $RMSEA = .06$, $GFI = .90$, $AGFI = .86$. В нее вошли все исходно полагаемые латентные факторы. В латентные факторы нейротизма и враждебности вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$). В латентные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы» и «Активности» вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$).

В измерительную модель $ИМ_3$ «*Низкая автономность и неприятие других людей*» также включались 5 латентных факторов. Из них 2 латентных фактора относились к Я-концепции: Авторское Я и Превращенное Я. Другие 3 латентных фактора относились к изменениям психосемантических ассоциаций: Оценка, Сила и Активность. Эта измерительная модель имела следующие индексы пригодности: $\chi^2 = 164.17$, $p < .001$, $df = 90$, $\chi^2/df = 1.82$, $RMSEA = .06$, $GFI = .89$, $AGFI = .85$. В нее вошли все исходно полагаемые латентные факторы. В латентные факторы Авторского Я и Превращенного Я вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$). В латентные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы» и «Активности» вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$).

В измерительную модель $ИМ_4$ «*Принадлежность и низкая агрессивность*» включались 6 латентных факторов. Из них 3 латентных фактора касались черт личности и Я-концепции: психотизм, агрессивность, Вторящее Я. Как и в предыдущих моделях, к ним добавлялись 3 латентных фактора, которые относились к изменениям психосемантических ассоциаций: Оценка, Сила и Активность. Эта измерительная модель имела следующие индексы пригодности: $\chi^2 = 154.68$, $p > .05$, $df = 135$, $\chi^2/df = 1.15$, $RMSEA = .03$, $GFI = .91$, $AGFI = .89$. В

нее вошли 5 исходно полагаемых латентных факторов, 1 фактор (психотизм) не вошел в измерительную модель. В латентные факторы агрессивности, Вторящего Я вошли по 3 манифестных переменных на значимом уровне ($p < .001$). В латентные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы» и «Активности» вошли по 3 манифестных переменных ($p < .001$).

Индексы пригодности описанных выше измерительных моделей приведены в Таблице 12.

Таблица 12. Индексы пригодности измерительных моделей

Модели	<i>RMSEA</i>	<i>GFI</i>	<i>AGFI</i>	χ^2	χ^2/df	<i>df</i>
<i>ИМ₁</i>	.05	.85	.82	361.41 ^a	1.43	252
<i>ИМ₂</i>	.06	.90	.86	153.45 ^a	1.71	90
<i>ИМ₃</i>	.06	.89	.85	164.17 ^a	1.82	90
<i>ИМ₄</i>	.03	.91	.89	154.68	1.15	135

Примечания: *RMSEA* – ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду; *GFI* – индекс пригодности; *AGFI* – отрегулированный индекс пригодности; χ^2 – хи-квадрат статистика; *df* – количество степеней свободы; χ^2/df – отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы;

ИМ₁ – первая измерительная модель, *ИМ₂* – вторая измерительная модель, *ИМ₃* – третья измерительная модель, *ИМ₄* – четвертая измерительная модель (описания состава моделей в тексте).

^a $p < .001$

Можно заключить, что каждая из 4-х измерительных моделей имела статистически приемлемую пригодность.

Состав и пригодность структурных моделей

В соответствии с составом и количеством измерительных моделей, строились 4 структурные модели.

В структурную модель «*Экстраверсия и растормаживание*» (*СМ₁*) вошли экстраверсия, поиск впечатлений и приключений, поиск переживаний и нового опыта, растормаживание, Воплощенное Я в качестве латентных коррелирующих экзогенных факторов. Изменения психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» вошли в модель как латентные эндогенные переменные. Индексы пригодности структурной модели *СМ₁* были следующими: $\chi^2 = 293.05$, $p < .001$, $df = 227$, $\chi^2/df = 1.29$, *RMSEA* = .04, *GFI* = .88, *AGFI* = .84. То

есть, по двум индексам модель обладала хорошей пригодностью (χ^2/df и RMSEA), а по двум индексам была близкой к приемлемой пригодности (GFI и AGFI).

В структурную модель «*Невротическая враждебность*» (СМ₂) вошли нейротизм и враждебность в качестве латентных коррелирующих экзогенных факторов. Изменения психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» вошли в модель как латентные эндогенные переменные. Индексы пригодности структурной модели СМ₂ были следующими: $\chi^2 = 110.32$, $p < .02$, $df = 83$, $\chi^2/df = 1.33$, RMSEA = .04, GFI = .93, AGFI = .89. То есть, по двум индексам модель обладала хорошей пригодностью (χ^2/df и RMSEA), по одному индексу – приемлемой пригодностью (GFI), и по одному индексу была близкой к приемлемой пригодности (AGFI).

В структурную модель «*Низкая автономность и неприятие других людей*» (СМ₃) вошли Авторское Я и Превращенное Я в качестве латентных коррелирующих экзогенных факторов. Изменения психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» вошли в модель как латентные эндогенные переменные. Индексы пригодности структурной модели СМ₃ были следующими: $\chi^2 = 133.09$, $p < .001$, $df = 83$, $\chi^2/df = 1.60$, RMSEA = .06, GFI = .91, AGFI = .87. То есть, модель обладала приемлемой пригодностью.

В структурную модель «*Принадлежность и низкая агрессивность*» (СМ₄) вошли агрессивность и Вторящее Я в качестве латентных коррелирующих экзогенных факторов. Изменения психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» вошли в модель как латентные эндогенные переменные. Индексы пригодности структурной модели СМ₄ были следующими: $\chi^2 = 110.14$, $p < .02$, $df = 83$, $\chi^2/df = 1.33$, RMSEA = .04, GFI = .93, AGFI = .89. То есть, модель обладала приемлемой пригодностью.

Индексы пригодности описанных выше структурных моделей приведены в Таблице 13.

Можно заключить, что каждая из 4-х структурных моделей имела статистически приемлемую пригодность.

Таблица 13. Индексы пригодности структурных моделей

Модели	<i>RMSEA</i>	<i>GFI</i>	<i>AGFI</i>	χ^2	χ^2/df	<i>df</i>
<i>CM₁</i>	.04	.88	.84	293.05 ^b	1.29	227
<i>CM₂</i>	.04	.93	.89	110.32 ^a	1.33	83
<i>CM₃</i>	.06	.91	.87	133.09 ^b	1.60	83
<i>CM₄</i>	.04	.93	.89	110.14 ^a	1.33	83

Примечания: *RMSEA* – ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду; *GFI* – индекс пригодности; *AGFI* – отрегулированный индекс пригодности; χ^2 – хи-квадрат статистика; *df* – количество степеней свободы; χ^2/df – отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы;

CM₁ – структурная модель «Экстраверсия и растормаживание», *CM₂* – структурная модель «Невротичная враждебность», *CM₃* – структурная модель «Низкая автономность и неприятие других людей», *CM₄* – структурная модель «Принадлежность и низкая агрессивность» (описания состава моделей в тексте).

^a $p < .02$, ^b $p < .001$

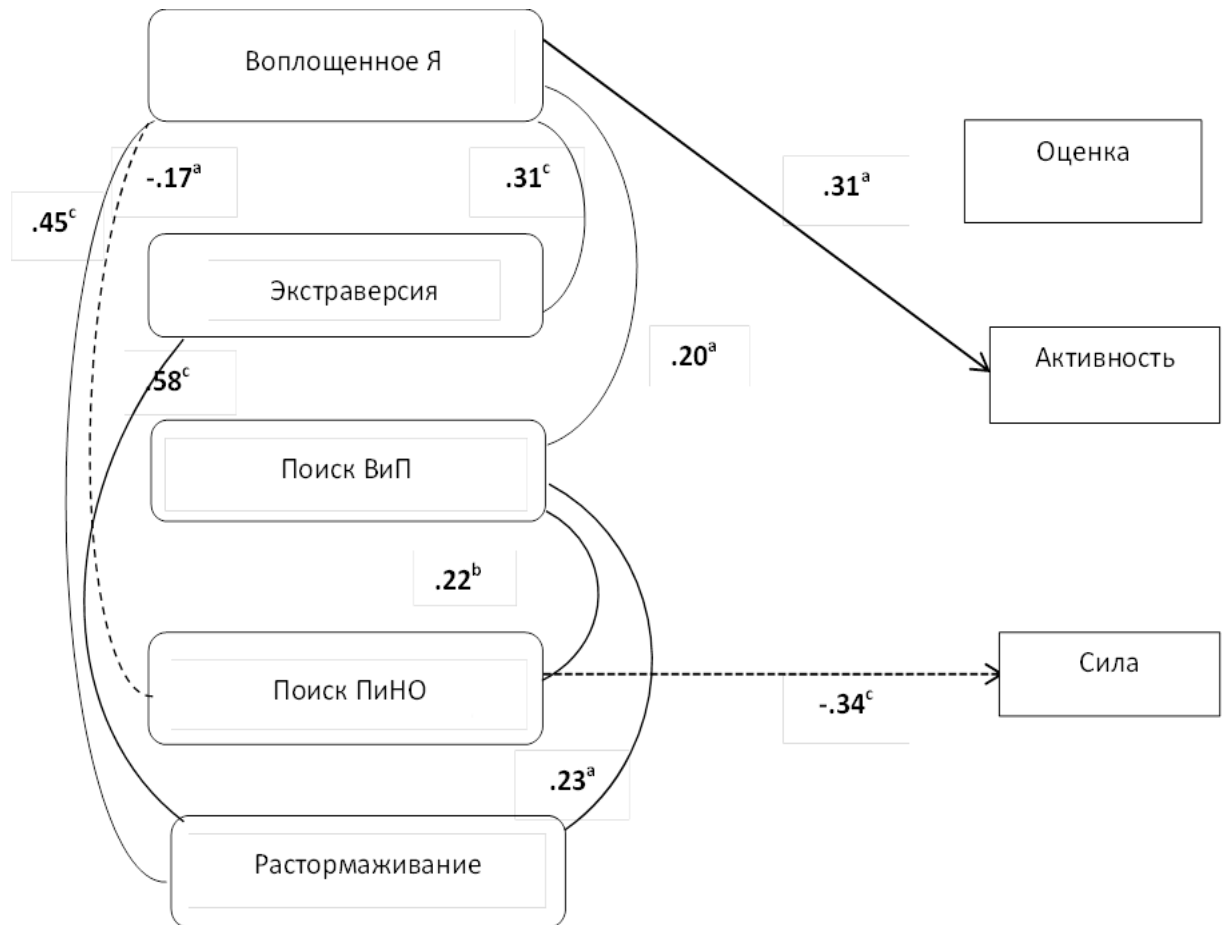
Анализ путей

Структурная модель «Экстраверсия и растормаживание» (*CM₁*)

В экзогенные факторы экстраверсии, поиска впечатлений и приключений, растормаживания Воплощенного Я вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$). В экзогенный фактор поиска переживаний и нового опыта вошли 2 манифестные переменные ($p < .001$). В эндогенные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$).

Путь с положительным коэффициентом прошел от Воплощенного Я к «Активности» (.31, $p < .02$). Также путь с отрицательным коэффициентом прошел от поиска переживаний и нового опыта к «Силе» (-.34, $p < .001$). При этом Воплощенное Я положительно коррелировало с экстраверсией (.31, $p < .001$), поиском впечатлений и приключений (.20, $p < .05$), растормаживанием (.45, $p < .001$), а также отрицательно коррелировало с поиском переживаний и нового опыта (-.17, $p < .05$). Экстраверсия положительно коррелировала с растормаживанием (.58, $p < .001$). Поиск впечатлений и приключений положительно коррелировал с поиском переживаний и нового опыта (.22, $p < .01$) и растормаживанием (.23, $p < .05$).

Диаграмма путей структурной модели *CM₁* приведена на Рисунке 1.

Примечания: ^a – $p < .05$, ^b – $p < .01$, ^c – $p < .001$.

Поиск ВиП – поиск впечатлений и приключений; Поиск ПиНО – поиск переживаний и нового опыта.

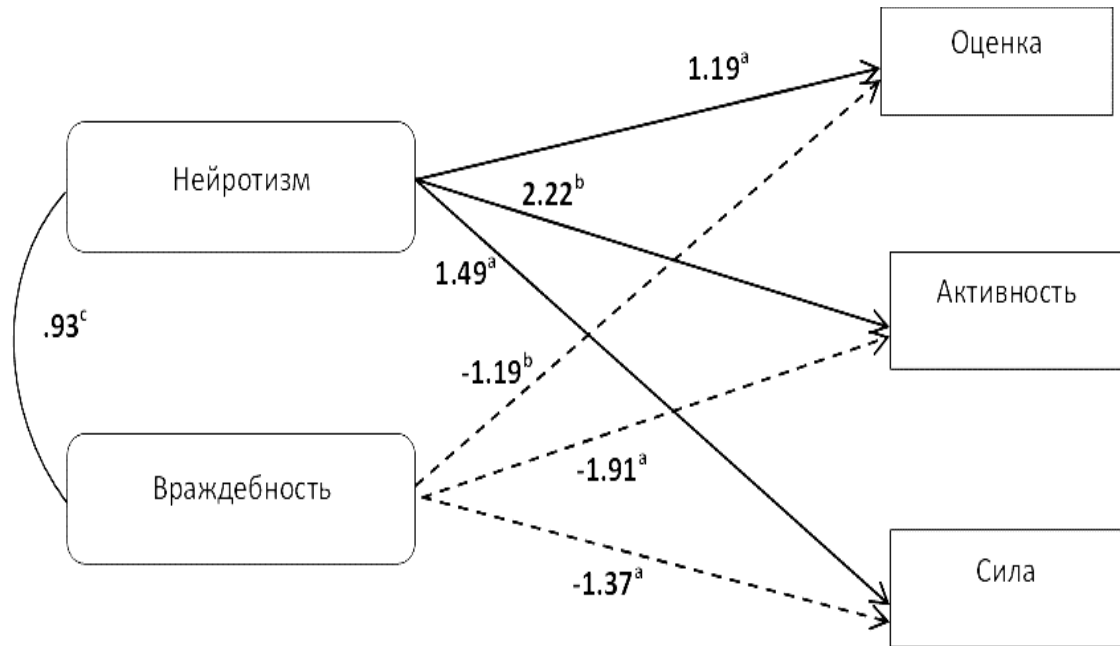
Рисунок 1. Диаграмма путей структурной модели SM_1

Структурная модель «Невротическая враждебность» (SM_2)

В экзогенные факторы нейротизма и враждебности вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$). В эндогенные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» также вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$).

Пути с положительными коэффициентами прошли от нейротизма к «Оценке» (1.19, $p < .03$), «Силе» (1.49, $p < .02$) и «Активности» (2.22, $p < .01$). Пути с отрицательными коэффициентами прошли от враждебности к «Оценке» (-1.40, $p < .01$), «Силе» (-1.37, $p < .03$) и «Активности» (-1.91, $p < .02$). При этом нейротизм положительно коррелировал с враждебностью (.93, $p < .001$).

Диаграмма путей структурной модели SM_2 приведена на Рисунке 2.

Примечания: ^a – $p < .05$, ^b – $p < .01$, ^c – $p < .001$

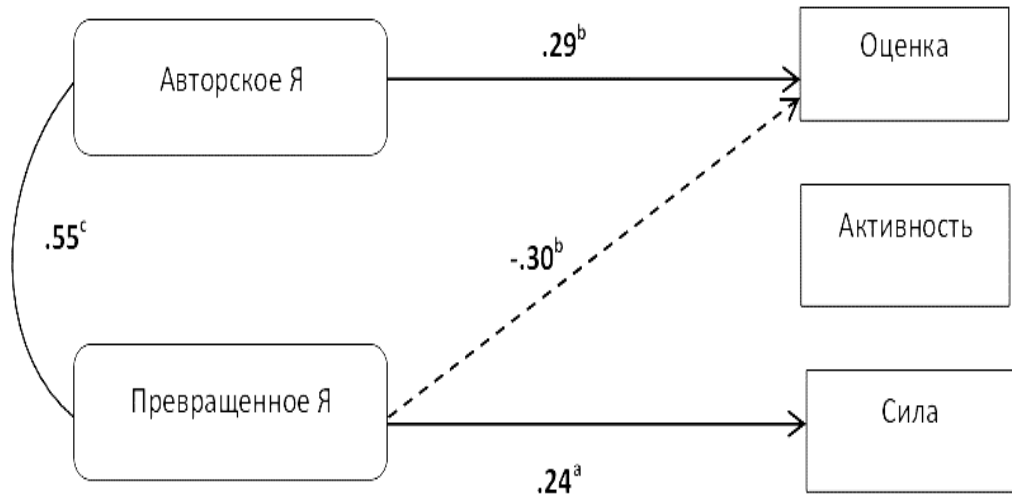
Рисунок 2. Диаграмма путей структурной модели SM_2

Структурная модель «Низкая автономность и неприятие других людей» (SM_3)

В экзогенные факторы Авторского Я и Превращенного Я вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$). В эндогенные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» также вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$).

Путь с положительным коэффициентом прошел от Авторского Я к «Оценке» (.29, $p < .02$), а также путь с отрицательным коэффициентом прошел от Превращенного Я к «Оценке» (-.30, $p < .02$). Путь с положительным коэффициентом прошел от Превращенного Я к «Силе» (в тенденции: .24, $p < .09$). При этом Авторское Я положительно коррелировало с Превращенным Я (.55, $p < .001$).

Диаграмма путей структурной модели SM_3 приведена на Рисунке 3.

Примечания: ^a – $p < .09$, ^b – $p < .05$, ^c – $p < .001$

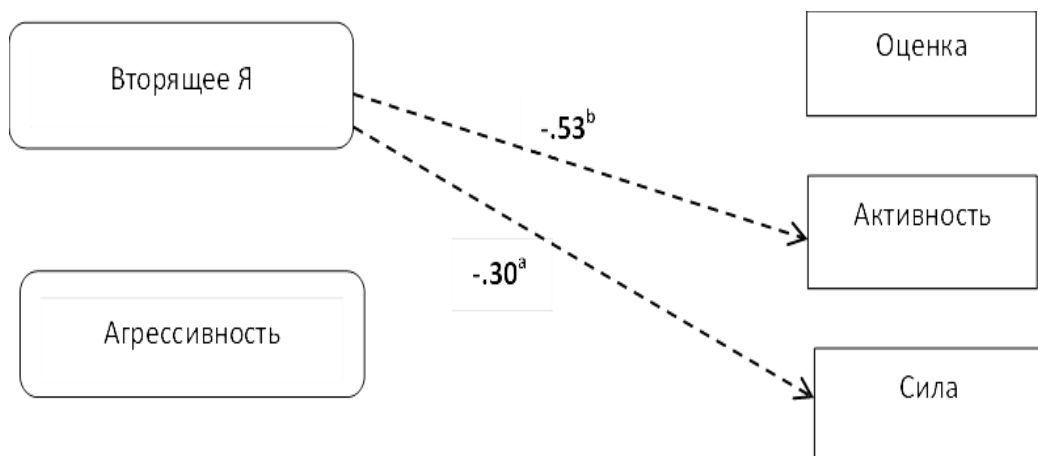
Рисунок 3. Диаграмма путей структурной модели SM_3

Структурная модель «Принадлежность и низкая агрессивность» (SM_4)

В экзогенные факторы Вторящего Я и агрессивности вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$). В эндогенные факторы изменений психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценки», «Силы», «Активности» также вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$).

Пути с отрицательными коэффициентами прошли от Вторящего Я к «Силе» ($-.30$, $p < .01$) и «Активности» ($-.53$, $p < .001$). При этом Вторящее Я и агрессивность не коррелировали.

Диаграмма путей структурной модели SM_4 приведена на Рисунке 4.

Примечания: ^a – $p < .01$, ^b – $p < .001$.

Рисунок 4. Диаграмма путей структурной модели SM_4

Сравнение структурных моделей

Сравним пригодность структурных моделей по тесту хи-квадрат на различия. Поскольку степени свободы структурных моделей $SM_2 - SM_4$ были равны, они сравнивались со структурной моделью SM_1 . Соответствующие данные приведены в Таблице 14.

Таблица 14. Сравнение моделей вкладов черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций

Модели	χ^2	<i>df</i>	Сравнение моделей	$\Delta\chi^2$
SM_1	293.05	227	-	
SM_2	110.32	83	χ^2_{2c} vs χ^2_{1c}	182.73 ^a
SM_3	133.09	83	χ^2_{3c} vs χ^2_{1c}	159.96
SM_4	110.14	83	χ^2_{4c} vs χ^2_{1c}	182.91 ^a

Примечания: χ^2 – хи-квадрат статистика; *df* – количество степеней свободы; $\Delta\chi^2$ – различия моделей по хи-квадрат статистике; SM_1 – первая структурная модель, SM_2 – вторая структурная модель, SM_3 – третья структурная модель, SM_4 – четвертая структурная модель.

^a $p < .02$

Структурная модель SM_2 была пригоднее модели SM_1 : $\Delta\chi^2$ (144, $N = 144$) = 182.73, $p < .02$. Структурная модель SM_3 не была пригоднее модели SM_1 : $\Delta\chi^2$ (144, $N = 144$) = 159.96, $p > .05$. Структурная модель SM_{4c} была пригоднее модели SM_1 : $\Delta\chi^2$ (144, $N = 144$) = 182.91, $p < .02$. Следовательно, структурные модели SM_2 и SM_4 были пригоднее структурной модели SM_1 . Вместе с тем сравнение моделей SM_2 , SM_3 и SM_4 оказалось невозможным, так как они имели одинаковые степени свободы.

3.5. Обсуждение

Были получены 3 группы результатов в рамках решения поставленных задач и тестирования соответствующих исследовательских гипотез.

Первая группа результатов свидетельствовала о том, что психосемантические ассоциации кинофильма со сценами насилия изменялись в сравнении с фильмом без сцен насилия. Изменения по шкале «Оценка»

показывали смещения ассоциаций к полюсу негативной валентности, а изменения по шкалам «Сила» и «Активность» – об усилении выраженности ассоциаций. Эти данные поддержали соответствующую гипотезу исследования. Также было установлено, что «Оценка», «Сила» и «Активность» складываются в структуру с 3-мя ортогональными факторами. Эти данные тоже поддержали соответствующую гипотезу исследования.

Вторая группа результатов свидетельствовала о том, что экстраверсия, нейротизм, психотизм (Айзенк, 1999), поиск ощущений (Zuckerman, 2007), агрессивность и враждебность (Buss, & Perry, 1992), субмодальности полимодального Я (Дорфман, 2004), как правило, значимо коррелировали. Вместе с тем только показатель нейротизма значимо коррелировал с изменениями ассоциаций по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность», показатели психотизма, поиска переживаний и нового опыта, враждебности – с изменением ассоциаций по шкале «Оценка», показатель Превращенного Я – с изменением ассоциаций по шкале «Активность». Эти данные поддержали соответствующую гипотезу исследования частично.

Третья группа результатов (данные ANOVA) свидетельствовала о отдельных значимых взаимодействиях нейротизма, растормаживания, враждебности и Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Это свидетельствует об их встречном влиянии. Кроме того, были установлены специфические эффекты высоких уровней выраженности этих переменных, а также психотизма и Воплощенного Я на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Вместе с тем переменные экстраверсии, поиска впечатлений и приключений, поиска переживаний и нового опыта, агрессивности, Авторского Я и Вторящего Я не производили отдельные влияния на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Эти данные поддержали соответствующую гипотезу исследования частично.

Данные структурного моделирования свидетельствовали о том, что общая структурная модель, в которую вошли бы все черты личности, субмодальности Я-

концепции и изменения психосемантических ассоциаций, не является пригодной. То есть гипотеза об их общей структуре не получила эмпирической поддержки. Вместе с тем эмпирическую поддержку получила гипотеза о том, что возникает не одна универсальная интеграция изучаемых черт личности и субмодальностей Я-концепции с психосемантическими ассоциациями кинофильма со сценами насилия, а несколько умеренных (локальных) интеграций. Выделялись 4 статистически пригодные структурные модели «Экстраверсия и растормаживание», «Невротическая враждебность», «Низкая автономность и неприятие других людей», «Принадлежность и низкая агрессивность».

Чем объяснить полученные результаты? Условно выделим несколько вопросов и рассмотрим их по отдельности. Потом попытаемся обозначить их общий теоретический контекст.

Во-первых, попытаемся объяснить изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Во-вторых, предложим интерпретацию выборочности показателей черт личности и Я-концепции в их корреляциях с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Сюда же отнесем результаты отдельных влияний черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия по данным дисперсионного анализа. В-третьих, рассмотрим совместные влияния черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия и в связи с этим поднимем вопрос об универсальных и умеренных (локальных) интеграциях. В-четвертых, в поисках общего теоретического контекста полученных результатов обратимся к активации.

1. Изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

В терминах СД, изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия можно рассматривать по трем линиям: оценки, силы, активности.

В нашем исследовании значения шкалы «Оценки» кинофильма со сценами насилия свидетельствуют о том, что у зрителей активируется негативное эмоциональное отношение. Эти результаты согласуются с данными научной литературы о том, что восприятие сцен насилия сопровождается активацией негативных мыслей, эмоций и переживаний (Харрис, 2003; Anderson et al, 2003; Anderson, & Bushman, 2001; Cantor, 1996; Cantor, & Oliver, 1996; Harris, & Sanborn, 2013; Unz et al., 2008).

В нашем исследовании значения шкал «Силы» и «Активности» возрастали у зрителей кинофильма со сценами насилия. Эти результаты согласуются с данными о том, что восприятие сцен насилия в СМИ сопровождается повышением возбуждения, раздражения, гневливости (Берковиц, 2007; Anderson et al, 2003; Bushman, & Geen, 1990; Unz et al., 2008). Эмоция гнева не обязательно ведет к агрессии (Берковиц, 2007; Buss, 1961), но связана с ростом психического напряжения и активности (Дорфман, 1997). Также показано, что кинофильмы ужасов повышают уровень энергетике зрителей по шкалам «Силы» и «Активности» (Lipscomb, & Kendall, 1994; Marshall, & Cohen, 1988; Sirius, & Clarke, 1994). Эти результаты отражают известный феномен психоэмоционального напряжения зрителей фильмов ужасов и триллеров с множеством реалистичных сцен насилия (Винтерхофф-Шпурк, 2015). В терминах субъективной семантики Е. Ю. Артемьевой (1999), основой негативных ассоциаций сцен насилия в кинофильмах может быть напряжение в семантическом слое субъективного мира.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о структуре изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Мы установили, что эта структура складывается из 3-х ортогональных факторов: «Оценки», «Силы» и «Активности». В этой связи представляет определенный интерес интерпретация шкал СД А. М. Эткиндома (1979) в рамках пространственно-временной теории психических процессов Л. М. Веккера (1998). Согласно А. М. Эткинду (1979), «Оценка» отображает смысл, «Активность» – время, а «Сила» – пространство. В этих терминах, полученные данные можно

понимать как сочетание негативно заряженного смысла с ускорением психического времени и расширением психического пространства, которые возникают у зрителей в ответ на предъявление сцен насилия в кинофильме. Иначе говоря, психосемантические ассоциации кинофильма со сценами насилия можно понимать как особое состояние сознания зрителей, которое связано со смещениями и модификациями субъективных смысла, времени и пространства. С другой стороны, смысл, время и пространство представляют самостоятельные категории, и потому они могут объяснять ортогональную структуру «Оценки», «Силы» и «Активности».

В целом, полученные нами результаты об изменениях психосемантических ассоциациях кинофильма со сценами насилия вписываются в контекст общепсихологической проблемы аффективных значений и влияния их на сознание (Артемьева, 1999; Дорфман, 1997; Петренко, 2009, 2013; Шмелев, 2002; Эткинд, 1979; Dorfman, 2016; Osgood, 1962, 1966).

2. Выборочность показателей черт личности и Я-концепции в их корреляциях с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Наши данные свидетельствуют о том, что нейротизм способствует усилению общей тенденции: у зрителей активизируется негативное эмоциональное отношение (по шкале «Оценка»), а сила (по шкале «Сила») и активность (по шкале «Активность») возрастают. Показатели психотизма и поиска переживаний и нового опыта тоже способствовали усилению негативного эмоционального отношения, но показатель враждебности, наоборот, способствовал снижению негативного эмоционального отношения. Показатель Превращенного Я способствовал росту активности. Другие черты личности и субмодальности Я-концепции значимо не коррелировали со шкалами «Оценка», «Сила», «Активность» в СД. Эти результаты показывают выборочность показателей черт личности и Я-концепции в их корреляциях с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Одни черты личности и субмодальности Я-концепции теснее, чем другие, коррелировали с изменениями

психосемантических ассоциаций. Отдельные черты личности и субмодальности Я (экстраверсия, поиск впечатлений и приключений, растормаживание, агрессивность, Авторское Я, Воплощенное Я, Вторящее Я) вообще не коррелировали с изменениями психосемантических ассоциаций ни по одной шкале.

Вряд ли эти результаты можно рассматривать как окончательные, поскольку попарные корреляции учитывают связи только отдельных черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций. Ведь вне поля внимания остаются связи отдельных черт личности и Я-концепции между собой. Учет этого обстоятельства может изменить общую картину результатов.

Несколько иные результаты показал дисперсионный анализ. ANOVA свидетельствовал о отдельных значимых взаимодействиях нейротизма, растормаживания, враждебности и Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Это свидетельствует об их встречном влиянии. Также были установлены специфические эффекты высоких уровней выраженности этих переменных, как и психотизма и Воплощенного Я, на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Вместе с тем переменные экстраверсии, поиска впечатлений и приключений, поиска переживаний и нового опыта, агрессивности, Авторского Я и Вторящего Я не производили отдельные влияния на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

Хотя результаты ANOVA были несколько богаче корреляционного анализа, опять-таки отдельные влияния нейротизма, психотизма, растормаживания, враждебности, Превращенного Я и Воплощенного Я и изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия оказались ограниченными. Можно предположить, что новые данные приносят не отдельные, а совместные вклады черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

3. Совместные вклады черт личности и Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Черты личности и субмодальности Я-концепции производили вклады в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия не только раздельно, но и совместно. Они не объединялись в общую единую структуру, а складывались в несколько локальных независимых структур. При структурном моделировании, как уже отмечалось, были установлены 4 статистически пригодные модели совместных вкладов черт личности и субмодальностей Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия: «Экстраверсия и растормаживание», «Невротичная враждебность», «Низкая автономность и неприятие других людей», «Принадлежность и низкая агрессивность». Эти модели отличались по составу и направлением путей к «Оценке», «Активности» и «Силе».

Важно отметить, что попарные корреляции учитывают связи только черт личности и Я-концепции по отдельности с изменениями психосемантических ассоциаций. Попарные корреляции свидетельствуют о связях в слое наблюдаемых переменных. Структурное моделирование, наоборот, позволяет устанавливать латентные факторы и их отношения. Это слой латентных факторов. Результаты же ANOVA занимают как бы промежуточное положение между наблюдаемым и латентным слоями. Значит, раздельные связи черт личности и Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия (диверсификация) обнаруживаются по преимуществу в слое наблюдения, а их совместные вклады (интеграция) – в латентном слое. Можно предположить, что объединение черт личности и Я-концепции в латентном слое достигается благодаря установлению их общности. Причем, они возникают на основе умеренных (локальных), а не глобальных интеграций. Каковы же их особенности?

Наши данные показывают, что в значительной степени умеренные (локальные) интеграции характеризуются кросс-теоретичностью. Обратимся к установленным нами структурным моделям совместных вкладов черт личности и

субмодальностей Я-концепции в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. В структурную модель «Экстраверсия и растормаживание» вошли факторы Воплощенного Я (по Дорфману), экстраверсии (по Айзенку), поиска впечатлений и приключений, поиска переживаний и нового опыта, растормаживания (по Цукерману). Иначе говоря, основой этой модели служили несколько разных теорий. В структурную модель «Невротичная враждебность» вошли факторы нейротизма (по Айзенку) и враждебности (по Бассу–Дарки). Эта модель тоже опиралась на несколько теорий. В структурную модель «Принадлежность и низкая агрессивность» вошли факторы Вторящего Я (по Дорфману) и агрессивности (по Бассу–Дарки). И эта модель опиралась на несколько теорий. Только модель «Низкая автономность и неприятие других людей» была монотеоретической. Она опиралась на одну теорию – полимодального Я (по Дорфману).

Следовательно, 3 структурные модели из 4-х носили кросс-теоретический характер, а 1 модель была монотеоретической. Эти результаты можно интерпретировать как свидетельства преобладания кросс-теоретичности против монотеоретичности. Можно предположить, что несколько теорий частично пересекаются и объединяются внутри структурных моделей благодаря наличию у них общего основания и в согласии с принципом дополнительности (Юревич, 2005). Наличие кросс-теоретичности – это важное условие образования умеренных интеграций.

Следующий вопрос касается сравнения умеренных интеграций. Статистически, общепринятым является подход, когда выбирается наиболее пригодная модель из нескольких (Tomarken & Waller, 2003). В нашей работе статистически наиболее пригодной была модель «Невротичная враждебность». Однако, другие структурные модели тоже имели приемлемую пригодность. Мы предлагаем учитывать не только «лучшую», но и «хорошие» модели. Тогда в поле внимания попадает новый теоретический контекст. Мы уподобляем его структурной изомерии: исходный набор черт личности и Я-концепции может приводить к образованию нескольких структур и открытию, следовательно,

нескольких качественно разных явлений (Дорфман, 2016; Дорфман, Дубровский, Андруник, Цариев, Лядов, 2017; Дорфман, Лядов, 2015). Предположительно, установленные нами 4 структурные модели указывают как раз на качественно разные явления.

Далее нужно отметить, что структурные модели можно рассматривать как ортогональные. Об этом свидетельствуют результаты эксплораторного факторного анализа. В частности, выделялись 4 ортогональных фактора. На их основе устанавливались состав и пригодность измерительных, а затем структурных моделей. В этом контексте выделенные нами 4 структурные модели можно рассматривать как параллельные, – в том смысле, что они не зависят друг от друга. Отсюда можно предположить, что в личности и Я-концепции имеется несколько независимых и расходящихся кросс-теоретических источников, приводящих к изменениям психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Но если в личности и Я-концепции имеется несколько независимых и расходящихся источников влияний, значит, можно предположить наличие нескольких каналов их влияний на изменения психосемантических ассоциаций.

Наконец, обратим внимание на то, что между чертами личности и субмодальностями Я-концепции, с одной стороны, и изменениями психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия, с другой, наблюдались встречные влияния. Это может означать, что «Оценка», «Сила», «Активность» обладают признаками изменчивости и пластичности. Во-первых, они, так сказать, изменяются, подстраиваясь под разные структуры личности и Я-концепции. Во-вторых, они пробуждают и актуализируют релевантные им черты личности и субмодальности Я-концепции.

4. Активация как интегрирующий (сквозной) конструкт влияний личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия

Предположительно, разнообразные влияния личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия могут иметь общую основу. Ею может быть конструкт активации.

В главе 1 (§ 1.2.) отмечалось, что активация – это один из механизмов пробуждения активности многих физиологических и психологических систем в ответ на разнообразные виды стимуляции (Picard, Fedor, & Ayzenberg, 2015; Thayer, 1989). Люди стремятся усилить или ослабить уровень своей активации. Недоактивированные личности ищут в своем окружении стимулы для усиления уровня своей активации, а сверхактивированные личности, наоборот, ищут стимулы для ослабления уровня своей активации (Reeve, 2009; Revelle & Loftus, 1990).

Согласно нашим данным, вклад активации в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия может касаться появления негативных мыслей, эмоций и переживаний (по шкале «Оценка»). Они сопровождаются ростом возбуждения и раздражения (по шкалам «Силы» и «Активности»). Не исключено, что «валентная» «энергетическая» активации характеризуют ее разные механизмы.

Рассмотрим под углом зрения активации выделенные в нашей работе 4 структурные модели влияния личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия: «Экстраверсия и растормаживание», «Невротичная враждебность», «Низкая автономность и неприятие других людей», «Принадлежность и низкая агрессивность».

Наши данные свидетельствуют о том, что в структурной модели «Экстраверсия и растормаживание» экстраверсия через Воплощенное Я производит вклад в изменения психосемантических ассоциаций по линии «Активность». Растормаживание, наоборот, через Воплощенное Я производит вклад в изменения психосемантических ассоциаций по линии «Сила». Экстраверты находятся в поиске усиления интенсивности внешней стимуляции, а интроверты, наоборот, в поиске ее снижения (Eysenck, 1967). Значит, экстраверсия может усиливать активность психосемантических ассоциаций для

роста внешней стимуляции. В свою очередь, растормаживание может показывать хроническое недовозбуждение и потому поиск внешних стимулов по новизне (Zuckerman, 1991). Следовательно, может иметь известная диссоциация механизмов активации по экстраверсии и растормаживанию. Но их диссоциация исходит все же из общего корня – объяснительного конструкта активации.

В структурной модели «Невротическая враждебность» нейротизм производит положительный вклад в изменения психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность», а враждебность – отрицательный вклад в ассоциации по этим же шкалам. При этом нейротизм и враждебность положительно коррелируют. Это может означать, что они вступают в компенсаторные отношения. Действительно, люди с высоким уровнем нейротизма кортикально активированы (Eysenck & Eysenck, 1985) и обусловлены уровнем напряжения активации (Thayer, 1989). Это приводит к усилению выраженности «Оценки», «Силы», «Активности». Враждебность, наоборот, в условиях трансфера активации ухудшает когнитивное функционирование (Zillmann, 2006). Это ухудшает чувствительность к сценам насилия, что проявляется в снижении выраженности «Оценки», «Силы», «Активности».

В структурной модели «Принадлежность и низкая агрессивность» Вторящее Я производит отрицательные вклады в изменения психосемантических ассоциаций по «Активности» и «Силе». Эти вклады совершаются в присутствии агрессивности, но сама по себе агрессивность не производит какие-либо вклады в изменения ассоциаций. Возможно, Вторящему Я присуща сверхактивированность. Поэтому оно ослабляет энергетику активации, снижая степень выраженность психосемантических ассоциаций. Их отношения можно уподобить сверхактивированным личностям, которые ищут стимулы для ослабления уровня своей активации (Reeve, 2009; Revelle & Loftus, 1990).

В структурной модели «Низкая автономность и неприятие других людей» Авторское Я производит положительный вклад в «Оценку», Превращенное Я – отрицательный вклад в изменения психосемантических ассоциаций по «Оценке» и положительный вклад по «Силе». При этом Авторское Я и Превращенное Я

положительно коррелируют. Поскольку Авторское Я связано с экстраверсией (Дорфман, Быков, Гольдберг, 2000), можно предположить, что Авторское Я усиливает негативную валентность психосемантических ассоциаций для роста внешней стимуляции. Поскольку Превращенное Я сопрягается со снижением психотизма (Дорфман, Быков, Гольдберг, 2000), можно предположить, что Превращенное Я способствует усилению кортикального торможения субкортикальной активации. Эти отношения проявляются в меньшей негативности психосемантических ассоциаций (по «Оценке») и снижению степени их выраженности (по «Силе»).

В конечном итоге, разнообразные латентные влияния личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия могут иметь единый объяснительный конструкт – активацию. Предположительно, активация выступает в роли интегрирующего (сквозного) конструкта. Но он имеет не один, а несколько механизмов и, соответственно, несколько систем активации.

Выводы

Проведенное исследование в основном подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы:

1. Эмпирически установлено, что психосемантические ассоциации кинофильма со сценами насилия изменялись в сравнении с кинофильмом без сцен насилия. Изменения по шкале «Оценки» смещались к негативному полюсу, а изменения по шкалам «Силы» и «Активности» – усиливались.

2. Изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия складываются в структуру с тремя ортогональными факторами «Оценки», «Силы», «Активности».

3. Экстраверсия, нейротизм, психотизм, поиск ощущений, агрессивность и враждебность, субмодальности полимодального Я значимо коррелируют между собой. При этом только показатель нейротизма значимо коррелировал с изменениями психосемантических ассоциаций по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность», показатели психотизма, поиска переживаний и нового опыта, враждебности – с изменением ассоциаций по шкале «Оценка», показатель Превращенного Я – с изменением ассоциаций по шкале «Активность».

4. Установлены отдельные значимые взаимодействия нейротизма, растормаживания, враждебности и Превращенного Я и изменений психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Эти взаимодействия свидетельствуют об их встречных влияниях.

5. Показано, что высокий уровень выраженности нейротизма, растормаживания, враждебности, Превращенного Я, а также психотизма и Воплощенного Я влияют на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия.

6. Установлено, что возникает не одна универсальная интеграция черт личности, субмодальностей Я с психосемантическими ассоциациями кинофильма со сценами насилия, а несколько умеренных (локальных) независимых

интеграций. Выделились 4 умеренные интеграции: «Экстраверсия и растормаживание», «Невротичная враждебность», «Низкая автономность и неприятие других людей», «Принадлежность и низкая агрессивность». Они отличались как по составу черт личности и субмодальностей полимодального Я, так и по направлению путей к изменениям психосемантических ассоциаций.

7. Выявлено, что умеренные интеграции в основном характеризуются кросс-теоретичностью. Три из четырех интеграций опирались на несколько теорий, и только одна – на одну теорию. Это свидетельствует в пользу того, что пересечения и объединения показателей черт личности и Я-концепции из разных теорий происходят благодаря наличию у них некоторого общего основания.

8. Установленные нами умеренные интеграции трактуются как маркеры качественно разных явлений. Их можно рассматривать как параллельные, в смысле, независимые друг от друга. По-видимому, в личности и Я-концепции имеются несколько независимых источников, производящих изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия. Поскольку между чертами личности и Я-концепцией, с одной стороны, и изменениями психосемантических ассоциаций, с другой, наблюдались встречные влияния, полагается, что ассоциации могут подстраиваться под разные структуры личности и Я-концепции, а последние – под разные ассоциации.

9. Предложено и обосновано положение о том, что единым объяснительным конструктом результатов совместных влияний черт личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия является активация. Она выступает как интегрирующий конструкт, но имеющий не один, а несколько механизмов. Сцены насилия в кинофильмах активируют разные черты личности и субмодальности Я-концепции, которые, в свою очередь, могут побуждать человека к поиску кинофильмов со сценами насилия.

10. Все поставленные задачи решены, большинство гипотез получило эмпирическую поддержку.

Заключение

Настоящая работа была посвящена изучению влияния личностных черт и Я-концепции на психосемантические ассоциации зрителей художественных кинофильмов со сценами насилия. Теоретико-эмпирический анализ этой проблемы позволил выявить нерешенные проблемы. Исследования восприятия медианасилия ведутся в рамках теорий научения, активации и возбуждения, когнитивных и аффективных ассоциаций, сенсбилизации и десенсбилизации, катарсиса и других. Однако ни одна из этих теорий не фокусируется на общепсихологическом вопросе о том, как диспозиции личности, которые характеризуются устойчивостью, стабильностью и кросс-ситуативностью, взаимодействуют с восприятием медианасилия, которое характеризуется изменчивостью, подвижностью, ситуативностью. Большинство современных исследований посвящено изучению роли отдельных черт личности или Я-концепции, а не их совместных вкладов в восприятие медианасилия. До сих пор недоосмыслена и недостаточно изучена теоретическая и эмпирическая проблема пределов возможной интеграции (дезинтеграции) устойчивых особенностей личности с ситуативным восприятием медианасилия. Исследования в этой области носят по преимуществу разрозненный характер и нуждаются в дополнительных интегративных исследовательских стратегиях. В нашем диссертационном исследовании предпринята попытка восполнить, в некоторой степени, образовавшиеся здесь пробелы.

Целостный (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. А. Барабанщиков, Б. А. Вяткин, А. А. Деркач, В. С. Мерлин, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, Д. В. Ушаков, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков) и системный подход (В. А. Барабанщиков, Л. Я. Дорфман, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, Я. А. Пономарев, Е. С. Самойленко), психосемантика и психология субъективной семантики (Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев), концепция метаиндивидуального мира и полимодальный подход к Я-концепции (Л. Я. Дорфман) позволили

сформировать и обосновать авторский концептуальный подход к исследованию влияния черт личности и Я-концепции на психосемантические ассоциации зрителей художественных кинофильмов со сценами насилия. Теоретически показано, что влияния личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций зрителей кинофильма со сценами насилия основаны на кросс-теоретичности. Активация выступает общим понятием, интегрирующим теории личности, Я-концепции и аффективных значений воедино.

Были получены следующие основные результаты исследования. Психосемантические ассоциации кинофильма со сценами насилия изменялись в сравнении с психосемантическими ассоциациями кинофильма без сцен насилия. Изменения по шкале «Оценка» показывают смещения ассоциаций к полюсу негативной валентности, а изменения по шкалам «Сила» и «Активность» – об усилении выраженности ассоциаций. Установлено, что шкалы «Оценка», «Сила» и «Активность» образуют ортогональные факторы. Экстраверсия, нейротизм, психотизм, поиск ощущений, агрессивность и враждебность, субмодальности полимодального Я взаимно коррелируют. Однако только показатель нейротизма значимо коррелировал с изменениями ассоциаций по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность», показатели психотизма, поиска необычных ощущений, враждебности – с изменением ассоциаций по шкале «Оценка», показатель Превращенного Я – с изменением ассоциаций по шкале «Активность». Установлено, что черты личности и субмодальности Я-концепции производят вклады в изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия как отдельно, так и совместно. Не обнаружено универсальной структуры, в которую одновременно вошли бы все черты личности, субмодальности Я-концепции и изменения психосемантических ассоциаций. Однако выявлено несколько умеренных (локальных) интеграций черт личности и субмодальностей Я-концепции с изменениями психосемантических ассоциаций.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существовании нескольких систем активации, которые интегрируют совместные вклады черт

личности и Я-концепции, с одной стороны, и изменения психосемантических ассоциаций кинофильма со сценами насилия, с другой. Эти интеграции можно рассматривать как параллельные, поскольку в личности и Я-концепции имеется несколько независимых источников и соответственно каналов влияния на изменения психосемантических ассоциаций. В качестве таких источников могут выступать экстраверсия и растормаживание, невротичная враждебность, низкая автономность и неприятие других людей, принадлежность и низкая агрессивность. Тем самым настоящей работой внесен определенный вклад в развитие и расширение теоретических взглядов на проблематику взаимодействия устойчивых особенностей личности и ситуативного восприятия сцен насилия в кинофильмах. Перспективным направлением будущих исследований может быть поиск похожих механизмов взаимодействия особенностей черт личности и особенностей восприятия других продуктов масс-медиа, а также пол и возраст зрителей, слушателей, участников видеоигр.

Результаты нашего исследования имеют прикладное и практическое значение в аспекте социально-психологической и педагогической экспертизы продуктов масс-медиа (художественных кинофильмов, телевизионных сериалов, компьютерных и видеоигр, рекламных сообщений на телевидении и в Интернет). Они могут использоваться в учебно-воспитательном процессе подготовки специалистов-психологов, социальных работников и педагогов для иллюстрации темы агрессии, насилия и девиантного поведения.

Можно наметить некоторые перспективные направления будущих исследований.

1. Репликация исследования на иных медиапродуктах, содержащих сцены насилия. Наиболее перспективными продуктами являются телесериалы и видеоигры.

2. Исследование вкладов черт личности и Я-концепции в поведенческие последствия восприятия медианасилия (агрессия, асоциальное или просоциальное поведение).

3. Эмпирическое тестирование активационной гипотезы как общей основы разнообразных влияний личности и Я-концепции на изменения психосемантических ассоциаций различных продуктов СМИ, содержащих сцены насилия.

4. Расширение диагностических критериев для оценки воздействия медианасилия и поиск релевантных методик для изучения этого воздействия на когнитивную и аффективную сферу зрителей.

5. Поиск устойчивых взаимодействий личностных особенностей и особенностей восприятия медианасилия с целью создания диагностических методов, которые позволяли бы по ситуативным выборам и реакциям на продукты масс-медиа надежно судить о личностных особенностях.

6. Изучение взаимодействия когнитивных и эмоциональных стилей с особенностями восприятия медианасилия.

7. Изучение вкладов иных личностных особенностей личности (самоактуализации, жизненных стилей, локуса контроля, мотивации) в особенности восприятия медианасилия.

8. Изучение взаимодействия черт личности и Я-концепции и восприятия насилия в произведениях искусства (литература, живопись, киноискусство), а не только в продуктах масс-медиа.

9. Изучение вкладов пола и гендера во взаимодействие черт личности и Я-концепции в восприятие медианасилия.

10. Изучение возрастных различий (подростковый, юношеский, взрослость) взаимодействия черт личности и Я-концепции с восприятием медианасилия.

Литература

Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности / К. А. Абульханова // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 1. – С. 32–43.

Акопов Г. В. Проблема сознания в российской психологии. Отечественная платформа / Г. В. Акопов. – Самара: СГПУ, 2006. – 208 с.

Акопов Г. В. Проблема сознания в современной психологии. Зарубежные подходы / Г. В. Акопов – Самара: СГПУ, 2007. – 117 с.

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. – СПб: ДНК, 2000. — 528 с.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания – СПб.: Питер, 2010. – 288 с.

Андерсон Дж. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.

Анциферова Л. И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблемы субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. – М.: Академический проект, 2000. – С. 27–42.

Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Наука, Смысл, 1999. – 350 с.

Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.

Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. – СПб.: Питер, 2011. – 560 с.

Барабанщиков В. А. Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии, 2007. – Т. 2, Вып. 1. – С. 86–99.

Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Том 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2000. – 800 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Белая О. П. Эмпирическое изучение представлений подростков об агрессивном поведении / О. П. Белая, О. В. Чурсинова // Гуманизация образования. – 2012. – № 5. – С. 27–32.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 510 с.

Берковиц Л. Насилие в масс-медиа // Л. Берковиц. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – С. 238–280.

Брайант Д., Томпсон С. Воздействие медианасилия // Д. Брайант, С. Томпсон. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004. – С. 193–214.

Брунер Дж. Психология познания. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.

Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. – 1992. – Т.13, № 6. – С. 3–12.

Брушлинский А. В. Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. – М.: Изд-во ИПРАН, 2003. – 272 с.

Булгаков С. Философия имени. – Париж: Умса-Press, 1953. – 280 с.

Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 томах. Т. 1. — М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2006а. – 448 с.

Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 томах. Т. 2. — М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2006б. – 432 с.

Винтерхофф-Шпрук П. Медиapsихология. Основные принципы. – Х.: Гуманитарный центр, 2016. – 268 с.

Вундт В. М. Введение в психологию. – М.: КомКнига, 2007. – 168 с.

Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Л. С. Выготский. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5–328.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования – М.: Национальное образование, 2016. – 368 с.

Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка / Собрание сочинений в 6 т. Т.6 – М.: Педагогика, 1984. – С. 5–90.

Вяткин Б. А. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2005. – 390 с.

Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Новые горизонты теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании / Науч. Ред. Б. А. Вяткин. – Пермь: ПГГПУ, 2016. – С. 11–17.

Гайворонская А. А. Социальные стереотипы относительно экстремизма (психосемантический подход) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 3(19). – С. 67–74.

Грачева А. М., Нистратов А. А., Петренко В.Ф., Собкин В. С. Психосемантический анализ понимания мотивационной структуры поведения киноперсонажа // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 123–131.

Гриффин Э. Теория культивации Джорджа Гербнера // Э. Гриффин. Коммуникация: теория и практики – Х.: Гуманитарный центр, 2015. – С. 487–500.

Грязева-Добшинская В. Г. Особенности воздействия фильмов-экранизаций на зрителей (кросс-культурный аспект) / Е. И. Колтунов, В. А. Глухова, В. Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2017. – Т.10, №3. – С. 21–28. DOI: 10.14529/psy170302

Грязева-Добшинская В. Г. Психология воздействия современного символического киноискусства: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В. Г. Грязева-Добшинская. – М.: ПИ РАО, 2004. – 43 с.

Грязева-Добшинская В. Г. Синергия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидерства // Психология интеллекта и творчества: Традиции инновации. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 298–308.

Грязева-Добшинская В. Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы / В. Г. Грязева-Добшинская. – М.: Академический проект, 2002. – 401 с.

Грязева-Добшинская В. Г. Феномены субъектности в современном искусстве / В. Г. Грязева-Добшинская // Вопросы психологии. – 2006. – №1. – С. 93–104.

Данина М. М. Проблемы диагностики субъективных семантических пространств / М. М. Данина, Н. В. Кисельникова, А. А. Кисельников // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9., №2. – С. 86–102.

Деркач А. А. Субъект: формы, механизмы и пути развития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 372 с.

Джеймс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991.– 368 с.

Джидарьян И. А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. – М.: Наука, 1988. – С. 56–88.

Дорфман Л. Дивергенция и конструкт Я // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002. – С. 141–184.

Дорфман Л. Дуальная модель дисциплины / Л. Дорфман, А. Дубровский, А. Андруник, Е. Цариев, В. Лядов // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2017. – №4. – С. 226–235.

Дорфман Л. Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13, №1. – С. 115–153.

Дорфман Л. Я. Личностные особенности восприятия художественных кинофильмов со сценами насилия / Л. Я. Дорфман, М. В. Зубакин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Т.6, №2. – С. 13–24.

Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальная модель дисциплинированности (на материале исследования курсантов военного вуза МВД) / Л. Я. Дорфман, В. Н. Лядов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – Т.8, №1. – С. 17–28.

Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.

Дорфман Л. Я. Многомерные модели Я и личности: эмпирические соотношения / Л. Я. Дорфман, А. Н. Быков, И. М. Гольдберг // Пасхи. – 2000. – №1. – С. 110–123.

Дорфман Л. Я. Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 1 / Л. Я. Дорфман, К. В. Злоказов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2016. – Т. 9, № 1. – С. 5–16. DOI:10.14529/psy160101

Дорфман Л. Я. Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 2 / Л. Я. Дорфман, К. В. Злоказов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2016. – Т. 9, № 2. – С. 5–13. DOI:10.14529/psy160201

Дорфман Л. Я. Поток сознания и метаиндивидуальный мир как предпосылки креативности // Современные исследования творчества / Науч. ред. Л. Я. Дорфман, Д. В. Ушаков. – Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 19–59.

Дорфман Л. Я. Психометрическая характеристика Пермского вопросника Я // Современная психодиагностика в изменяющейся России / Отв. ред. Н. А. Батулин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 48–50.

Дорфман Л. Я. Психосемантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах и депрессия зрителей / Л. Я. Дорфман, М. В. Зубакин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – Т.17, №19. – С. 20–29.

Дорфман Л. Я. Эмпирические референты метаиндивидуального мира // XIX Мерлинские чтения / Отв. ред. А. А. Волочков, Б. А. Вяткин. – Пермь: Администрация Пермской области, Пермский государственный педагогический университет, 2004а. – С. 57–58.

Дорфман Л. Я. Я–концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004б. – С. 96–123.

Дорфман Л. Я., Гольдберг И. М. Дискриминация субмодальностей Я по семантическим оценкам местоимений // Психология субъективной семантики в

фундаментальных и прикладных исследованиях / Отв. ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000а – С. 40–45.

Дорфман Л. Я., Гольдберг И. М. Семантические универсалии и коды полимодального Я // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях / Отв. ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000б – С. 9–11.

Дорфман Л. Я., Зубакин М. В. Новые данные об эмпирических референтах областей метаиндивидуального мира // XXIII Мерлинские чтения: «Активность – индивидуальность – субъект» / Научн. ред. Б. А. Вяткин. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 35–37.

Дорфман Л. Я., Рябикова М. В., Гольдберг И. М., Быков А. Н., Ведров А. А. Новая версия Пермского вопросника Я // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл.: Е. А. Малянов, Л. А. Шипицына, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2000. – С. 179–183.

Ениколопов С. Н. Агрессия в обыденной жизни / С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 493 с.

Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии. // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60–72.

Ениколопов С. Н. Психологические последствия терроризма / С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртычян // Вопросы психологии. – 2008. – № 3. – С. 71–81.

Ениколопов С. Н. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования (часть 1) / С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртычян // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 41–47.

Ениколопов С. Н. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования (часть 2) / С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртычян // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 19–24.

Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии – Самара: ПФ ИРИ РАН; СамНЦ РАН; СГПУ, 2007. – 50 с.

Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2007. – 479 с.

Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.

Зубакин М. В. Креативный потенциал и поиск ощущений личности // Психология творчества: наследие Я. А. Пономарева и современные исследования / Науч. ред. Л. Я. Дорфман, Д. В. Ушаков. – Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 103–106.

Зубакин М. В. Я-концепция, личность и восприятие сцен насилия (на материале художественных кинофильмов). Сообщение 1 / М. В. Зубакин, Л. Я. Дорфман // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2014а. – Т.7, №2. – С. 5–14.

Зубакин М. В. Я-концепция, личность и восприятие сцен насилия (на материале художественных кинофильмов). Сообщение 2 / М. В. Зубакин, Л. Я. Дорфман // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2014б. – Т.7, №3. – С. 5–13.

Игнатова Н. Л. Особенности восприятия заголовочных блоков региональных газет молодежной аудиторией // Общественные и гуманитарные науки, 2008. – С. 198–202.

Ильин Е. П. Генезис агрессии и агрессивности // Е. П. Ильин. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – С. 69–97.

Карелин А. Диагностика состояния агрессии (Опросник Басса – Дарки) // Энциклопедия психологических тестов. Общение, лидерство, межличностные отношения. – М.: АСТ, 1997. – С. 90–100.

Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психосемантика // Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998. – С. 286.

Картавенко М. В., Никулина Д. С. Психологические особенности восприятия рекламного сообщения // Известия ТРТУ. Прикладные вопросы психологии и педагогики, 2006. – С. 220–223.

Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. – СПб: Речь, 2002. – 249 с.

Климова Г. В. Гендерные особенности восприятия / Г. В. Климова // Вестник МГЛУ. – 2011. – Вып. 21 (627). – С. 189–199.

Когнитивная психология. Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЕ, 2002. – 480 с.

Крейхи Б. Насилие и агрессия в средствах массовой информации // Б. Крейхи. Социальная психология агрессии. – СПб: Питер, 2003. – С. 113–147.

Кузьмин В. П. Исторические и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3, № 3. – С. 3–14.

Леонов Н. И. Конфликтология: Учеб. пособие / Н. И. Леонов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 232 с.

Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). – М.: Смысл, 2001. – 391 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М: Политиздат, 1975. – 304 с.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1983. – 392 с.

Леонтьев Д. А. Введение в психологию искусства. – М., Изд-во Московского университета, 1998. – 111 с.

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. 2 изд. – М.: Смысл, 1997. – 64 с.

Леонтьев Д. А. Субъективно-семантические основания оценки и выбора книг массового спроса // Психология субъективной семантики: Истоки и развитие / Под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 216–232.

Леонтьев Д. А., Беляева Е. Неоднозначность воздействия выразительных средств живописи // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – М.: Наука, Смысл, 2000. – С. 411–416.

Леонтьев Д. А., Жукова Е. Ф. Эмоциональная и ценностная семантика графических портретов и фотопортретов // Психология субъективной семантики: Истоки и развитие / Под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 267–273.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. — 444 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.

Лузаков А. А. Семантическое пространство компьютерных игр: опыт реконструкции / А. А. Лузаков, Н. В. Омельченко // Научный журнал КубГАУ, 2012. – №78(04). – С. 1–10. Электронный источник: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/26.pdf>

Лурия А. Р. Речь и мышление. – М.: МГУ, 1975. – 120 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. – М. 1971. – С. 27–62.

Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. – М., 1996. – 432 с.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.

Милешкина В. А. Телевидение и его влияние на насилие над ребенком в современной российской семье / В. А. Милешкина // Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 12. Вып. 2. – С. 75–86. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.206

Омельченко Н. В. Психосемантическое исследование особенностей восприятия и оценивания компьютерных игр // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2009. – Т.4, №51. – С. 267–274.

Осгуд Ч., Суси Д., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Искусствоведение: Методы точных наук и семиотики. / Сост. и ред. Ю. М.

Лотмана, В. М. Петрова; Предисл. Ю. М. Лотмана; Послесл. В. М. Петрова, Изд. 2-е, доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 278–297.

Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М. Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 177 с.

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2013. – 448 с.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.

Петренко В. Ф. Психосемантика искусства. М.: Макс Пресс, 2014. – 320 с.

Петренко В. Ф. Художественные конструкты произведений искусства и массовых коммуникаций. Язык средств массовой информации. – М.: МГУ, 2008. – С. 19–24.

Петренко В. Ф., Алиева Л. А., Шейнс С. А. Психосемантические методы исследования и понимания кинопроизведения // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». – 1982. – № 2. – С. 13–21.

Петренко В. Ф., СапSOLEVA О. Н. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 56–72.

Петровский В. А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 124–144.

Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». – 1984. – № 4. – С. 13–20.

Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – С. 145–276.

Пузырева Л. О. Представления об информационно-психологической безопасности политического текста / Л. О. Пузырева // Вестник Пермского

университета. Серия Философия. Психология. Социология. – 2015. – №1 (21). – С. 55–60.

Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. – 1996. – № 5. – С. 3–18.

Ревонсуо А. Психология сознания. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

Самойленко Е. С. К вопросу о полисистемном подходе в психологическом исследовании сравнения / Е. С. Самойленко // Экспериментальная психология. – 2011. – Т.4, №4. – С. 4–16.

Сергиенко Е. А. Восприятие и действие: взгляд на проблему с позиций онтогенетических исследований / Е. А. Сергиенко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т.1, №2. – С. 16–37.

Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. – М.: Пчела, 2008. – 382 с.

Серкин В. П. Проблемы моделирования сознания методами психосемантики и психологии субъективной семантики // Психология субъективной семантики: Истоки и развитие / Под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 8–21.

Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». – 1981. – № 2. – С. 15–29.

Собкин В. С., Маркина О. С. Фильм «Чучело» глазами современных школьников // Труды по социологии образования. – Т. 14. Вып. 25. — М.: Институт социологии образования РАО, 2010. – 152 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2011. – 589 с.

Сыманюк Э. Э. Психологические основания профессиональных деструкций педагога: дис. ... д-ра психол. наук / Э.Э. Сыманюк. – Екатеринбург, 2005.

Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2013. – 320 с.

Ушаков Д. В. Творчество – общесистемный взгляд // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2011. – С. 21–32.

Ушакова Т. Н. Психолингвистика. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 416 с.

Фадеева С. В. Компьютерная зависимость как фактор риска развития агрессивного поведения у подростков / С. В. Фадеева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология». – 2010. – № 3. – С. 250–257.

Федеральный закон от 29.12.2010 №436-ФЗ (ред. от 28.07.2012) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Электронный источник [дата обращения: 24.03.2018.]: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216133&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.49994461755587816#03015786616959052>

Фрейд З. Я и Оно. – М.: Эксмо, 2015. – 864 с.

Харрис Р. Насилие: так ли уж безобидны эти драки на экране // Р. Харрис. Психология массовых коммуникаций. – СПб: Прайм-Еврознак, 2003. – С. 299–331.

Хван А. А. Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки / А. А. Хван, Ю. А. Зайцев, Ю. А. Кузнецова // Психологическая диагностика. – 2008. – № 1. – С. 35–58.

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 288 с.

Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 461 с.

Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 464 с.

Шестакова Е. Г. Агрессивное поведение и агрессивность личности / Е. Г. Шестакова, Л. Я. Дорфман // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2009. – Т. 7, №64. – С. 51–66.

Шестакова Е. Г. Агрессивность в структуре личности: интегративный подход: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. Г. Шестакова. – Челябинск: ЮУрГУ, 2011. – 26 с.

Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. — М.: Изд-во МГУ, 1983б. – 158 с.

Шмелев А. Г. Концепция систем значений в экспериментальной психосемантике // Вопросы психологии. – 1983а. – № 4. – С. 16–28.

Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. — М.: Изд-во МГУ, 1988. – 208 с.

Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. – М., 1974. – 256 с.

Эткинд А. М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. – 1979. – № 1. – С. 17–27.

Юревич А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? / А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2005. – №3. – С. 16–28.

Юревич А. В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. / А. В. Юревич, Д. В. Ушаков // Вестник Российской академии наук. – 2012. – Т.82, №10. – С. 930–937.

Яковлева Т. В. Взаимосвязь агрессивности с просмотром художественных фильмов в старшем подростковом возрасте / Т. В. Яковлева // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». – 2010. – №6(64). – С. 123–127.

Albert, R S. (1957). The role of mass media and the effect of aggressive film content upon children's aggressive responses and identification choices. Genetic psychology monographs, 55, 221–285.

Allport, G. W. (1937). Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Aluja-Fabregat, A, & Torrubia-Beltri, R. (1998). Viewing of mass media violence, perception of violence, personality, and academic achievement. *Personality & Individual Differences*, 25, 973–989.

Anderson, C. A. (1997). Effects of violent movies and trait irritability on hostile feelings and aggressive thoughts. *Aggressive behavior*, 23, 161–178.

Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2001). Effects of violent games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature. *Psychological Science*, 12, 353–359.

Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2002). The effects of media violence on society. *Science*, 295, 2377–2378.

Anderson, C. A., & Dill, K. E. (2000). Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78, 772–790.

Anderson, C. A., Berkowitz, L., Donnerstein, E., Huesmann, L. R., Johnson, J. D., Linz, D., Malamuth, N. M., & Wartella, E. (2003). The influence of media violence on youth. *Psychological science in the public interest*, 4, 3, 81–110.

Anderson, C. A., Carnagey, N. L., Flanagan, M, et al. (2004). Specific effects of violent video game content on aggressive thoughts and behavior. *Advances in Experimental Social Psychology*, 36, 199–249.

Anderson, C. A., Shibuya, A., Ihori, N., Swing, E. L., Bushman, B. J., Sakamoto, A., Saleem, M. (2010). Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in Eastern and Western countries: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 136(2), 151-173. DOI: 10.1037/a0018251

Anderson, J. C., & Gerbing, D. W. (1988). Structural equation modeling in practice: A review and recommended two-step approach. *Psychological Bulletin*, 103, 411–423.

Ariely, D., & Loewenstein, G. (2006). The heat of the moment: The effect of sexual arousal on sexual decision making. *Journal Of Behavioral Decision Making*, 19, 87–98.

Armitage, C. J., & Rowe, R. (2017). Evidence that self-affirmation reduces relational aggression: A proof of concept trial. *Psychology of Violence, 7*(4), 489–497. DOI: 10.1037/vio0000062)

Asher, J. J., & Evans, R. I. (1959). An investigation of some aspects of the social psychological impact of an educational television program. *Journal of Applied Psychology, 43*, 3, 166-169. DOI: 10.1037/h0040994

Ball-Rokeach, S. J., & DeFleur, M. L. (1976). A dependency model of mass-media effects. *Communication Research, 3*(1), 3–21. DOI: 10.1177/009365027600300101

Bandura, A, Ross, D, & Ross, S. A. (1963). Imitation of film-mediated aggressive models. *Journal of Abnormal & Social Psychology, 66*, 3–11.

Bandura, A. (1971). Social learning theory of aggression. In J. G. Knutson (Ed.), *Control of aggression: Implications from basic research*. Chicago: Aldine-Atherton, 201–250.

Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning theory analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1983). Psychological mechanism of aggression. In R. G. Green, & E. I. Donnerstein (Hrsd.) *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. NY: Academic, 1–40.

Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Banerjee, S. C., Greene, K., Krcmar, M., & Bagdasarov, Z. (2009). Who watches verbally aggressive shows? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications, 21*(1), 1-14. DOI: 10.1027/1864-1105.21.1.1

Banerjee, S. C., Greene, K., Krcmar, M., Bagdasarov, Z., & Ruginyte, D. (2008). The role of gender and sensation seeking in film choice: Exploring mood and arousal. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications, 20*(3), 97-105. DOI: 10.1027/1864-1105.20.3.97

Bargh, J. A., & Chartrand, T. L. (1999). The unbearable automaticity of being. *American Psychologist*, 54, 462–479.

Bartholow, B. D., Sestir, M. A., & Davis, E. B. (2005). Correlates and consequences of exposure to video game violence: Hostile personality, empathy, and aggressive behavior. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 31, 1573–1586.

Bender, P. R., Plante, C., & Gentile, D. A. (2018). The effects of violent media content on aggression. *Current Opinion in Psychology*, 19, 104–108.

Benedek, M., & Jauk, E. (2018). Spontaneous and controlled processes in creative cognition. In K. C. R. Fox, & K. Christoff (Eds.), *The Oxford handbook of spontaneous thought: Mind wandering, creativity, dreaming, and clinical conditions*. New York: Oxford University Press (In press).

Bennett, J. (2005). *Empathic vision: Affect, trauma and contemporary art*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Bentler, P. M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 107(2), 238–246. DOI: 10.1037/0033-2909.107.2.238

Berkowitz L. (1984). Some effects of thoughts on anti- and prosocial influences of media events: A cognitive-neoassociation analysis. *Psychological Bulletin*, 95, 140-427.

Berkowitz, L. (1974). Some determinants of impulsive aggression: Role of mediated associations with reinforcements for aggression. *Psychological Review*, 81(2), 165-176. DOI: 10.1037/h0036094

Berkowitz, L. (1974). Some determinants of impulsive aggression: Role of mediated associations with reinforcements for aggression. *Psychological Review*, 81(2), 165-176. DOI: 10.1037/h0036094

Berkowitz, L. (1989). Frustration–aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*, 106, 59–73.

Berkowitz, L. (1993). *Aggression: Its causes, consequences, and control*. Philadelphia: Temple University Press.

Bing, M. N., Stewart, S. M., Davison, H. K., Green, P. D., McIntyre, M. D., & James, L. R. (2007). An integrative typology of personality assessment for aggression:

Implications for predicting counterproductive workplace behavior. *Journal of Applied Psychology*, 92(3), 722–744.

Blumler, J., Katz, E. (1974). *The Uses of Mass Communications*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Bösche, W. (2009). Violent content enhances video game performance. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 21(4), 145-150. DOI: 10.1027/1864-1105.21.4.145

Bösche, W. (2010). Violent video games prime both aggressive and positive cognitions. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 22(4), 139-146. DOI: 10.1027/1864-1105/a000019

Breuer, J., Vogelgesang, J., Quandt, T., & Festl, R. (2015). Violent video games and physical aggression: evidence for a selection effect among adolescents. *Psychology of Popular Media Culture*, 4, 305–328. DOI: 10.1037/ppm0000035

Bruggemann, J. M., & Barry, R. J. (2002). Eysenck's P as a modulator of affective and electrodermal responses to violent and comic film. *Personality and Individual Differences*, 32, 1029–1048.

Bryant, F. B. & Yarnold, P. R. (1998). Principal-components analysis and exploratory and confirmatory factor analysis (pp. 99–136). In L.G. Grimm & P.R. Yarnold (Eds.), *Reading and understanding multivariate statistics*, Washington, D.C.: American Psychological Association.

Bryant, J., & Miron, D. (2003). Excitation-transfer theory. In J. Bryant, D. Roskos-Ewoldsen, & J. Cantor (Eds.), *Communication and emotion: Essays in honor of Dolf Zillmann* (pp. 31–59). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Bushman, B. J. (1995). Moderating role of trait aggressiveness in the effects of violent media on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(5), 950-960. DOI:10.1037/0022-3514.69.5.950

Bushman, B. J. (2002). Does venting anger feed or extinguish the flame? Catharsis, rumination, distraction, anger, and aggressive responding. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28, 724–731.

Bushman, B. J. (2016). Violent media and hostile appraisals: a meta-analytic review. *Aggressive Behavior*, 42, 605–613. DOI: 10.1002/ab.21655

Bushman, B. J., & Anderson, C. A. (2001). Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation. *American Psychologist*, 56, 477–489.

Bushman, B. J., & Cantor, J. (2003). Media ratings for violence and sex: Implications for policymakers and parents. *American Psychologist*, 58(2), 130-141. DOI: 10.1037/0003-066X.58.2.130

Bushman, B. J., & Geen, R. G. (1990). Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(1), 156-163. DOI: 10.1037/0022-3514.58.1.156

Bushman, B. J., & Stack, A. D. (1996). Forbidden fruit versus tainted fruit: Effects of warning labels on attraction to television violence. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2(3), 207-226. DOI: 10.1037/1076-898X.2.3.207

Buss, A. H., & Durkee, A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 21(4), 343–349. DOI: 10.1037/h0046900

Buss, A. H., & Durkee, A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 21, 343–349.

Buss, A. H., & Perry, M. (1992). The aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 3, 452–459.

Bynner, J., & Coxhead, P. (1979). Some problems in the analysis of semantic differential data. *Human Relations*, 32(5), 367–385. DOI:10.1177/001872677903200502

Cantor, J. (1996). Television and children's fear. In T. M. Macbeth. *Tuning in to young viewers: Social science perspectives on television*. Thousand Oaks, CA: Sage, 87–115.

Cantor, J., & Oliver, M. B. (1996). Developmental differences in responses to horror. In J. B. Weaver & R. Tamborini (Eds.). *Horror films: Current research on audience preferences and reactions*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 63–80.

Cantor, N., & Kihlstrom, J. F. (1987). *Personality and social intelligence*. Englewood Cliffs, NJ: Erlbaum.

Carroll, N. (1990). *The philosophy of horror, or paradoxes of the heart*. New York: Routledge.

Cervone, D. (1991). The two disciplines of personality psychology. *Review of Handbook of personality: Theory and research. Psychological Science*, 2, 371–377.

Chory, R. M., & Goodboy, A. K. (2010). Is basic personality related to violent and non-violent video game play and preferences? *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14(4), 191–198. DOI: 10.1089/cyber.2010.0076

Claridge, G. S. (1987). Psychoticism and arousal. In J. Strelau & H. J. Eysenck (Eds.), *Personality dimensions and arousal* (pp. 133–150). New York: Plenum.

Cohen, J. (1988). *Statistical power for the social sciences*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum and Associates.

Comstock, G. A. et al. (Eds.) (1972). *Television and Social Behavior; Reports and Papers, Volume V: Television's Effects: Further Explorations*.

Connolly, A. (2008). *Jung in the twilight zone: The psychological functions of the horror film*. Rowland, Susan.

Costa, P. T., Zonderman, A. B., & McCrae, R. R. (1991). Personality, defense, coping and adaptation in older adulthood. In E. M., Cummings, A. L., Greene, & K. H. Karraker (Eds.). *Life-span developmental psychology: Perspectives on stress and coping*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 277–293.

Costa, P.T., & McCrae, R. R. (1987). Neuroticism, somatic complaints and disease: Is the bark worse than the bite? *Journal of Personality*, 55, 299–316.

Crick, N. R., & Dodge, K. A. (1994). A review and reformulation of social information-processing mechanisms in children's social adjustment. *Psychological Bulletin*, 115, 74–101.

Cronbach, L. J. (1975). Beyond the two disciplines of scientific psychology. *American Psychologist*, 30, 116–127.

DeWall, C. N., Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2011). The General Aggression Model: Theoretical extensions to violence. *Psychology of Violence*, 1, 3, 245–258. DOI: 10.1037/a0023842

Dill, K. E., Anderson, C. A., Anderson, K. B., & Deuser, W. E. (1997). Effects of aggressive personality on social expectations and social perceptions. *Journal of Research in Personality*, 31, 272–292.

Ditzfeld, C. P., & Shoewrs, C. J. (2014). Self-structure and emotional experience. *Cognition & Emotion*, 28(4), 596–621. DOI: 10.1080/02699931.2013.845083

Dollard, J., Doob, L. W., Miller, N. E., Mowrer, O. H., & Sears, R. R. (1939). *Frustration and aggression*. New Haven, CT: Yale University Press.

Donnerstain E. (1984). Pornography: Its effect on violence against women. In N. M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.) *Pornography and sexual aggression*, Orlando FL: Academic Press, 53–81.

Dorfman, L. (2016). Affective meaning of pronouns in a Russian sample. *Journal of Literature and Art Studies*, September 2016, Vol. 6, No. 9, 1042–1055. DOI: 10.17265/2159-5836/2016.09.007

Dorfman, L., & Gassimova, V. (2015). Divergent thinking and differential focusing of perceptual attention in visual serial search tasks. *Learning and Individual Differences*, 44, 25-32. DOI: 10.1016/j.lindif.2015.05.007

Drabman, R. S., & Thomas, M. H. (1974). Does media violence increase children's toleration of real-life aggression? *Developmental Psychology*, 10(3), 418-421. DOI: 10.1037/h0036439

Duffy, E. (1962). *Activation and Behavior*. New York: Wiley.

Dukes Conrad, S., & Stevens Morrow, R. (2000). Borderline personality organization, dissociation, and willingness to use force in intimate relationships. *Psychology of Men & Masculinity*, 1(1), 37-48. DOI: 10.1037/1524-9220.1.1.37

Epstein S. (2014). *Cognitive-Experiential theory: An integrative theory of personality*. New York, NY: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199927555.001.0001.

Eron, L. D., Huesmann, L. R., Lefkowitz, M. M., & Walder, L. O. (1972). Does television violence cause aggression? *American Psychologist*, 27, 253–263.

Eysenck, H. (1982). *Personality, genetics, and behavior*. New York: Praeger.

Eysenck, H. J. (1947). *Dimensions of personality*. London, G.B.: Routledge, & Kegan Paul.

Eysenck, H. J. (1952). *The scientific study of personality*. London, G.B.: Routledge, & Kegan Paul.

Eysenck, H. J. (1967). *The biological basis of personality*. Springfield, IL: Thomas Publishing.

Eysenck, H. J. (1971). *Readings in Extraversion–Introversion*. New York: Wiley.

Eysenck, H. J. (1990). Biological dimensions of personality. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford, 244–276.

Eysenck, H. J., & Eysenck, M. W. (1985). *Personality and individual differences*. New York, NY: Plenum.

Eysenck, H. J., & Eysenck, S. B. G. (1994). *Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) & EPQ-R Short Scale*. San Diego, Ca: EdITS.

Ferguson, C. J. (2015). Do angry birds make for angry children? A meta-analysis of video game influences on children's and adolescents' aggression, mental health, prosocial behavior, and academic performance. *Perspectives on Psychological Science*, 10, 646–666. DOI: 10.1177/1745691615592234.

Ferguson, C. J., & Rueda, S. M. (2010). The Hitman study: Violent video game exposure effects on aggressive behavior, hostile feelings, and depression. *European Psychologist*, 15(2), 99-108. DOI: 10.1027/1016-9040/a000010

Feshbach, S. (1955). The drive-reducing function of fantasy behavior. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 50(1), 3–11. DOI: 10.1037/h0042214

Feshbach, S. (1961). The stimulating effects of a vicarious aggressive activity. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 63(2), 381–385. DOI: 10.1037/h0048863

Feshbach, S. (1976). The role of fantasy in the response to television. *Journal of Social Issues*, 32(4), 71–85. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1976.tb02507.x

Feshbach, S., & Singer, R. (1971). *Television and aggression*. San Francisco: Jossey-Bass.

Fikkers, K. M., Piotrowski, J. T., & Valkenburg, P. M. (2016). Beyond the lab: Investigating early adolescents' cognitive, emotional, and arousal responses to violent games. *Computers in Human Behavior*, 60, 542–549. DOI: 10.1016/j.chb.2016.02.055

Fowles, J. (1999). *The case for television violence*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Freedman, J. (2002). *Media violence and its effect on aggression*. Toronto, Ontario, Canada: University of Toronto Press.

Funder, D. C. (1991). Global traits: A neo-Allportian approach to personality. *Psychological Science*, 2, 31–39.

Galtung, J. (1995). *Selected works*. New York, London.

Geen R. G., & Bushman B. J. (1997). Behavioral effects of observing violence. In *Encyclopedia of human biology*, 1, NY: Academic Press, 705–714.

Geen, R. G. (1990). *Human aggression*. Pacific Grove, CA: McGraw-Hill.

Geen, R. G., & O'Neal, E. C. (1969). Activation of cue-elicited aggression by general arousal. *Journal of Personality and Social Psychology*, 11, 289–292.

Gentile, D. A., Lynch, P. J., Linderc, J. R., & Walsh, D. A. (2004). The effects of violent video game habits on adolescent hostility, aggressive behaviors, and school performance. *Journal of Adolescence*, 27, 5–22.

Gerbner G., Gross L., Eleey M. F., Jackson-Beeck M., Jeffries-Fox S., Signorielli N. (1977). TV violence profile №8. *Journal of Communication*, 27(2), 171– 80.

Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1986). Living with television: The dynamic of the cultivation process. In *Perspectives on media effects* / Eds. J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 17–40.

Gerbner, G., & Gross, L. (1976). Living with television: The violence profile. *Journal of Communication*, 26(2), 173–179. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x

Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., & Signorielli, N. (1994). Growing up with television: The cultivation perspective. In J. Bryant & D. Zillmann (Eds.), *LEA's communication series. Media effects: Advances in theory and research* (pp. 17-41). Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Glascok, J. (2014). Contribution of demographics, sociological factors, and media usage to verbal aggressiveness. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 26(2), 92-102. DOI: 10.1027/1864-1105/a000115

Goldberg, L. R. (1993). The structure of phenotypic personality traits. *American Psychologist*, 48, 26–34.

Gough, H. G., & Heilbrun, A. B. Jr. (1983). *The adjective check list (ACL): Manual*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Greene, K., & Krmar, M. (2005). Predicting exposure to and liking of media violence: A uses and gratification approach. *Communication Studies*, 56, 71–93.

Greenwald, A. G., & Banaji, M. R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 102, 4–27.

Gunter, B. (1983). Personality and perceptions of harmful and harmless TV violence. *Personality and Individual Differences*, 46, 665–670.

Gunter, B. (1985). *Dimensions of television violence*. Aldershot, England: Gower Press.

Hall, A. (2005). Audience personality and the selection of media and media genres. *Media Psychology*, 7, 377–398.

Hanoch, Y., & Vitouch, O. (2004). When less is more: Information, emotional arousal and the ecological reframing of the Yerkes–Dodson law. *Theory & Psychology*, 14, 427–452.

Harris, R. J., & Sanborn, F. (2013). *A cognitive psychology of mass communication*. New York, NY: Taylor & Francis, 267-299.

Hebb, D. O. (1955). Drive and the C.N.S. (conceptual nervous system). *Psychological Review*, 62, 243–254.

Heise, D. R. (1969). Some methodological issues in semantic differential research. *Psychological Bulletin*, 7, 406–422. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1037/h0028448>

Heise, L. (1998). Violence against women: An integrated, ecological framework. *Violence Against Women*, 4, 262–290.

Hermans, H. J. M. (1996). Voicing the self: From information processing to dialogical interchange. *Psychological Bulletin*, 119, 1, 31–50.

Hirschman, E. C. (1985). A multidimensional analysis of content preferences for leisure-time media. *Journal of Leisure Research*, 17, 14–28.

Hoffner, C. A., & Levine, K. J. (2005). Enjoyment of Mediated Fright and Violence: A Meta-Analysis. *Media Psychology*, 7(2), 207-237. DOI: 10.1207/S1532785XMEP0702_5

Hofmann W., Friese M., & Strack F. (2009). Impulse and self-control from a dual-systems perspective. *Perspectives on Psychological Science*, 4(2), 162–176. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2009.01116.x

Huesmann, L. R. (1986). Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer. *Journal of Social Issues*, 42(3), 125-139. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1986.tb00246.x

Huesmann, L. R. (1986). Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer. *Journal of Social Issues*, 42, 125–139.

Huesmann, L. R. (2018). An integrative theoretical understanding of aggression: a brief exposition. *Current Opinion in Psychology*, 19, 119–124.

Huesmann, L. R., & Miller, L. S. (1994). Long-term effects of the repeated exposure to media violence in childhood. In L. R. Huesmann (Ed.), *Aggressive behavior: Current perspective*, NY: Plenum Press, 153 – 186.

Huesmann, L. R., Eron, L. D. (1986). *Television and the aggressive child: A cross-national comparison*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.

Hull, C. L. (1943). *Principles of Behavior*. New York: Appleton Century-Crofts.

Hutchings, P. (2004). *The horror film*. London: Longman.

- Jöreskog, K. G., & Sörbom, D. (1989). LISREL 7 user's reference guide. Chicago: SPSS Publications.
- Kagan, J. (1996). Three pleasing ideas. *American Psychologist*, 51, 901–908.
- Kelly, G. A. (1955). *The psychology of personal construct*. New York.
- Kim, D. H., & Lee, S. H. (2008). The impression evaluation of movies by the work of Kansei, Vol. 10, CD-ROM, 01-25.
- Knobloch, S., Zillmann, D. (2002). Mood management via the digital jukebox. *Journal of Communication*, 52(2), 351–366.
- Komorita, S. S., & Bass, A. R. (1967). Attitude differentiation and evaluative scales of the semantic differential. *Journal of Personality and Social Psychology*, 6, 241–244. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1037/h0024656>
- Krahe, B., 2013. *The social psychology of aggression*. New York, NY: Psychology Press, 119-152.
- Krahé, B., Möller, I., Huesmann, L. R., Kirwil, L., Felber, J., & Berger, A. (2011). Desensitization to media violence: Links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100(4), 630-646. DOI: 10.1037/a0021711
- Krcmar, M., & Greene, K. (1999). Predicting exposure to and uses of television violence. *Journal of Communication*, 49(3), 24-45. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02803.x
- Krcmar, M., & Greene, K. (2000). Connections between violent television exposure and adolescent risk taking. *Media Psychology*, 2(3), 195-217. DOI: 10.1207/S1532785XMEP0203_1
- Krcmar, M., & Kean, L. G. (2005). Uses and gratifications of media violence: Personality correlates of viewing and liking violent genres. *Media Psychology*, 7, 399–420.
- Kubinić, C. M., & Farr, S. D. (1971). Concept-scale and concept-component in interaction in the semantic differential. *Psychological Reports*, 28, 531-541. DOI:10.2466/pr0.1971.28.2.531

Kuusinen, J. (1969). Affective and denotative structures of personality ratings. *Journal of Personality and Social Psychology*, 12, 181-188. Retrieved from DOI: 10.1037/h0027713

Lachlan, K. A., & Maloney, E. K. (2008). Game player characteristics and interactive content: Exploring the role of personality and telepresence in video game violence. *Communication Quarterly*, 56, 284–302.

Lang, A., Bradley, S. D., Schneider, E. F., Kim, S. C., & Mayell, S. (2012). Killing is positive! Intra-Game Responses Meet the Necessary (But Not Sufficient) Theoretical Conditions for Influencing Aggressive Behavior. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 24(4), 154–165. DOI: 10.1027/1864-1105/a000075

Lee, S. A., & J. A. Gibbons. (2010). Sympathetic reactions to the bait dog in a film of dog fighting: The influence of personality and gender. *Society & Animals: Journal of Human-Animal Studies*, 18, 107–125.

Lindsay, J. J., & Anderson, C. A. (2000). From antecedents to violent actions: A general affective aggression model. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26, 533–547.

Lipscomb, S. D., Kendall, R. A. (1994). Perceptual judgement of the relationship between musical and visual components in film. *Psychomusicology*, 13, 60-98.

Lynch, P. J. (1994). Type A behavior, hostility, and cardiovascular function at rest and after playing video games in teenagers. *Psychosomatic Medicine*, 56, 152.

Lynch, P. J. (1999). Hostility, Type A behavior, and stress hormones at rest and after playing violent video games in teenagers. *Psychosomatic Medicine*, 61, 113.

Mann, I. T., Phillips, J. L., & Thompson, E. G. (1979). An examination of methodological issues relevant to the use and interpretation of the semantic differential. *Applied Psychological Measurement*, 3(2), 213-229. DOI:10.1177/014662167900300211

Mares M. L., Oliver M. B., Cantor J. (2008). Age differences in adults' emotional motivations for exposure to films. *Media Psychology*, 11, 488–511.

Markey, P. M., & Markey, C. N. (2010). Vulnerability to violent video games: A review and integration of personality research. *Review of General Psychology*, 14(2), 82–91. DOI:10.1037/a0019000

Markey, P. M., & Scherer, K. (2009). An examination of psychoticism and motion capture controls as moderators of the effects of violent video games. *Computers in Human Behavior*, 25, 407–411.

Marsh, H. W., & Grayson, D. (1995). Latent variable models of multitrait-multimethod data. In R. Hoyle (Ed.), *Structural equation modeling: Concepts, issues and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage, 177–198.

Marshall, S. K., & Cohen, A. J. (1988). Effects of musical soundtracks on attitudes toward animated geometric figures. *Music Perception*, 6, 95-113.

McCrae, R. R., & John, O. P. (1992). An introduction to the five-factor model and its applications. *Journal of Personality*, 60,175–215.

McCroskey, J. C., Heisel, A. D., & Richmond, B. P. (2001). Eysenck's BIG THREE and communication traits: Three correlational studies. *Communication Monographs*, 68, 360–366.

McIntyre, J. J., Teevan, J. J. Jr., & Hartnagel, T. (1972). Television violence and deviant behavior. In Comstock G A., Rubinstein, E. A. (Eds.), *Television and Social Behavior*. Vol. 3. *Television and Adolescent Aggressiveness*. U.S. Government Printing Office, 383–435.

McKie, D., & Foster, S. F. (1972). General model for multidimensional analysis of semantic differential attitude data. Reprinted from the Proceedings, 80th Annual Convention, APA, 45-46.

McNaughton, N., & Gray, J. A. (2000). Anxiolytic action on the behavioural inhibition system implies multiple types of arousal contribute to anxiety. *Journal of Affective Disorders*, 61, 161–176.

Miron, M. S. (1969). What is it that is being differentiated by the semantic differential? *Journal of Personality and Social Psychology*, 12, 189-193. Retrieved from [DOI: 10.1037/h0027714](https://doi.org/10.1037/h0027714)

Miron, M. S., & Osgood, C. E. (1966). Language behavior: The multivariate structure of qualification. In R. B. Cattell (Ed.), *Handbook of multivariate experimental psychology*. Chicago: Rand McNally.

Mischel, W., & Shoda, Y. (1994). Personality psychology has two goals: Must it be two fields? *Psychological Inquiry*, 5, 156–158.

Mischel, W., & Shoda, Y. (1995). A cognitive–affective system theory of personality: Reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure. *Psychological Review*, 102, 246–268.

Mischel, W., & Shoda, Y. (1999). Reconciling processing dynamics and personality dispositions. *Annual Review of Psychology*, 49, 229–258.

Morgan M., Shanahan J. (1996). Two decades of cultivation research: An appraisal and meta-analysis. In B. R. Burleson (Hrsg.), *Communication yearbook 20*, Newbury Park: Sage, 1–45.

Morris, C. (1946). *Signs, language and behavior*. New York: Prentice-Hall.

Nabi, R. L., & Riddle, K. (2008). Personality traits, television viewing, and the cultivation effect. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 52, 327–348.

Nunes, K. L., Hermann, C. A., Maimone, S. A., & Woods, M. (2014). Thinking clearly about violent cognitions: Attitudes may be distinct from other cognitions. *Journal of Interpersonal Violence*, Advanced online publication. DOI: 10.1177/0886260514540329.

Oliver, M. B. (2008). Tender affective states as predictors of entertainment preference. *Journal of Communication*, 58(1), 40–61. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2007.00373.x

Osgood, C. (1952). The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*, 49, 197–237.

Osgood, C. (1980). *Psycholinguistic*. Darmstadt, 1980.

Osgood, C. E. (1969). On the whys and wherefores of E, P, and A. *Journal of Personality and Social Psychology*, 12, 194-199. Retrieved from DOI: 10.1037/h0027715

Osgood, C. E. (1980). A history of psychology in autobiography (Vol. VII, pp. 335–393). G. Lindzey (Ed.). San Francisco, CA, US: W H Freeman & Co. Retrieved from DOI: 10.1037/11346-009

Osgood, C. E., May, W. H., & Miron, M. S. (1975). Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana: University of Illinois Press.

Osgood, C. E., Suci, G. J., & Tannenbaum, P. H. (1957). The measurement of meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Oswald, C. A., Prorock, C., & Murphy, S. M. (2014). The perceived meaning of the video game experience: An exploratory study. *Psychology of Popular Media Culture*, 3(2), 110-126. DOI: 10.1037/a0033828

Paik, H., & Comstock, G. (1994). The effects of television violence on antisocial behavior: A meta-analysis. *Communication Research*, 21, 516–546.

Pervin, L. A. (Ed.). (1990). *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford Press.

Picard, R. W., Fedor, S., & Ayzenberg, Y. (2015). Multiple arousal theory and daily-life electrodermal activity asymmetry. *Emotion Review*, 1–14. DOI: 10.1177/1754073914565517

Qian, Z., Zhang, D., & Wang, L. (2013). Is aggressive trait responsible for violence? Priming effects of aggressive words and violent movies. *Psychology*, 4, 2, 96–100.

Ramos, R. A., Ferguson, C. J., Frailing, K., & Romero-Ramirez, M. (2013). Comfortably numb or just yet another movie? Media violence exposure does not reduce viewer empathy for victims of real violence among primarily Hispanic viewers. *Psychology of Popular Media Culture*, 2(1), 2-10. DOI: 10.1037/a0030119

Ratner, C. (2017). The Generalized pathology of our era: Comparing the biomedical explanation, the cultural-political explanation, and a Liberal-humanistic-postmodernist perspective. *International Critical Thought*, 7, 1, 72–92.

Reeve, J. (2009). *Understanding motivation and emotion* (5th Ed.). Hoboken, NJ: Wiley.

Revelle, W., & Loftus, D. A. (1990). Individual differences and arousal: Implications for the study of mood and memory. *Cognition and Emotion*, 4(3), 209–237.

Rhodes, R. (2000). Hollow claims about fantasy violence. *New York Times*, Section 4, 19.

Schachter, S., & Singer, J. E. (1962). Cognitive, social and physiological determinants of emotional state. *Psychological Review*, 69, 379–399.

Schermelleh-Engel, K., Moosbrugger, H., & Müller, H. (2003). Evaluating the Fit of Structural Equation Models: Tests of Significance and Descriptive Goodness-of-Fit Measures. *Methods of Psychological Research*, 8(2), 23-74.

Schröder, T. (2011). A model of language-based impression formation and attribution among Germans. *Journal of Language and Social Psychology*, 30(1), 82–102. DOI:10.1177/0261927X10387103

Schumacker, R. E., & Lomax, R. G. (1996). *A beginner's guide to structural equation modeling*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Shackman, A. J., Sarinopoulos, I., Maxwell, J. S., Pizzagalli, D. A., Lavric, A., & Davidson, R. J. (2006). Anxiety selectively disrupts visuospatial working memory. *Emotion*, 6, 40–61.

Shaw, D. R. (1955). Variation in inter-scale correlation on the semantic differential as a function of the concept judged (MS Thesis, University of Illinois at Urbana).

Sherry, J. L. (2001). The effects of violent video games on aggression: A meta-analysis. *Human Communication Research*, 27, 409–431.

Shostrom, E. L. (1963). *Personal orientation inventory*. San Diego, CA: EdITS/Educational and Industrial Testing Service.

Showers, C. J., & Zeigler-Hill, V. (2007). Compartmentalization and integration: The evaluative organization of contextualized selves. *Journal of Personality*, 75, 6, 1181–1204. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2007.00472.x

Signorielli, N., Gerbner, G., & Morgan, M. (1995). Violence on television: The Cultural Indicators Project. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 39(2), 278-283. DOI: 10.1080/08838159509364304

Signorielli, N., Morgan, M. (1990). *Cultivation analysis: New direction in media effects research*. Newbury Park, CA: Sage Publication.

Sirius, G., & Clark, E. F. (1994). The perception of audiovisual relationships: A preliminary study. *Psychomusicology*, 13(1 and 2), 119-132.

Skinner, B. F. (1957). *Verbal behavior*. New York, Appleton-Century-Crofts.

Slater, M. (2003). Alienation, aggression, and sensation seeking as predictors of adolescent use of violent film, computer, and website content. *Journal of Communication*, 53, 105–121.

Sparks, G. G., & Sparks, C. W. (2000) Violence, mayhem, and horror. In D. Zillmann & P. Vorderer (Eds.), *Media Entertainment: The psychology of its appeal* (pp. 73–91). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Steele, C. M. (1988). The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self. *Advances in Experimental Social Psychology*, 21, 261–302. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60229-4

Steiger, J. H. (1990). Structural model evaluation and modification: An interval estimation approach. *Multivariate Behavioral Research*, 25(2), 173–180. DOI: 10.1207/s15327906mbr2502_4

Szymura, B. (2010). Individual differences in resource allocation policy. In Gruszka, A., Matthews, G., & Szymura, B. (Eds.), *Handbook of Individual Differences in Cognition. Attention, Memory, and Executive Control* (pp. 232–246). New York: Springer. DOI: 10.1007/978-1-4419-1210-7

Tamborini, R. (1991). Responding to horror: Determinants of exposure and appeal. In J. Bryant, & D. Zillmann (Eds.). *Responding to the screen: Reception and reaction processes*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 305–328.

Tamborini, R., & Stiff, J. (1987). Preference for graphic horror featuring male versus female victimization: Personality and past film viewing experiences. *Human Communication Research*, 13, 529–552.

Tamborini, R., Stiff, J., & Heidel, C. (1990). Reaction to graphic horror: A model of empathy and emotional behavior. *Communication Research*, 17, 616–640.

Tan, A. S. (1986). Social learning of aggression from television. In: J. Bryant, & D. Zillmann (Eds.) *Perspectives on media effects*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 41–55.

Tanaka, Y., & Osgood, C. E. (1965). Cross-culture, cross-concept and cross-subject generality of affective meaning systems. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2, 143–153. Retrieved from DOI: 10.1037/h0022392

Tanaka, Y., Oyama, T., & Osgood, C. E. (1963). A cross-culture and cross-concept study of the generality of semantic space. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 2, 392–405. DOI:10.1016/S0022-5371(63)80040-7

Taylor, S. E., Peplau, L. A., & Sears, D. O. (2000). *Social psychology* (10th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall. Waller, J.

Tedeschi, J. T., & Felson, R. B. (1994). *Violence, aggression, and coercive actions*. Washington, DC: American Psychological Association.

Thayer, R. E. (1989). *The biopsychology of mood and arousal*. New York: Oxford University Press.

Thomas, M. H., Horton, R. W., Lippincott, E. C., & Drabman, R. S. (1977). Desensitization to portrayals of real-life aggression as a function of television violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35(6), 450-458. DOI: 10.1037/0022-3514.35.6.450

Todorov, A., & Bargh, J. A. (2002). Automatic sources of aggression. *Aggression and Violent Behavior*, 7, 53–68.

Tomarken, A. J., & Waller, N. G. (2003). Potential problems with "well fitting" models. *Journal of Abnormal Psychology*, 112(4), 578-598. DOI: 10.1037/0021-843X.112.4.578

Uhlmann, E., & Swanson, J. (2004). Exposure to violent video games increases automatic aggressiveness. *Journal of Adolescence* 27, 41–52.

Unz, D., Schwab, F., & Winterhoff-Spurk, P. (2008). TV news – The daily horror? Emotional effects of violent television news. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 20(4), 141-155. DOI: 10.1027/1864-1105.20.4.141

Ward, A., Mann, T., Westling, E. H., Creswell, J. D., Ebert, J. P., & Wallaert, M. (2008). Stepping up the pressure: Arousal can be associated with a reduction in male aggression. *Aggressive behavior*, 34, 584–592.

Ware, E. E., Brown, M., Amoroso, D. M., Pilkey, D. W., & Pruesse, M. (1972). The semantic meaning of pornographic stimuli for college males. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 4(3), 204-209. DOI: 10.1037/h0082305

Weaver, B. J., Brosius, H. B., & Mundorf, N. (1992). Personality and movie preferences: A comparison of American and German audiences. *Personality and Individual Differences*, 14(2), 307-315.

Wood, W., Wong, F.Y., & Chachere, J.G. (1991). Effects of media violence on viewers' aggression in unconstrained social interaction. *Psychological Bulletin*, 109, 371–383.

Woong, J. S., & Paul, B. (2007). Effects of personality types on the use of television genre. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 51, 287–304. DOI: 10.1080/08838150701304852

Yang, H., Ramasubramanian, S., & Oliver, M. B. (2008). Cultivation effects on quality of life indicators: Exploring the effects of American television consumption on feelings of relative deprivation in South Korea and India. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 52(2), 247-267. DOI: 10.1080/08838150801992060

Young, A. (2010). *The screen of the crime: Judging the affect of cinematic violence*. Taylor & Francis Ltd. DOI: 10.1177/0964663908100331

Zillmann D. (1988). Mood management through communication choices // *American Behavioral Scientist*, 31(3), 327–341.

Zillmann D. (1991). Television viewing and physiological arousal. In J. Bryant, & D. Zillmann (Hrsg.). *Responding to the screen*. Hillsdale: Erlbaum, 103–134.

Zillmann D. (1998). *Connections between sexuality and aggression*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.

Zillmann, D. (1971). Excitation transfer in communication-mediated aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 7, 419–434. DOI:10.1016/0022-1031(71)90075-8

Zillmann, D. (1979). *Hostility and aggression*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Zillmann, D. (1982). Television viewing and arousal. In D. Pearl, L. Bouthilet, & J. Lazar (Eds.), *Television and behavior: Ten years of scientific progress and implications for the eighties: Vol. 2. Technical reviews* (DHHS Publication No. ADM 82-1196, pp. 53–67). Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

Zillmann, D. (1983). Arousal and aggression. In R. G. Geen & E. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (Vol. 1, pp. 75–102). New York: Academic Press.

Zillmann, D. (1988). Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 14(1), 51–64.

Zillmann, D. (1993). Mental control of angry aggression. In: Wegner, D. M., & Pennebaker, J. W. (Eds.). *Handbook of Mental Control*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Zillmann, D. (2006). Dramaturgy for emotions from fictional narration. In J. Bryant & P. Vorderer (Eds.), *Psychology of entertainment*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 215–238.

Zillmann, D., & Weaver, J. B. (1996). Gender-socialization theory of reaction to horror/ In J. B. Weaver & R. Tamborini (Eds.). *Horror films: Current research on audience preferences and reactions*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 81–101.

Zillmann, D., Johnson, R. C., & Day, K. D. (1974). Attribution of apparent arousal and proficiency of recovery from sympathetic activation affecting excitation

transfer to aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 10, 503–515.

Zillmann, D., Weaver, J. B., Mundorf, N., & Aust, C. F. (1986). Effects of an opposite-gender companion's affect to horror on distress, delight, and attraction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(3), 586–594. DOI: 10.1037/0022-3514.51.3.586

Zillmann, D., & Weaver, J. B. (1997). Psychoticism in the effect of prolonged exposure to gratuitous media violence on the acceptance of violence as a preferred means of conflict resolution. *Personality and Individual Differences*, 22, 613–627.

Zuckerman M. (1996). Sensation seeking and the taste for vicarious horror. In: J. B. Weaver, & R. Tamborini (Eds.). *Horror films: Current research on audience preferences and reaction*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 147–160.

Zuckerman, M. & Little, P. (1986). Personality and curiosity about morbid and sexual events. *Personality and Individual Differences*, 7, 49–56.

Zuckerman, M. (1979). *Sensation seeking: Beyond the optimal level of arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Zuckerman, M. (1983). Sensation seeking and sports. *Personality and Individual Differences*, 4, 285–293.

Zuckerman, M. (1994). *Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking*. New York: Cambridge University Press.

Zuckerman, M. (2007). Sensation seeking. In M. Zuckerman, *Sensation seeking and risky behavior*. Washington, DC: American Psychological Association, 3–49.

Zuckerman, M., & Haber, M. M. (1965). Need for stimulation as a source of stress response to perceptual isolation. *Journal of Abnormal Psychology*, 70, 5, 371–377.

Zuckerman, M., & Link, K. (1968). Construct validity for the Sensation-Seeking Scale. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 32, 420–426.

Zuckerman, M., Eysenck, S., & Eysenck, H. J. (1978). Sensation seeking in England and America: Cross-cultural, age, and sex Comparisons. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 46, 1, 139–149.